

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

**Вестник
Российского мониторинга
экономического
положения
и здоровья населения
НИУ ВШЭ
(RLMS-HSE)**

Выпуск 13

*Ответственный редактор
П. М. Козырева*

Москва 2023

УДК 316.4
ББК 60.5
В38

*Исследование осуществлено в рамках
Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ*

Редакционная коллегия:
П. М. Козырева, М. С. Косолапов, В. В. Радаев,
С. Ю. Роцин, Я. М. Рощина

Рецензенты:
Кузина Ольга Евгеньевна,
PhD, НИУ ВШЭ
Мукомель Владимир Изявич,
доктор социологических наук,
Институт социологии ФНИСЦ РАН

В38 **Вестник** Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 13 : сб. науч. ст. / отв. ред. П. М. Козырева. – М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2023. – 143 с. : илл. – URL: <https://www.hse.ru/rlms/vestnik#vestnik13>.
ISSN 2618-9046

В тринадцатом выпуске электронного издания «Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» представлены работы, подготовленные на основании данных 30 волн панельного обследования домохозяйств «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (РМЭЗ НИУ ВШЭ) за 1992–2021 гг.

В представленном выпуске основное внимание уделяется анализу поведения россиян в условиях пандемии коронавируса в 2020–2021 гг. На основании данных РМЭЗ НИУ ВШЭ авторы оценивают влияние пандемии на социально-экономическое положение населения, рынок труда, повседневную жизнь, самооценку здоровья и удовлетворенность жизнью.

Публикуемые материалы отражают точку зрения авторов и открыты к дальнейшему обсуждению и дополнению.

Издание адресовано исследователям, преподавателям, студентам и всем, кто интересуется результатами мониторинга РМЭЗ НИУ ВШЭ.

УДК 316.4
ББК 60.5

doi: [10.19181/rlms-hse.2023](https://doi.org/10.19181/rlms-hse.2023)

ISSN 2618-9046 ©Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Институт социальной политики,
Центр лонгитюдных обследований, 2023

Содержание

Введение	5
<i>Воронин Г. Л., Евграфова К. О., Киселева И. П., Козырева П. М., Косолапов М. С., Низамова А. Э., Сивкова И. В., Смирнов А. И., Соколова С. Б., Тонис Е. И.</i> Российские домохозяйства: динамика экономического положения (1994–2021 гг.)	7
<i>Рощина Я. М.</i> Образ жизни россиян разного возраста во время второго года пандемии	94
<i>Рощина Я. М., Харитонова А. А.</i> Как россияне защищались от заражения COVID-19 в 2021 году	125
Сведения об авторах	141

Contents

Introduction	5
<i>Voronin G. L., Evgrafova K. O, Kiseleva I. P., Kozyreva P. M., Kosolapov M. S., Nizamova A. E., Sivkova I. V., Smirnov A. I., Sokolova S. B., Tonis E. I.</i>	
Russian Households: Dynamics of the Economic Situation (1994–2021)	7
<i>Roshchina Ya. M.</i>	
Age-Related Differences in Lifestyle in the Second Year of the COVID-19 Pandemic	94
<i>Roshchina Ya. M., Kharitonova A. A.</i>	
How Russians Protected Themselves from COVID-19 in 2021	125
Contributors	141

ВВЕДЕНИЕ

Тринадцатый номер «Вестника Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» продолжает знакомить читателей с результатами наблюдений за здоровьем населения Российской Федерации, экономическим положением и поведением российских домохозяйств в условиях пандемии коронавируса. В номере представлен сравнительный анализ данных, собранных в 2020 и 2021 гг. на основании вероятностной, стратифицированной, многоступенчатой выборки домохозяйств, репрезентативной для всего населения страны.

В коллективной статье, традиционно открывающей выпуск, авторы показывают, что незначительный рост доходов и расходов домохозяйств в 2021 г. не смог полностью компенсировать падение этих показателей, произошедшее в первый год пандемии. Было зафиксировано незначительно снижение уровня неравенства домохозяйств по доходам и расходам. В 2021 г. средний ежемесячный доход наиболее состоятельных семей в выборке РМЭЗ НИУ ВШЭ превышал доход наименее состоятельных в 2,3 раза, при этом расходы наиболее состоятельных в среднем были выше в пять раз. В 2021 г. на минимальных отметках оставались уровень безработицы (3,1% активного населения) и доля работников, сообщивших о задержках заработной платы (0,6% работников). В то же время продолжила расти доля пожилых людей, столкнувшихся с задержками выплат пенсий. Доля таких респондентов в 2021 г. достигла 8,2% среди мужчин и 6,7% среди женщин. Показатели социального самочувствия на второй год пандемии оставались стабильными, несмотря на продолжающееся ухудшение оценок материальных и финансовых перспектив домохозяйств.

В статье Я.М. Роциной «Образ жизни россиян разного возраста во время второго года пандемии» оценивается влияние пандемии коронавируса и связанных с ней ограничительных мер на жизнь населения России. На основании данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2020 и 2021 гг. автор демонстрирует, что к концу второго года пандемии тестированием на коронавирус было охвачено около 40% населения страны, чуть больше людей (45,8%) прошли полный курс вакцинации. Несмотря на снижение по сравнению с 2020 г. числа респондентов, отказавшихся от вакцинации, недоверие к вакцине, сомнения в ее надежности и безопасности продолжали оставаться значимым фактором, влияющим на поведение людей. К концу 2021 г. ожидаемо ухудшились самооценки здоровья населения. При этом в повседневной

жизни россиян не было зафиксировано резких изменений, способных существенно повлиять на удовлетворенность жизнью в целом и материальным положением в частности.

Совместная статья Я.М. Рощиной и А.А. Харитоновой «Как россияне защищались от заражения COVID-19 в 2021 году» продолжает тему здоровьесберегающих практик в условиях пандемии, поднятую авторами в предыдущем выпуске «Вестника». В данной статье авторы показывают, что на второй год пандемии россияне сохранили доверие к базовым мерам защиты от коронавируса (ношение масок, мытье рук и др.). При этом респонденты разделились на две группы: приверженцев базовых здоровьесберегающих практик и сторонников максимальной защиты. Среди первых чаще можно было встретить мужчин, молодых и людей среднего возраста, работающих респондентов, респондентов с высокими самооценками здоровья. Среди вторых была выше доля пожилых, людей с низкими самооценками здоровья, жителей сельской местности. Представители второй группы с большей вероятностью были полностью вакцинированы. В целом картина распространенности здоровьесберегающих практик в 2021 г. не претерпела значительных изменений по сравнению с первым годом пандемии.

Воронин Г. Л., Евграфова К. О., Киселева И. П., Козырева П. М., Косолапов М. С., Низамова А. Э., Сивкова И. В., Смирнов А. И., Соколова С. Б., Тонис Е. И.

РОССИЙСКИЕ ДОМОХОЗЯЙСТВА: ДИНАМИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ (1994–2021 гг.)

doi: 10.19181/rlms-hse.2023.1

Аннотация. В работе представлен сравнительный анализ данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (РМЭЗ НИУ ВШЭ) за 1994–2021 гг. Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ свидетельствуют о том, что в 2021 г. наблюдался рост реальных доходов населения. После сокращения почти на треть в 2020 г. средние реальные доходы домохозяйств выросли в 2021 г. на 7,7%. При этом рост доходов от государственных трансфертных платежей составил 14%, в то время как доходы домохозяйств от заработной платы увеличились лишь на 3,9%. Снизилось неравенство домохозяйств по доходам. Если в 2019 и 2020 гг. средний ежемесячный доход наиболее состоятельных домохозяйств превышал доход наименее состоятельных в 2,6 раза, то в 2021 г. доход наиболее состоятельных был выше в 2,3 раза. После сокращения в 2020 г. на 30% ежемесячные расходы домохозяйств на продукты питания и непродовольственные товары выросли в 2021 г. на 3,9%. Разрыв по уровню расходов между состоятельными и малообеспеченными домохозяйствами сократился с 5,1 до 5 раз. Уровень безработицы среди экономически активного населения снизился с 3,4% в 2020 г. до 3,1% в 2021 г. Коэффициент участия в рабочей силе, напротив, вырос с 80,9 до 81,5%, вернувшись к значениям 2019 г. Доля работников, столкнувшихся с задолженностью по заработной плате, сократилась и достигла минимума за все годы наблюдений (0,6%). Продолжила расти доля пенсионеров, столкнувшихся с задолженностью по пенсионным выплатам. Доля таких пенсионеров в 2021 г. составила 8,2% среди мужчин и 6,7% среди женщин. В 2021 г. россияне были в целом удовлетворены жизнью (50,6% удовлетворенных), но не своим материальным положением (55,2% неудовлетворенных). Продолжала ухудшаться субъективная оценка материальных и финансовых перспектив домохозяйств. Напротив, немного улучшилась оценка россиянами своего положения на рынке труда (стабильности текущего трудоустройства и перспектив найти новую работу). По сравнению с 2020 г. снизилась доля увольнений по причине закрытия предприятий и выхода на пенсию, чаще причинами увольнения стали ухудшение здоровья и продолжение образования.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, RLMS HSE, домохозяйство, доходы, расходы, потребление, занятость, безработица, социальное неравенство, социальные установки, пандемия, COVID-19

Несмотря на огромные трудности, с которыми столкнулась российская экономика вследствие стремительного развития пандемии COVID-19, основные макроэкономические показатели продемонстрировали по итогам 2021 г. положительную динамику. Во многом это было обусловлено влиянием фактора низкой базы предыдущего года, когда действовали наиболее жесткие карантинные ограничения. Положительна динамика была отмечена в промышленности, строительной отрасли, увеличился объем инвестиций в основной капитал, произошел рост в сфере розничной торговли. Положительные сдвиги в экономике сопровождались ростом реальных денежных доходов населения и снижением безработицы.

В 2021 г. российская экономика не только восстановилась после кризиса, спровоцированного пандемией коронавируса, но и превзошла уровень доковидного 2019 г. По данным Федеральной службы государственной статистики, валовый внутренний продукт России в 2021 г. вырос на 4,7%. Этот показатель оказался рекордным за последние 13 лет, в 2008 г. он составил 5,2%. В 2020 г. на фоне пандемии коронавируса экономика России упала на максимальные с 2009 г. 2,7%, тогда как ранее наблюдался последовательный рост. Так, в 2016 г. был отмечен рост на 0,2%, в 2017 г. — на 1,8%, в 2018 г. — на 2,8%, в 2019 г. — на 2,2%. В 2021 г. превышение доковидных результатов произошло практически во всех секторах российской экономики.

Как отмечается в аналитическом бюллетене «Социально-экономическое положение регионов РФ — итоги 2021 года», в 2021 г. промышленное производство в России выросло на 5,3%. Число субъектов Российской Федерации с положительной динамикой увеличилось до 74 и стало на 29 субъектов больше, чем по итогам прошлого года. В строительной отрасли рост составил около 6%. Позитивная динамика была отмечена в 51 субъекте России, это на 10 субъектов больше, чем в предыдущем году. Объем инвестиций в основной капитал увеличился на 7,7%. Положительная динамика отмечалась в 56 субъектах, что на 18 субъектов больше, чем по итогам прошлого года. Оборот розничной торговли увеличился на 7,3%. Рост показателя произошел в 83 субъектах. Практически во всех субъектах РФ выросли налоговые и неналоговые доходы и существенно увеличилось число регионов с профицитным бюджетом¹.

Вместе с тем на фоне значительного роста экономики наблюдался не менее существенный рост инфляции. По итогам 2021 г. инфляция в стране составила 8,4%, что было намного выше ожиданий аналитиков и установленного в начале года Банком России целевого значения. По прогнозу Банка России, годовая

¹ Социально-экономическое положение регионов РФ — итоги 2021 года: Аналитический бюллетень. Вып. 45 / РиаРейтинг. М., 2022. 7 с. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/regions_demo45.pdf (дата обращения: 25.11.2022).

инфляция в 2021 г. должна была составить 3,5–4% и предполагалось, что в дальнейшем она будет находиться вблизи 4%. Проинфляционные риски создавали динамика внутренних цен на отдельные продовольственные товары под влиянием факторов со стороны предложения и конъюнктуры мировых рынков, неравномерное восстановление спроса в разрезе отдельных секторов экономики, а также рост издержек в результате действия других факторов. Дезинфляционные риски были в основном связаны с более медленным, чем предполагалось, восстановлением экономики и доходов населения¹.

В 2021 г. инфляция достигла максимума с 2015 г., когда было отмечено повышение потребительских цен в целом за год на 12,9%. В 2016 г. рост цен равнялся 5,4%, между тем как в 2017 г. он опустился до минимальных за всю историю наблюдений 2,5%. В 2018 г. инфляция составляла 4,3%, в 2019 г. — 3% и в 2020 г. — 4,9%.

Причинами такого значительного роста инфляции в 2021 г. стали, главным образом, внешние факторы, связанные с ростом цен на большинство сырьевых и продовольственных товаров и энергоносителей, нарушением логистических цепочек в мире и желанием ряда производителей компенсировать издержки, вызванные пандемией коронавируса. Определенную роль в росте цен сыграли высокие темпы роста розничного кредитования, которые наблюдались в России в течение всего года. Имело значение и то, что российская экономика находилась в состоянии классического перегрева, который был похож на ситуацию накануне кризиса 2008 г. В 2021 г. на достаточно высокий платежеспособный спрос накладывались ограничения по предложению, причем не только на товары, но в еще большей степени на услуги. В результате предложение не справлялось со спросом, что было хорошо заметно по инфляционным ожиданиям бизнеса и населения, которые внезапно оказались вблизи исторических максимумов².

В 2021 г. наибольший вклад в рост цен внесли продовольственные товары. Индекс потребительских цен здесь составил 10,6%. Непродовольственные товары выросли также существенно — на значительные 8,6%, тогда как индекс цен на услуги составил только около 5%. В региональном разрезе картина была достаточно пестрой. Объединяющим началом было то, что рост цен произошел во всех регионах, а отличия касались лишь темпов роста. Разброс по индексу потребительских цен составил от 3,7 до 11,8%. Практически во всех регионах значение индекса потребительских цен в 2021 г. было выше, чем по итогам предыдущего года. Такая ситуация наблюдалась в 84 субъектах РФ. Рост цен на продовольственные товары, непродовольственные товары и услуги произошел во всех регионах без исключения.

Обобщенные сведения об уровне инфляции за каждые двенадцать месяцев, начиная с 1996 г. (в процентах к соответствующему периоду предыдущего года, все товары и услуги), представлены на рисунке 1.

¹ Инфляционные ожидания и потребительские настроения: Информационно-аналитический комментарий. № 1 (49). Январь 2021 г. / Банк России. М., 2021. 6 с. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/31948/Infl_exp_21-01.pdf (дата обращения: 25.11.2022).

² Ивантер А. Мы находимся внутри глобального инфляционного тренда // Эксперт. 2021. № 47. С. 62–66.

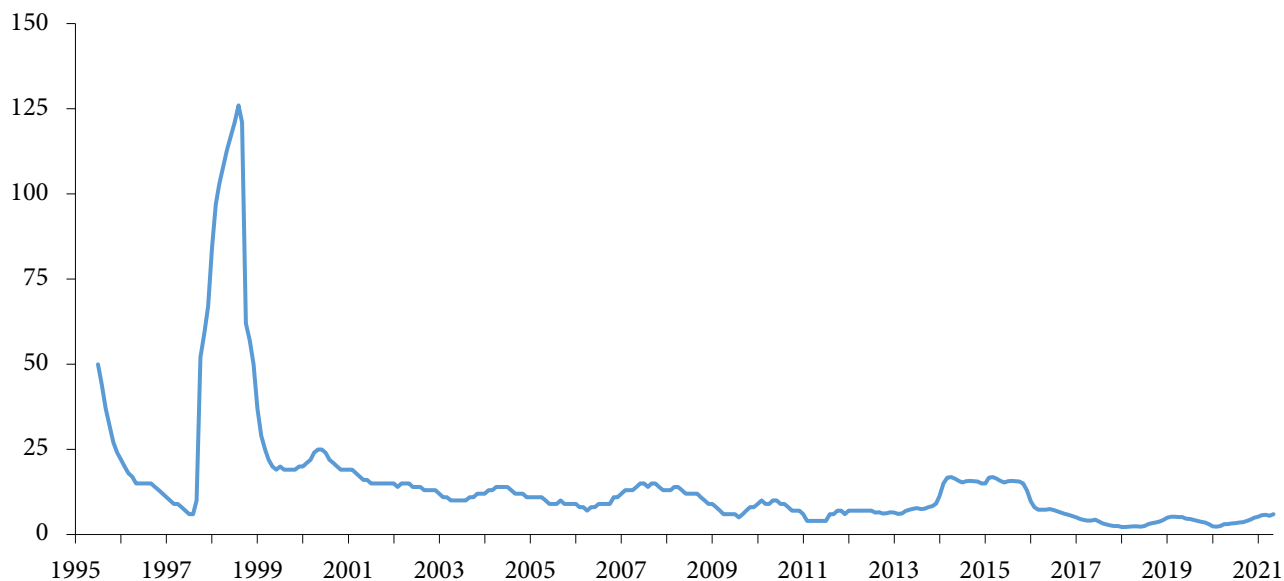

Рис. 1. Годовые (12 месяцев) уровни инфляции, декабрь 1995 г. – май 2021 г., в % к соответствующему периоду предыдущего года, все товары и услуги

Рассматривая представленные на рисунке 1 данные, важно учитывать, что в середине 1990-х гг. инфляция была значительно менее острой, чем в 1992–1995 гг., когда показатели годовой инфляции оказывались постоянно выше 100%, а в отдельных случаях превышали 1000% и 2000%. Но начиная с 2000 г. постоянно наблюдались умеренные годовые уровни инфляции. В этот период уровень инфляции в России в целом снижался, за исключением 2007–2008 гг. и 2014–2015 гг., когда были отмечены существенные инфляционные всплески, обусловленные экономическими кризисами, которые, однако, не привели к достижению чрезмерно высокого уровня инфляции.

Динамика, структура и дифференциация доходов домохозяйств

В связи с умеренным уровнем инфляции показатели доходов, зарплат и расходов домохозяйств в опросах РМЭЗ НИУ ВШЭ в период с 2000 по 2021 г. достаточно точно отражают реальные экономические условия. Однако сведения о доходах и расходах в РМЭЗ НИУ ВШЭ за 1998 г. и многие предшествующие годы собирались в период самой высокой и изменчивой инфляции. Это необходимо учитывать, обращаясь к данным РМЭЗ НИУ ВШЭ за 1998 г. и ряд предшествующих лет в ходе анализа и истолкования изменений в размерах реальных рублевых доходов и расходов.

На следующем рисунке 2 сравниваются индекс потребительских цен, который отражает изменения общей стоимости жизни для всех россиян, и прожиточный минимум для взрослого мужчины, составленный по среднероссийским ценам за весь период проведения РМЭЗ НИУ ВШЭ.

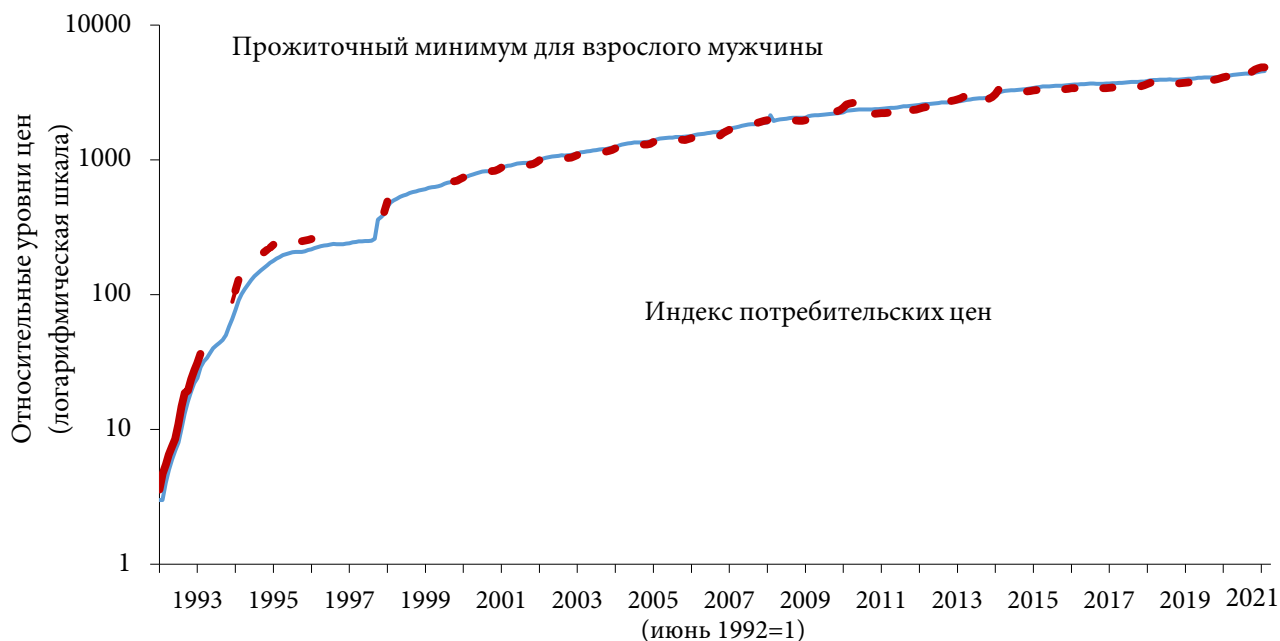

Рис. 2. Уровень цен по месяцам, 1993 г. – февраль 2021 г.

При обращении к рисунку необходимо учитывать, что вертикальная ось представляет собой логарифмическую шкалу. Увеличение значений по этой шкале отражает соответствующие пропорциональные изменения.

Данные, приведенные на рисунке 2, показывают, что с декабря 2020 по декабрь 2021 г. прожиточный минимум взрослого мужчины вырос на 18,3%, тогда как общий индекс потребительских цен – только на 8,4%. Но это были гораздо более существенные изменения, чем в предыдущие 2 года.

С декабря 2019 по декабрь 2020 г. прожиточный минимум взрослого мужчины вырос на 9,9%, в то время как общий индекс потребительских цен – только на 4,9%. Прожиточный минимум для взрослого мужчины с декабря 2018 по декабрь 2019 г. увеличился приблизительно на 2,2%, между тем как общий индекс потребительских цен – на 3%.

В настоящей работе размеры доходов, расходов и платежей за все годы проведения опросов приведены в ценах декабря 2021 г. с использованием ценового дефлятора Росстата (ИПЦ). В ряде случаев при выведении средних показателей не принимались во внимание экстремальные величины доходов и расходов. Но здесь следует помнить, что в начале 1998 г. произошла деноминация рубля, когда все старые цены в рублях были уменьшены в 1000 раз. В декабре 2014 г. случилось резкое ослабление рубля. На фоне валютной паники, вызванной действием совокупности мощных экономических факторов, главными из которых были экстремальное падение цен на нефть и введение экономических санкций со стороны западных государств, курс рубля в середине декабря 2014 г. по сравнению с началом месяца вырос приблизительно с 49 до 67 руб. за один доллар и с 61 до 85 руб. за один евро. Затем последовал постепенный и неспешный откат. В 2020 г. из-за острого кризиса, вызванного внезапно охватившей весь мир пандемией коронавируса и связанного с ней же обвала цен на нефть, американский доллар вырос на 21%, а евро стал дороже на 33%. Вместе с тем в 2021 г., несмотря на рыночную турбулентность, курс

национальной валюты стабильно держался в пределах 74–75 руб. за доллар. Этому способствовал рост цен на энергоносители и сырье, который объясняется быстрым посткризисным восстановлением мировых рынков и стабильно высоким спросом.

В таблице 1 представлены данные мониторинга, которые показывают, что в 2021 г. по сравнению с 2020 г. средние реальные доходы российских домохозяйств¹ выросли на 7,7%. Этот рост последовал вслед за резким падением, которое было отмечено в предыдущем году.

Таблица 1

Структура совокупного дохода домохозяйств, 1994–2021 гг., в руб. 2021 г.

Источники дохода	Год проведения исследования							
	1994	1998	2004	2008	2014	2019	2020	2021
Доход от работы на государственных предприятиях	9165	4789	8831	15 012	16 023	18 669	13 922	14 045
Доход от работы на частных предприятиях	3805	2305	8311	15 721	15 611	22 818	14 760	15 676
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	3040	1385	2075	2350	1675	2533	1553	1701
Общий доход от заработной платы	16 010	8478	19 217	33 301	33 309	44 020	30 235	31 422
Государственные трансфертные платежи	5910	3593	6507	10 728	15 859	22 269	15 842	18 063
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	2327	1574	3263	4770	2607	3976	2975	3271
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	2866	2814	1515	1637	1291	1344	852	1145
Доход от продажи личного имущества	1154	505	828	520	452	49	48	82
Доход от сдачи личной собственности в аренду	82	45	145	260	338	351	221	203
Дивиденды	876	85	739	141	146	126	67	46
Помощь от родственников и благотворительная помощь	2639	1422	2108	4436	2657	2868	1979	2016
Общая сумма месячного дохода	31 861	18 516	34 322	56 639	56 659	75 004	52 219	56 250

В 2020 г. по сравнению с 2019 г. средние реальные доходы домохозяйств провалились на 30,4%, скатившись до уровня пятнадцатилетней давности. В результате указанного выше роста показатель совокупного месячного дохода домохозяйств в 2021 г. вернулся на уровень 2008 и 2014 гг., тогда как в 2020 г. он был почти на 8% меньше. Свой вклад в рост совокупного дохода домохозяйств внесли практически

¹ Под «домохозяйством» или «семьей» в данном исследовании понимаются люди, проживающие вместе и имеющие общие доходы и расходы.

все его основные источники. Но доминирующее положение в структуре доходов российских домохозяйств продолжали занимать поступления от заработной платы и государственных трансфертных платежей.

Данные Росстата также фиксировали в 2021 г. рост доходов россиян. Согласно этим данным, среднедушевые денежные доходы населения России в 2021 г. по сравнению с предыдущим годом выросли на 10,5%, в то время как реальные денежные доходы увеличились только на 3,1%.

Дальнейший анализ данных РМЭЗ НИУ ВШЭ показал, что если в 2020 г. по сравнению с 2019 г. поступления от заработной платы, являющиеся основным источником дохода для подавляющего большинства российских семей, сократились на 31,3%, то в 2021 г. они выросли на 3,9%. Такое небольшое увеличение не могло существенно повлиять на общую картину, характеризующую доходы домохозяйств от заработной платы. В 2021 г. эти поступления оставались почти на 29% ниже уровня доковидного 2019 г.

Доход обследованных домохозяйств от работы на предприятиях государственного сектора за последний год увеличился только на 0,9%. Более значительным оказался рост дохода домохозяйств от работы на предприятиях частного сектора, который составил 6,2%. В 2021 г. доход от работы на частных предприятиях был на 11,6% больше, чем доход от работы на государственных предприятиях. Но наиболее существенным оказался рост дохода домохозяйств от работы на предприятиях смешанной формы собственности, который достиг 9,5%.

В 2021 г. почти 50% всех доходов домохозяйств от заработной платы поступало исключительно из частных источников, что было лишь немного больше 49%, зафиксированных в 2020 г. Доход домохозяйств от заработной платы на предприятиях государственной формы собственности в 2021 г. составил около 45% всех доходов от указанного источника, тогда как годом ранее данный показатель составлял около 46%. Что касается дохода домохозяйств от работы на предприятиях смешанной формы собственности, то в 2021 г., как и годом ранее, на него приходилось немногим более 5% общего дохода от заработной платы. В предыдущие годы данный показатель составлял около 6%. Таким образом, соотношение весовости источников, составляющих общий доход домохозяйств от заработной платы, практически не изменилось.

Заметим, что, по данным Росстата, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике Российской Федерации в 2021 г. составила 57 244 руб., что было на 11,5% больше, чем в 2020 г. Темпы этого роста были выше, чем в предыдущем году, когда номинальная начисленная заработная плата выросла на 7,3%. В декабре 2021 г. среднемесячная заработная плата составила 77 994 руб., что было больше по сравнению с декабрем 2020 г. на 12,6%. Годом ранее этот рост составлял 11,3%. Вместе с тем реальная начисленная среднемесячная заработная плата в 2021 г. по сравнению с 2020 г. выросла на 4,5%, что было больше 3,8%, зафиксированных годом ранее.

Согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, весьма существенным оказался в 2021 г. рост дохода домохозяйств от государственных трансфертных платежей – второго по значимости источника доходов российских домохозяйств. Если в 2020 г. по сравнению с 2019 г. он упал на огромные 29%, то в 2021 г. вырос также на существенные 14%. Значительный вклад в этот рост внесло увеличение размера пенсий

и социальных пособий, обусловленное необходимостью поддержки отдельных групп населения, испытывающих трудности в период экономического кризиса и пандемии коронавируса.

В 2021 г. финансирование пособий, насчитывающих десятки выплат, осуществляли бюджетные и внебюджетные фонды. Для поддержки населения в условиях экономического кризиса и пандемии коронавируса были проиндексированы уже установленные пособия и введены новые выплаты. В первую очередь их получали граждане, которые относятся к социально незащищенным слоям населения. В их числе семьи с детьми, медицинские работники, пенсионеры, для которых социальные выплаты являлись важной статьёй дохода. Но наиболее значительной составляющей государственных трансфертов, как и прежде, оставались пенсии. По данным Росстата, размер назначенных пенсий в среднем за год составил (с учетом единовременной денежной выплаты в сентябре 2021 г. в размере 10 тыс. руб., назначенной в соответствии с Указом Президента РФ) 16 642 руб. При этом реальный размер назначенных пенсий за год вырос на 4,1%. Для сравнения укажем, в 2020 г. рост среднего размера назначенных пенсий в реальном выражении составлял 2,3%.

Из данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, представленных в таблице 1, видно, что совокупный денежный и натуральный доход домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора в 2021 г. по сравнению с 2020 г. вырос на 15,4%. Но это увеличение лишь частично компенсировало его падение на 28% в 2020 г. и на 6% в 2019 г. В 2021 г. совокупный денежный и натуральный доход домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора оставался на 17% меньше, чем накануне пандемии коронавируса в 2019 г., и на 31% ниже, чем в 2008 г.

Взятые отдельно денежный и натуральный доходы домашних хозяйств от домашнего производства и неформального сектора менялись по-разному. Так, денежный доход, после сокращения в 2020 г. по сравнению с 2019 г. на 25,2%, в 2021 г. вырос почти на 10%. Но, несмотря на это, доход обследованных домохозяйств от данного источника все равно оставался на 31% меньше, чем в 2008 г., однако был почти таким же, как в 2004 г. Что касается натурального дохода домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора, то он сократился в 2019 г. по сравнению с 2018 г. на 24,5% и затем в 2020 г. еще на 36,6%. В результате такого огромного падения размер данного дохода достиг минимального значения за все время наблюдений в рамках мониторинга. Вместе с тем в 2021 г. был отмечен его существенный рост на 34,4%. Но, несмотря на такое значительное приращение, натуральный доход домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора оставался почти на 60% меньше, чем в 1994–1998 гг.

В 2021 г. денежный доход от домашнего производства и неформального сектора превышал аналогичный натуральный доход в 2,9 раза, тогда как в предыдущем году эта разница составляла около 3,5 раза. После такого снижения данный показатель вернулся на уровень предыдущих лет, когда он составлял около 2–3 раз.

Помощь от родственников и благотворительная помощь, после последовательного сокращения в 2019 г. на существенные 10% и далее в 2020 г. еще на более значительные 31%, в 2021 г. изменилась очень мало, увеличившись на совсем небольшие 1,9%. Как и годом ранее, величина дохода российских домохозяйств от частных трансфертов была в 2,2 раза меньше максимального значения, зафиксированного в 2008 г., и более чем на четверть меньше, чем в 1994 г.

Анализ данных РМЭЗ НИУ ВШЭ выявляет значительное сокращение дохода домохозяйств от сдачи личной собственности в аренду, которое наблюдается на протяжении последних четырех лет. Так, доход от данного источника в 2018 г. по сравнению с 2017 г., когда его величина была максимальной, сократился на 11,4%, но в 2019 г. остался без изменений. В 2020 г. доход домохозяйств от сдачи личной собственности в аренду упал на 37%. И далее в 2021 г. было отмечено его новое значительное сокращение, которое составило немногим более 8%. Вместе с тем размер дохода домохозяйств от продажи личного имущества в последние годы был подвержен значительным колебаниям. После двукратного сокращения в 2019 г. по сравнению с 2018 г., в 2020 г. его величина не изменилась, оставаясь на минимальном уровне. Но в 2021 г. был зафиксирован его рост в 1,7 раза. Не менее значительными были также колебания величины дохода домохозяйств от дивидендов. Вслед за сокращением дохода домохозяйств от дивидендов в 2018 г. по сравнению с 2017 г. в 1,5 раза, в 2019 г. последовало его такое же увеличение. Но в 2020 г. было выявлено новое почти двукратное снижение дохода от данного источника и далее в 2021 г. его очередное полуторное сокращение до минимального уровня за весь постсоветский период.

Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, демонстрирующие процентное соотношение различных источников дохода обследованных домохозяйств в период с 1994 по 2021 г., еще раз показывают, что основными источниками доходов российских домохозяйств на протяжении всех лет мониторинга являлись заработная плата и государственные трансфертные платежи (табл. 2; рис. 3–6¹). Но при этом в 2021 г., как и в предыдущем году, были выявлены некоторые хорошо заметные изменения, во многом связанные с преодолением последствий распространения пандемии коронавируса.

В частности, из данных, представленных в таблице 2, видно, что за два пандемийных года весомость дохода российских домохозяйств от государственных трансфертных платежей увеличилась на 1,1 п.п. — с 41,1 до 42,2%, в том числе за 2021 г. — на 0,6 п.п. Этот рост во многом является следствием уже упоминавшегося увеличения пенсий и социальных пособий в комплексе мер по социальной поддержке населения в период пандемии коронавирусной инфекции.

Рост значимости дохода домохозяйств от государственных трансфертов наблюдался на фоне снижения весомости доходов от других значимых источников, и прежде всего от заработной платы. Так, доля общего дохода от заработной платы, после стабилизации в 2020 г. на уровне 47%, в 2021 г. снизилась на 0,4 п.п. — до 46,6%. В результате указанных изменений разрыв между долей месячного дохода обследованных домохозяйств от заработной платы и долей их аналогичного дохода от государственных трансфертных платежей сократился с 5,9 п.п. в предпандемийном 2019 г. до 4,4 п.п. в 2021 г.

¹ Данные, приведенные в таблице 2 и на рисунках 3–6, основаны на средних данных о структуре дохода по домохозяйствам и не могут быть напрямую выведены из данных о среднем доходе, содержащихся в таблице 1. При использовании цифр из таблицы 1 соотношение среднего дохода из одного источника к среднему доходу в целом будет соответствовать средневзвешенным долям дохода домохозяйства, где веса пропорциональны общему доходу каждого домохозяйства.

Таблица 2

Распределение доходов домохозяйств по источникам, 1994–2021 гг., в %

Источники доходов	Год проведения исследования								
	1994	1998	2004	2008	2011	2014	2019	2020	2021
Доход от работы на государственных предприятиях	25,6	22,3	22,9	23,9	24,0	24,0	20,9	22,4	21,6
Доход от работы на частных предприятиях	8,3	8,0	16,9	21,1	24,1	21,4	23,7	22,3	22,7
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	6,4	5,3	4,7	3,3	3,0	2,3	2,4	2,3	2,3
Общий доход от заработной платы	40,3	35,6	44,5	48,3	51,1	47,7	47,0	47,0	46,6
Государственные трансфертные платежи	34,0	30,9	34,7	34,6	35,4	40,1	41,1	41,6	42,2
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	5,2	5,6	7,1	5,3	3,9	3,5	4,4	4,4	4,3
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	10,8	17,8	5,5	3,9	2,6	2,4	2,0	1,8	2,0
Доход от продажи личного имущества	1,3	1,0	0,5	0,4	0,4	0,4	0,1	0,1	0,1
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,2	0,2	0,3	0,3	0,3	0,4	0,3	0,3	0,3
Дивиденды	0,8	0,3	0,3	0,3	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1
Помощь от родственников и благотворительная помощь	7,5	8,5	7,1	6,9	6,3	5,4	5,0	4,7	4,4
Общая сумма месячного дохода	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Сокращение весомости общего дохода домохозяйств от заработной платы в 2021 г. произошло полностью за счет уменьшения доли дохода от работы на государственных предприятиях. Если в 2020 г. по сравнению с 2019 г. она увеличилась с 20,9 до 22,4%, то в 2021 г. снизилась до 21,6%, т. е. на 0,8 п.п. Но в то же время доля дохода домохозяйств от работы на частных предприятиях, после уменьшения с 23,7% в 2019 г. до 22,3% в 2020 г., в 2021 г. вновь выросла до 22,7%. Одним из последствий этих изменений стало увеличение весомости дохода от работы на частных предприятиях по сравнению с доходом от работы на государственных предприятиях. Что касается доли дохода от работы на предприятиях смешанной формы собственности, то она, после минимального уменьшения в 2020 г. по сравнению с 2019 г. с 2,4 до 2,3%, в 2021 г. не изменилась.

В результате развития выявленных противоречивых тенденций совокупная доля дохода обследованных домохозяйств от государственных и смешанных частно-государственных источников, включая государственные трансферты и заработные платы, сократилась с 66,3% в 2020 г. до 66,1% в 2021 г., оставаясь существенно меньше этой доли в 2019 г., когда она составляла 64,4%.

Суммарная доля денежного и натурального доходов от домашнего производства и неформального сектора в последние годы не менялась или менялась, но незначительно. Если 2017–2018 гг. она составляла 6,6%, то в 2019–2020 гг.

уменьшилась до 6,2%. Однако в 2021 г. эта доля опять увеличилась до 6,3%. Доля натурального дохода от домашнего производства и неформального сектора сократилась с 2% в 2019 г. до 1,8% в 2020 г., достигнув минимального значения за все время наблюдений, но в 2021 г. опять увеличилась до 2%. В то же время доля аналогичного денежного дохода, составляя в 2019–2020 гг. 4,4%, в 2021 г. минимально сократилась до 4,3%.

К наиболее заметным тенденциям, выявленным в ходе анализа данных мониторинга, относится длительное сокращение доли дохода в совокупном доходе российских домохозяйств от частных трансфертов, т. е. от помощи родственников и благотворительной помощи. С 2017 по 2021 г. она последовательно уменьшилась с 5,8 до 4,4%, в том числе за последний год на 0,3 п.п. Что касается долей дохода домашних хозяйств от продажи личного имущества, сдачи личной собственности в аренду и дивидендов, то они в течение многих последних лет менялись незначительно. За последний год их совокупная доля не изменилась, составив небольшие 0,5%.

Данные мониторинга, характеризующие общую динамику изменения удельного веса доходов от заработной платы и государственных трансфертных платежей в совокупном доходе российских домашних хозяйств за весь период, охватывающий 1994–2021 гг., представлены на рисунке 3.

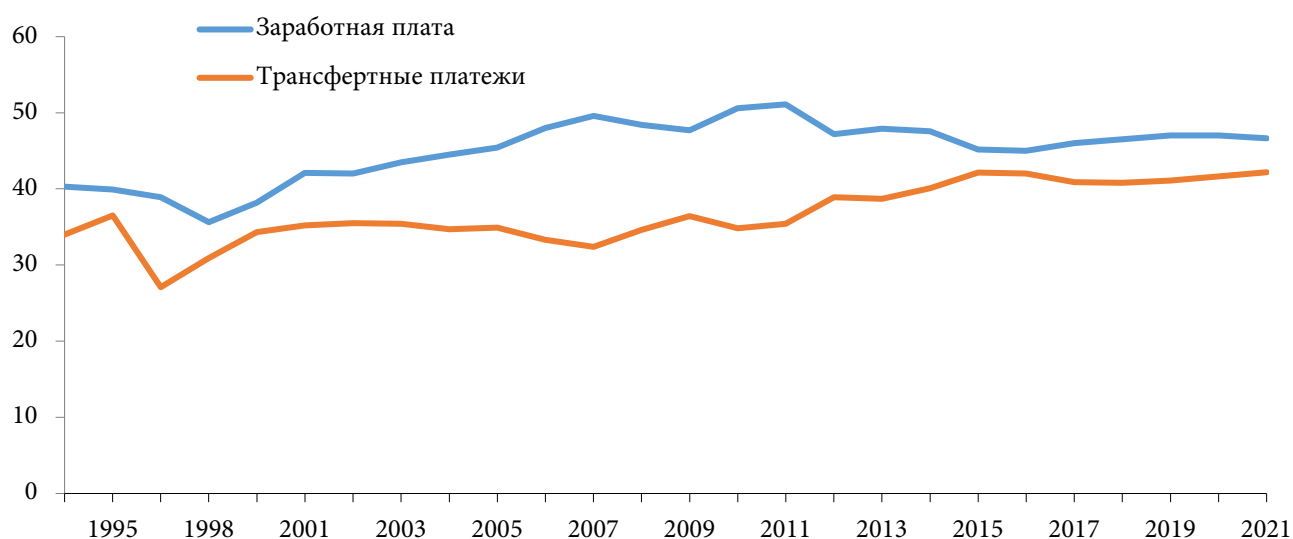

Рис. 3. Распределение доходов по источникам: заработная плата, трансфертные платежи, 1995–2021 гг., в %

Из рисунка 3 видно, что на протяжении всех лет мониторинга общая доля дохода обследованных домохозяйств от заработной платы превышала долю дохода от государственных трансфертов. Но при этом в более благополучные годы заработная плата играла гораздо более существенную роль в формировании доходов российских домохозяйств, чем в менее удачные. Наибольшей разницей между ними, достигшая 17,2 п.п., была в 2007 г., а минимальной, составившей лишь 3 п.п., в 2016 г. Хорошо заметен рост вклада заработной платы в формирование совокупного дохода домохозяйств в 2000–2007 гг., т. е. в годы так называемого восстановительного роста. В последние годы, характеризующиеся возросшей нестабильностью и экономической неопределенностью, быстрым развитием кризисных

процессов, этот разрыв не достигал больших величин и менялся в узких границах значений. Подобная ситуация наблюдалась в 1990-х гг., но весомость указанных источников совокупного дохода домохозяйств в эти годы менялась гораздо существеннее, со значительными перепадами.

На рисунке 4 представлены данные, которые демонстрируют достаточно последовательное и быстрое, но неравномерное повышение весомости дохода российских домохозяйств от работы на предприятиях частного сектора, наблюдавшееся с 1994 по 2011 г. При этом в 2011 г. доли доходов от работы на государственных предприятиях и предприятиях частного сектора практически выровнялись. В дальнейшем они варьировали в довольно узких границах.

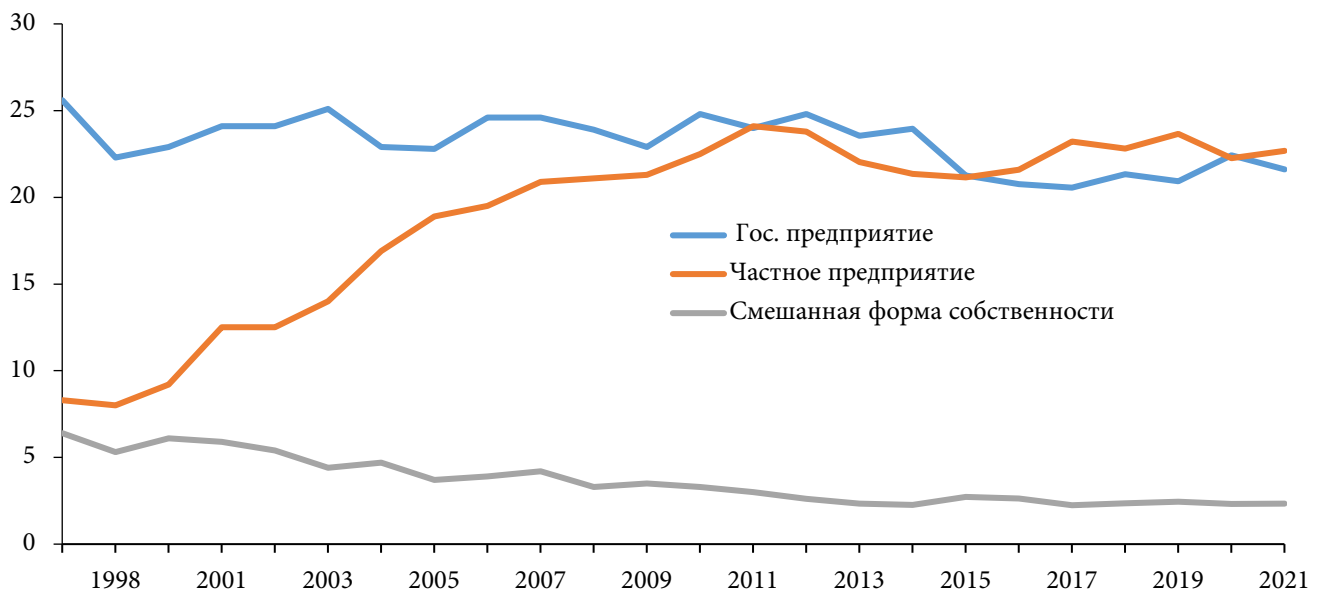

Рис. 4. Распределение доходов по источникам: государственные, частные предприятия, предприятия смешанной формы собственности, 1998–2021 гг., в %

Обращает на себя внимание также то, что в 2016–2019 гг. доля дохода от работы на предприятиях государственного сектора стала превышать долю дохода от работы на частных предприятиях. Но в дальнейшем, т. е. в 2020–2021-е годы, характеризующиеся распространением эпидемии коронавируса, эта картина стала меняться на противоположную. Гораздо менее весомой во все годы постсоветского периода была доля дохода домохозяйств от работы на предприятиях смешанной формы собственности, а ее изменения были не столь заметными. Сокращение этой доли, наблюдавшееся на первых этапах радикальных преобразований, в дальнейшем остановилось на минимальном уровне.

Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, характеризующие изменения в течение 1994–2021 гг. весомости денежного и натурального доходов от домашнего производства и неформального сектора, а также дохода от помощи родственников и благотворительной помощи в формировании совокупного дохода российских домохозяйств, представлены на рисунке 5. Из данных хорошо видно, что наиболее значительно весомость этих источников дохода домохозяйств менялась только в 1990-е гг. В дальнейшем их роль в формировании совокупного дохода домохозяйств постепенно снижалась и стабилизировалась.

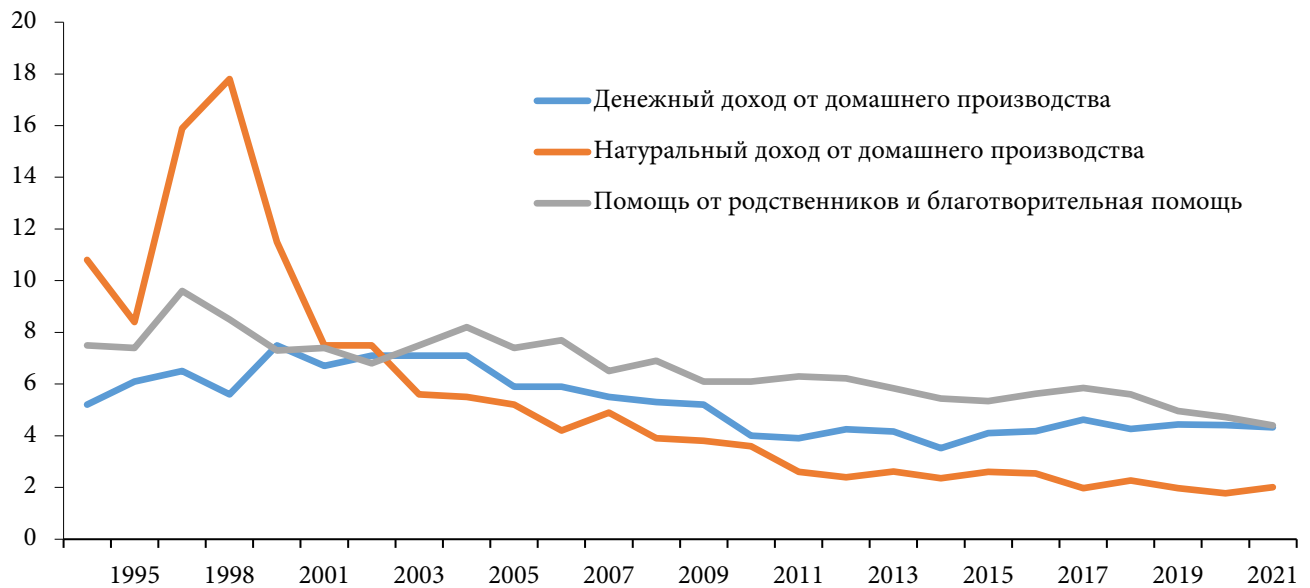

Рис. 5. Распределение доходов по источникам: денежный и натуральный доходы от домашнего производства, помощь родственников и благотворительная помощь, 1994–2021 гг., в %

Из данных, представленных на рисунке 6, хорошо видно, что наименьшей на протяжении всех лет проведения мониторинга была и остается роль в формировании совокупного дохода домохозяйств таких источников, как доход от продажи личного имущества, доход от сдачи личной собственности в аренду и дивиденды.

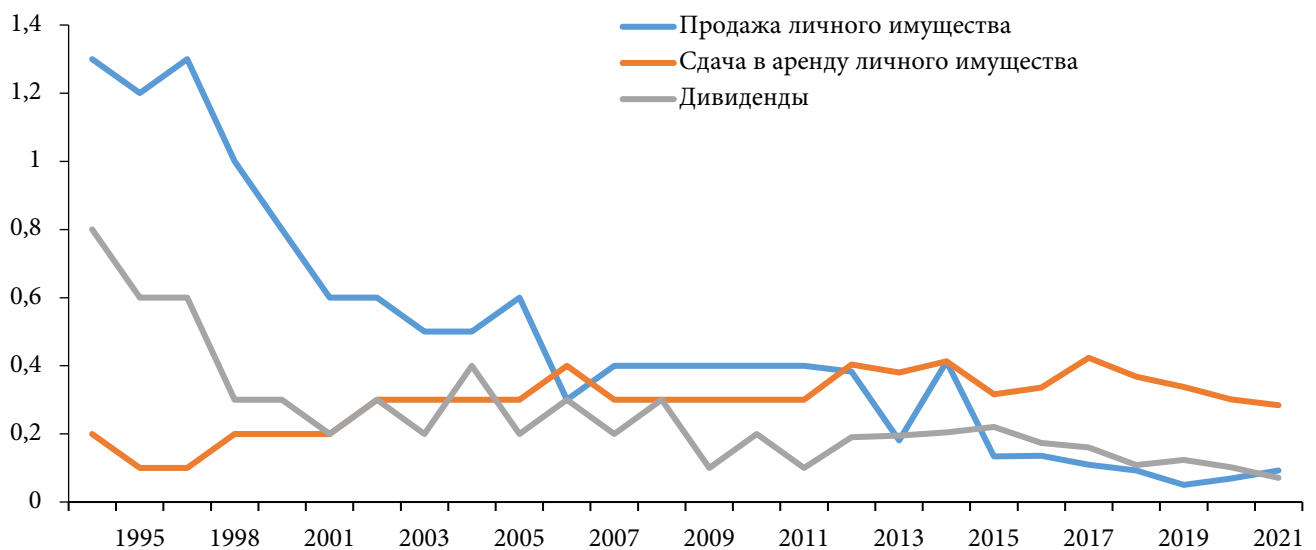

Рис. 6. Распределение доходов по источникам: продажа и сдача в аренду личного имущества, дивиденды, 1995–2021 гг., в %

Весомость дохода домохозяйств от продажи личного имущества постоянно снижалась, между тем как значимость дохода от сдачи личной собственности в аренду росла до 2008 г., но в дальнейшем менялась очень медленно и незначительно. В целом за 1994–2021 гг. доля дохода обследованных домохозяйств от продажи личного имущества сократилась с 1,3% до минимальных 0,1%. В то же время доля дохода домохозяйств от сдачи в аренду личного имущества колебалась в пределах от 0,1 до 0,4%.

Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ о процентном соотношении обследованных домашних хозяйств, получающих доходы из разных источников, представлены в таблице 3. Обращение к ним выявляет довольно противоречивые изменения в анализируемых показателях. В то время когда доля дохода домохозяйств от государственных трансфертов в их совокупном доходе за последний год выросла, доля домохозяйств, получающих доход от данного источника, не изменилась, составив в 2021 г., как и годом ранее, максимальные за последние полтора десятка лет 73,5%. Более высокой доля таких домохозяйств была только в 2004 г. и в первой половине 1990-х годов, когда как бы по инерции продолжали действовать многие прежние нормы социальной поддержки населения.

Таблица 3

Доля домохозяйств с доходом из данного источника, 1994–2021 гг., в %

Источники доходов	Год проведения исследования								
	1994	1998	2004	2008	2011	2014	2019	2020	2021
Доход от работы на государственных предприятиях	47,8	42,1	43,0	44,7	44,0	43,7	37,4	38,7	38,6
Доход от работы на частных предприятиях	16,6	16,0	28,4	35,7	38,9	36,0	37,9	35,6	36,4
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	13,2	10,7	9,0	6,8	5,7	4,8	4,8	4,1	4,4
Общий доход от заработной платы	63,8	57,6	64,1	67,2	69,9	66,4	64,0	63,8	64,4
Государственные трансфертные платежи	73,7	60,3	76,8	73,1	68,9	73,0	73,0	73,5	73,5
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	25,0	24,1	24,4	17,8	14,8	13,8	13,5	13,4	13,0
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	60,0	62,9	50,5	44,3	37,9	39,9	38,6	36,8	38,9
Доход от продажи личного имущества	4,0	2,8	1,4	0,9	1,1	1,5	0,3	0,4	0,3
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,5	0,6	1,3	1,5	1,3	1,6	1,6	1,4	1,5
Дивиденды	2,6	1,1	1,1	1,0	0,9	2,3	1,2	1,1	1,1
Помощь от родственников и благотворительная помощь	24,5	25,5	29,0	27,8	27,5	26,9	23,4	21,4	21,7

Доля домохозяйств, получающих доход от заработной платы, за последний год увеличилась с 63,8 до 64,4%, тогда как доля общего дохода от заработной платы в совокупном доходе домохозяйств, как было отмечено выше, наоборот, сократилась. Это увеличение последовало вслед за сокращением удельного веса таких домохозяйств в 2020 г. по сравнению с 2019 г. на 0,2 п.п., в результате которого было достигнуто одно из минимальных значений данного показателя за все время наблюдений.

В 2021 г., как и в предыдущем году, доля домохозяйств, получающих доход от работы на государственных предприятиях, превышала долю домохозяйств с доходом от работы на предприятиях частного сектора. Указанное превышение составило 2,2 п.п., между тем как в 2020 г. оно равнялось 3,1 п.п. Удельный вес домохозяйств с доходом от работы на частных предприятиях, после сокращения в 2020 г. по сравнению с 2019 г. с 37,9 до 35,6%, в 2021 г. увеличился до 36,4%. В то же время доля домохозяйств, получающих доход от работы на предприятиях государственного сектора, после увеличения с 37,4% в 2019 г. до 38,7% в 2020 г., в 2021 г. практически не изменилась, сократившись на едва различимые 0,1 п.п. — до 38,6%.

Обращает на себя внимание повышение доли обследованных домохозяйств, получающих доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности, — с 4,1% в 2020 г. до 4,4% в 2021 г., тогда как в предыдущем году было отмечено очередное ее значительное сокращение, составившее 0,7 п.п. Эта нисходящая тенденция с небольшими отклонениями наблюдалась на протяжении всех 2000-х годов.

В 2021 г. было выявлено очередное сокращение удельного веса домохозяйств, получающих денежный доход от домашнего производства и неформального сектора. Но если с 2019 по 2020 г. доля таких домохозяйств уменьшилась с 13,5 лишь до 13,4%, то в 2021 г. — уже до 13%, достигнув нового минимального значения. В целом за 1994–2021 гг. доля домохозяйств с таким доходом достаточно последовательно сократилась почти вдвое. В то же время удельный вес домохозяйств, получающих натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора, после сокращения в 2020 г. по сравнению с 2019 г. с 38,6 до 36,8%, в 2021 г. вырос до 38,9%, немного превысив уровень предыдущего года. В 2021 г. число домохозяйств с натуральным доходом от домашнего производства и неформального сектора стало превосходить число домохозяйств, располагающих соответствующим денежным доходом, в 3 раза, тогда как годом ранее эта разница составляла 2,7 раза.

В 2021 г. на более низком уровне, чем ранее, стабилизировалась доля домохозяйств, получающих помощь от родственников и благотворительную помощь. Если с 2018 по 2020 г. она последовательно сократилась на 5,1 п.п. — с 26,5 до 21,4%, то в 2021 г. немного увеличилась — до 21,7%. На протяжении всех предыдущих 2000-х годов картина, характеризующая степень распространенности помощи российским домохозяйствам со стороны родственников и поступлений от различных источников благотворительной помощи, менялась мало. Постоянно получали доход от частных трансфертов около четверти или немногим более четверти обследованных домохозяйств. Как и во все предыдущие годы, число обследованных домохозяйств, получающих какой-либо доход от сдачи личной собственности в аренду, продажи своего имущества и в виде дивидендов, было небольшим. В 2021 г., как и в предыдущем году, их суммарная доля составила 2,9%.

В таблице 4 доходы обследованных домашних хозяйств классифицированы по квинтилям душевого дохода. В ней приводится обобщенная информация об уровне реальных доходов внутри квинтилей. В последней строке верхней части таблицы показан средний доход по квинтилям распределения доходов в 2021 г. Нижняя часть содержит обобщенные сведения за 2020 г. о размерах и источниках доходов за этот год по квинтилям.

Таблица 4

Распределение источников дохода в зависимости от квинтилей душевого дохода, 2021 г., в %

Источники доходов	Квинтиль душевого дохода				
	Нижний 20	21–40	41–60	61–80	Верхний 20
Доход от работы на государственных предприятиях	24,1	22,0	18,5	18,5	25,3
Доход от работы на частных предприятиях	22,6	22,5	22,5	19,8	26,2
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	2,2	2,5	1,8	1,7	3,5
Общий доход от заработной платы	48,9	47,1	42,8	40,0	54,9
Государственные трансфертные платежи	38,0	42,6	46,9	49,4	33,3
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	5,2	3,5	3,7	4,6	4,7
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	2,2	2,0	1,8	2,2	1,8
Доход от продажи личного имущества	0,0	0,1	0,0	0,2	0,2
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,2	0,2	0,3	0,4	0,4
Дивиденды	0,0	0,1	0,0	0,1	0,1
Помощь от родственников и благотворительная помощь	5,4	4,5	4,4	3,1	4,5
Средняя сумма месячного дохода, 2021 г. (в руб. 2021 г.)	36 135	47 284	54 534	62 896	81 577
Общий доход от заработной платы, 2020 г.	45,3	42,2	41,1	46,2	60,9
Государственные трансфертные платежи, 2020 г.	40,6	47,0	49,0	43,2	27,5
Средняя сумма месячного дохода, 2020 г. (в руб. 2021 г.)	30 944	41 878	49 574	59 547	80 006

Данные, представленные в таблице 4, показывают, что стремительное падение доходов в 2020 г., которое практически в равной мере затронуло домохозяйства, принадлежащие к разным квинтильным группам, в 2021 г. сменилось их ростом. Причем рост доходов в большей мере затронул менее обеспеченные домохозяйства, что способствовало сокращению доходного неравенства. В 2021 г. по сравнению с 2020 г. у домохозяйств нижнего квинтиля этот рост составил 16,8%; у домохозяйств второго квинтиля – 12,9%; у домохозяйств третьего квинтиля – 10%; у домохозяйств четвертого квинтиля – 5,6% и, наконец, у двадцати процентов самых обеспеченных домохозяйств – только 2%. Обращение к абсолютным цифрам показывает, что в 2021 г. у двадцати процентов наименее обеспеченных домохозяйств доходы выросли в среднем на 5191 руб., в то время как у двадцати процентов самых богатых – только на 1571 руб., что было в 3,3 раза меньше, чем у бедных. Именно такая картина, характеризующаяся опережающим ростом доходов бедных и малообеспеченных домохозяйств, наблюдалась в доковидном 2019 г.

Как и во все предыдущие годы, преобладание дохода от заработной платы над доходами от других источников в наибольшей мере было характерно для домохозяйств верхнего квинтиля, но это превосходство существенно сократилось. Так, у домохозяйств самого обеспеченного квинтиля в 2019 г. на заработную плату приходилось 62,7%, в 2020 г. — 60,9%, тогда как в 2021 г. — только 54,9% общего дохода. В конце 2021 г. доход от заработной платы был наиболее значимым источником дохода также для домохозяйств нижнего и второго квинтилей, между тем как для домохозяйств третьего и четвертого квинтилей наиболее существенным источником дохода оставались постоянно растущие государственные трансфертные платежи.

За последний год значимость дохода от заработной платы у домохозяйств трех нижних квинтилей немного выросла, тогда как у домохозяйств четвертого и пятого квинтилей заметно снизилась. Так, доля дохода от заработной платы в совокупном доходе увеличилась у домохозяйств первого квинтиля на 3,6%, у домохозяйств второго квинтиля — на 4,9%, у домохозяйств третьего квинтиля — на 1,7%. В то же время у домохозяйств четвертого квинтиля было отмечено падение на 6,2%, а у домохозяйств верхнего квинтиля — снижение на 6%.

В 2021 г., как и годом ранее, наиболее обеспеченные домохозяйства верхнего квинтиля превосходили все остальные домохозяйства по весомости дохода от работы на всех типах предприятий. Так, по доле дохода от работы на государственных предприятиях они заметно превосходили домохозяйства третьего и четвертого квинтилей (25,3% против 18,5%) и немного — домохозяйства нижнего и второго квинтилей (24,1% против 22% соответственно). Характерно также, что в 2021 г., как и во многие предыдущие годы, двадцать процентов наиболее состоятельных домашних хозяйств опережали домохозяйства всех остальных квинтилей по доле дохода от работы на предприятиях частного сектора. Причем наиболее значительным был этот отрыв от домохозяйств четвертого квинтиля (26,2% против 19,8%). Существенным было также преобладание домохозяйств верхнего квинтиля над всеми остальными по доле дохода от работы на предприятиях смешанной формы собственности.

Особого внимания заслуживает тот факт, что за прошедший год весомость государственных трансфертных платежей в совокупном доходе у домохозяйств двух верхних квинтилей выросла, тогда как у домохозяйств трех нижних квинтилей — снизилась. Так, у домохозяйств четвертого квинтиля наблюдался рост с 27,5 до 33,3%; у домохозяйств верхнего квинтиля — с 43,2 до 49,4%. После этих изменений наиболее зависимыми от государственных трансфертов стали домохозяйства четвертого и третьего квинтилей (49,4 и 46,9% соответственно), а наименее зависимыми — домохозяйства верхнего и нижнего квинтилей (33,3 и 38% соответственно).

Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора в прошедшем году традиционно оставался для российских домохозяйств всех квинтилей более важным источником, чем аналогичный натуральный доход. При этом денежный доход был наиболее значим для домохозяйств нижнего, четвертого и верхнего квинтилей (5,2, 4,6 и 4,7% соответственно). Что касается натурального дохода от домашнего производства и неформального сектора, то его весомость для домохозяйств всех квинтилей оставалась небольшой, а квинтильные различия — незначительными.

Стоит обратить внимание и на то, что в 2021 г., как, впрочем, и во многие предыдущие годы, помощь от родственников и благотворительная помощь была наиболее значимым источником дохода для двадцати процентов беднейших домохозяйств. Но при этом доля дохода от данного источника у домохозяйств нижнего квинтиля за последние четыре года уменьшилась на 2,7 п.п. — с 8,1 до 5,4%, в том числе за последний год — на 1,1 п.п. В то же время наименее весомым этот источник дохода был у домохозяйств четвертого квинтиля (3,1%). Примечательно также, что у домохозяйств верхнего квинтиля, т. е. у двадцати процентов наиболее обеспеченных домохозяйств, доля дохода от данного источника за четыре последние года сократилась на 2,1 п.п. — с 6,5 до 4,5%. Поступления в бюджет обследованных домохозяйств от продажи личного имущества, от сдачи в аренду личной собственности и в виде дивидендов в наибольшей мере были характерны для домохозяйств двух верхних квинтилей. Но реальная роль этих источников в формировании бюджетов обследованных домохозяйств всех квинтилей оставалась минимальной.

Одним из важных результатов исследования стало выявленное в ходе анализа очередное сокращение доходного неравенства в 2021 г. Если в 2020 г., как и годом ранее, средняя сумма месячного дохода двадцати процентов наиболее обеспеченных домохозяйств в 2,6 раза превышала среднюю сумму месячного дохода двадцати процентов наименее обеспеченных, то в 2021 г. эта разница уменьшилась до 2,3 раза. Ранее, в 1998–2018 гг., этот разрыв сокращался довольно последовательно, лишь с небольшими перепадами, — с 7,5 до 2,7 раза. Практически не изменился за последний год разрыв по показателю средней суммы месячного дохода между домохозяйствами верхнего и ближайшего к нему четвертого квинтиля. В 2021 г., как и в 2020 г., он составил 1,3 раза. Отрыв по анализируемому показателю домохозяйств верхнего квинтиля от домохозяйств третьего квинтиля составил 1,5 раза, а от домохозяйств второго квинтиля — 1,7 раза (в 2020 г. — 1,6 и 1,9 раза соответственно).

В таблице 5 представлено распределение обследованных домохозяйств, получающих доход от заработной платы из разных источников, по квинтилям душевого дохода. Данные таблицы демонстрируют наличие довольно устойчивой картины квинтильной дифференциации домохозяйств по доходам от заработной платы, которая сложилась в последние годы.

Данные, представленные в таблице 5, показывают, что доходы от работы на предприятиях всех форм собственности наиболее значимы для двадцати процентов наиболее состоятельных домохозяйств, но эта значимость по сравнению с прошлым годом во многом снизилась. В предыдущие годы данные мониторинга демонстрировали достаточно последовательный рост удельного веса домохозяйств с доходом от работы на предприятиях частного сектора и на предприятиях со смешанной формой собственности — по мере последовательного перехода от беднейшего к самому богатому квинтилю. Однако в 2021 г. доли домохозяйств с доходом от работы на частных предприятиях для первых четырех квинтилей выровнялись. В то же время удельный вес домохозяйств с доходом от работы на государственных предприятиях последовательно уменьшался с 39,8% в первом квинтиле до 34,7% в четвертом. Анализ также показал, что за прошедший год доля домохозяйств с доходом от работы как на частных предприятиях, так и на государственных, увеличилась в первых трех квинтилях, но уменьшилась в двух верхних.

Таблица 5

Доля домохозяйств с доходом из данного источника, по квинтилям дохода, 2006–2021 гг., в %

Источники дохода	Квинтиль душевого дохода				
	Нижний 20	21–40	41–60	61–80	Верхний 20
2006 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	35,4	36,9	45,2	52,1	54,4
Доход от работы на частных предприятиях	20,5	22,3	29,0	40,9	50,5
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	3,9	6,5	8,0	10,6	8,9
2008 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	34,0	36,8	44,6	56,5	51,7
Доход от работы на частных предприятиях	20,5	23,2	36,5	44,3	53,8
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	4,4	5,5	6,6	8,3	9,4
2010 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	40,4	32,9	43,1	48,6	52,5
Доход от работы на частных предприятиях	26,0	27,9	33,2	39,7	52,7
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	4,8	5,2	8,5	9,5	8,2
2020 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	37,7	33,4	33,9	39,5	49,6
Доход от работы на частных предприятиях	30,6	33,6	33,0	35,1	45,8
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	2,9	4,4	2,5	4,9	5,9
2021 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	39,8	38,6	33,9	34,7	46,4
Доход от работы на частных предприятиях	35,1	36,0	36,8	33,6	40,8
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	3,4	5,0	3,5	3,3	6,9

Данные Росстата демонстрировали в 2021 г. некоторое повышение основных показателей, характеризующих неравенство по доходам, после хорошо заметного снижения в предыдущем году. Так, децильный коэффициент фондов, т. е. разрыв в доходах между 10% самых богатых граждан и 10% самого бедного населения, резко сократился с 15,6 раза в 2019 г. до 14,9 раза в 2020 г., в то время

как в 2021 г. он увеличился до 15,1 раза, показывая тем самым некоторый рост неравенства по доходам. Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов), свидетельствующий о степени расслоения общества, сократился с 0,412 в 2019 г. до 0,406 в 2020 г., но в 2021 г. увеличился до 0,408. До этого, с 2007 по 2015–2016 гг., он последовательно снижался — с 0,422 до 0,412, а в 2017 и 2018 гг. составлял 0,411 и 0,414 соответственно.

Данные Росстата о распределении общего объема денежных доходов по двадцати процентным группам населения были подвержены в последние годы минимальным колебаниям. Так, после сокращения доли денежных доходов у граждан с наибольшими доходами (т. е. относящихся к самой высокой пятой группе) с 47% в 2019 г. до 46,5% в 2020 г., в 2021 г. произошло ее увеличение до 46,7%. При этом доля денежных доходов у граждан, принадлежащих к первой группе (т. е. к группе с наименьшими доходами), после увеличения с 5,3% в 2019 г. до 5,4% в 2020 г., в 2021 г. не изменилась. В отношении второй двадцати процентной группы эти изменения с 10,1% в 2019 г. до 10,2% в 2020 г. и далее до 10,1% в 2021 г.; третьей группы — с 15% в 2019 г. до 15,2% в 2020 г. и затем до 15,1% в 2021 г.; четвертой группы — с 22,6% в 2019 г. до 22,7% в 2020–2021 гг. В результате этих изменений разрыв между двадцати процентными группами с наибольшими и наименьшими доходами по доле приходящихся на них денежных доходов сократился с 8,8 раза в 2019 г. до 8,4 раза в 2020 г., но в 2021 г. увеличился до 8,6 раза.

Проблема материального неравенства остается одной из наиболее серьезных и беспокойных для российского общества. Большие перепады в доходах приводят к глубоким различиям в экономическом и социальном положении людей, в их социальном статусе, становятся причиной широкого распространения бедности и нищеты. Согласно данным мониторинга, удельный вес российских домохозяйств с доходом ниже официального прожиточного минимума в 2021 г. по сравнению с 2020 г. сократился с 1,4 до 1%. При этом доля домохозяйств из числа обследованных с доходом меньше половины прожиточного минимума за последний год уменьшилась с 0,9 до 0,5%, а доля домашних хозяйств с доходом выше половины прожиточного минимума, после сокращения в предыдущем году с 0,8 до 0,5%, осталась на прежнем уровне. Доля пенсионеров, живущих в семьях с доходом ниже прожиточного минимума, увеличилась за анализируемый период с 0,7 до 0,3%. При этом доля пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше половины величины прожиточного минимума, сократилась с 0,5% в 2020 г. до 0,2% в 2021 г.

В 2021 г. жили в семьях с доходом ниже величины прожиточного минимума 1,1% детей в возрасте до 7 лет, что было гораздо меньше, чем 1,4% в 2020 г. Одновременно доля детей в возрасте до 7 лет, которые проживали в семьях с доходом меньше половины прожиточного минимума, сократилась с 0,8% в 2020 г. до 0,4% в 2021 г. В наиболее сложном положении находились дети, проживающие в многодетных семьях. Чем больше детей в семье — тем хуже ее финансовое положение и тем труднее домохозяйству сохранять приемлемый уровень жизни для всех членов семьи. Эту тенденцию не удастся переломить годами, несмотря на повышенное внимание властей к проблеме бедности. В домохозяйствах, в которых количество детей превалирует над количеством работающих членов семьи, очень часто ощущается большая нехватка средств на необходимые продукты питания, а также на другие важные товары первой необходимости. Нередко многодетные

семьи, пытаясь обеспечить более или менее полноценный рацион питания для детей, вынуждены сокращать траты на другие необходимые товары и услуги. В условиях ускорившейся инфляции и низких доходов у таких семей нет возможности расширять потребительскую корзину.

По данным Росстата, в 2021 г. численность населения с денежными доходами ниже границы бедности составила 16,1 млн человек, или 11% от общей численности населения. Граница бедности находилась на уровне 11 908 руб. в месяц, в том числе по социально-демографическим группам: трудоспособное население — 12 900 руб.; пенсионеры — 9826 руб.; дети — 11 709 руб.¹ Величина прожиточного минимума (в среднем на душу населения) составила 11 653 руб., в том числе: трудоспособное население — 12 702 руб.; пенсионеры — 10 022 руб.; дети — 11 303 руб. Среднедушевой денежный доход всего населения составил 40 040 руб.; модальный среднедушевой денежный доход — 16 981 руб. Соотношение со среднедушевым денежным доходом модального среднедушевого денежного дохода составило 42,4%, границы бедности — 29,7%. В связи с существенным изменением методики измерения уровня бедности официальные статистические данные об уровне бедности за 2021 г. не сопоставимы с предыдущими оценками.

На рисунке 7 показаны изменения в распределении душевого дохода в период с декабря 2020 по декабрь 2021 г.

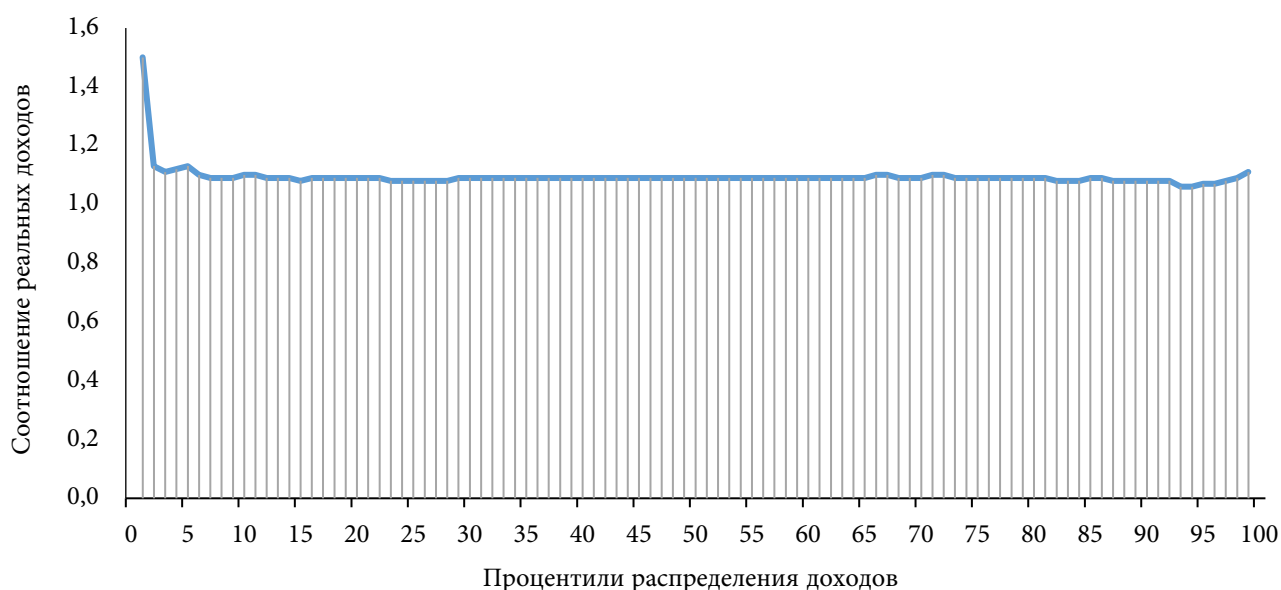

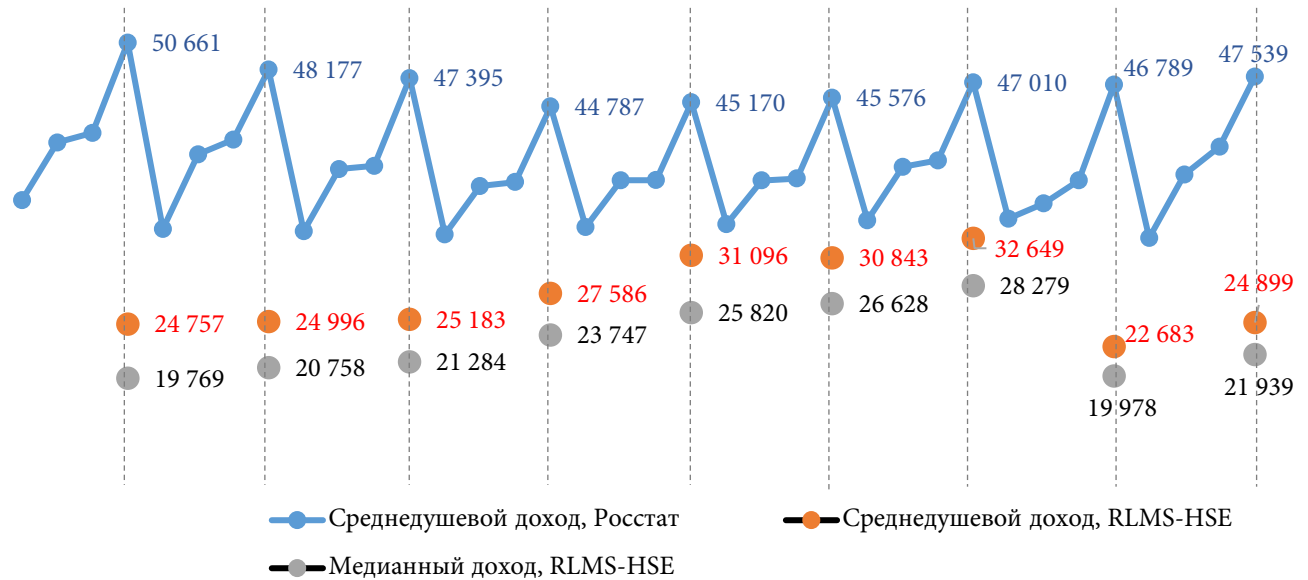
Рис. 7. Соотношение роста доходов каждого процентилля (реальный доход процентилля в 2021 г., деленный на реальный доход процентилля в 2020 г.)

На рисунке показано соотношение реального дохода от каждого процентилля в 2021 г. к реальному доходу того же процентилля в 2020 г. Рассматривая представленные данные, следует учитывать, что на рисунке приведены сведения относи-

¹ Граница бедности в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2021 г. № 2049 определяется путем умножения значения базовой границы бедности на индекс потребительских цен за отчетный год к IV кварталу 2020 г., определяемый цепным методом. Базовая граница бедности соответствует значению величины прожиточного минимума на душу населения, установленной в целом по Российской Федерации за IV квартал 2020 г. в соответствии с Федеральным законом от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» (в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 29 декабря 2020 г. № 473-ФЗ).

тельно душевого дохода, в то время как на предыдущих графиках и в таблицах использованы данные по доходам обследованных домохозяйств. В 2021 г. реальный душевой доход после небольшого всплеска сначала очень быстро снижался и затем был подвержен незначительным колебаниям.

На рисунке 8 рассматриваются различия в показателях среднедушевых доходов населения – по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ и Росстата.

Квартал 1				Квартал 2				Квартал 3				Квартал 4																							
2012	2012	2012	2012	2014	2014	2014	2014	2015	2015	2015	2015	2016	2016	2016	2016	2017	2017	2017	2017	2018	2018	2018	2018	2019	2019	2019	2019	2020	2020	2020	2020	2021	2021	2021	2021

Рис. 8. Сравнение показателей душевых и медианных доходов, по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ и Росстата (ежеквартальный доход на душу населения, в руб. 2020 г.), 2013–2021 гг.

Показатели Росстата свидетельствуют о значительных колебаниях в уровне реальных доходов населения. Но результаты РМЭЗ НИУ ВШЭ, как и прежде, демонстрируют более низкий среднедушевой доход, чем соответствующие данные Росстата. На рисунке показан также медианный душевой доход домохозяйств – по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ. На момент проведения каждого опроса РМЭЗ НИУ ВШЭ медианный душевой доход оказывался ниже среднедушевого дохода. Например, в четвертом квартале 2021 г. среднедушевой доход составил 24 899 руб., тогда как медианный – 21 939 руб., т. е. превышение составило 13,5%. При этом величина среднего дохода на душу не отражает действительного уровня доходов большей части населения России.

Таким образом, дальнейшее распространение коронавирусной инфекции в 2021 г. стало масштабным вызовом для российской экономики. Поэтому траектория экономического развития определялась не только экономическими, но и эпидемиологическими факторами. От скорости вакцинации населения и перспектив распространения новых штаммов зависели темпы восстановительного роста. Дополнительным тормозом для восстановления российской экономики были низкие доходы населения и сжатие потребительского спроса. Но, несмотря на все трудности, к концу года российская экономика не только восстановилась после

распространения эпидемии коронавируса, но и перешагнула прежний уровень. Позитивные тенденции в экономике привели к повышению доходов населения. В связи усилением поддержки населения в период пандемии коронавируса весомость государственных социальных выплат в доходах домохозяйств увеличилась, в то время как значимость заработной платы немного снизилась. В совокупном доходе домохозяйств выросла доля дохода от работы на частных предприятиях и уменьшилась доля дохода от работы на предприятиях государственного сектора, тогда как в предыдущем году наблюдалась противоположная картина. Наибольшую часть доходов домохозяйств по-прежнему составляла оплата труда, которая опережала поступления от государственных трансфертных платежей, но дистанция между ними существенно сократилась. Как и прежде, доля домохозяйств, получающих государственные трансферты, превышала долю получающих доход от заработной платы. Но при этом доля последних выросла за счет увеличения удельного веса домохозяйств, получающих доходы от заработной платы на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности. Больше домохозяйств стали получать помощь от родственников и благотворительную помощь, натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора, но меньше денежный доход от данного источника. Возросшая инфляция и отсутствие прогрессирующего роста оплаты труда препятствовали существенному снижению остроты проблемы дифференциации доходов и имущественного неравенства.

Расходы домохозяйств

Если в 2020 г. значительная часть россиян проявляла осторожность на потребительском рынке из-за стремительного роста заболеваемости, нестабильности жизненных обстоятельств и неопределенности будущего, то в 2021 г., по мере снижения своих опасений по поводу различных угроз, наметился постепенный рост расходов населения. Восстановление денежных доходов россиян, поддержанное значительными бюджетными выплатами, снижением обязательных платежей и ростом реальных зарплат, подогрело потребление. Существенную роль в росте расходов населения сыграли постоянно растущие цены и увеличение трат в счет новых кредитов.

Пытаясь поддержать постепенно беднеющее население, власти в течение года щедро снабжали граждан различными «вертолетными выплатами». Эти выплаты, с одной стороны, положительно отразились на конечных доходах населения, с другой – поддержали спрос в экономике. Но в то же время такие выплаты разогнали и инфляцию, которая стала основной причиной роста расходов населения. Увеличение расходов домохозяйств является также явным признаком роста закредитованности населения.

Специалисты Всемирного банка констатировали, что в 2021 г. в России наблюдались высокие темпы роста с потерей динамики к концу года. Когда ограничения были частично отменены и потребители снова устремились в магазины, рост ускорился. Всплеск расходов стал следствием реализации отложенного спроса, накопившегося за время действия ковидных ограничений, кроме того, его под-

стегивали рост кредитования, тот факт, что в текущем году российские туристы не поехали в отпуск за границу, а также приток средств через топливно-энергетический комплекс¹.

За период распространения коронавируса претерпели кардинальные изменения паттерны потребительского поведения россиян и сформировались новые или четче обозначились некоторые прежние тенденции потребления. Одной из наиболее заметных таких тенденций является рост сегмента онлайн-торговли. За 2021 г. увеличилось как число россиян, обращающихся в интернет-магазины, так и объем интернет-покупок. Еще выше стала популярность онлайн-сервисов доставки готовой еды. В то время, когда у части потребителей продолжала доминировать сберегательная модель поведения, многие стали приобретать товары «впрок», причем в большей мере к такому поведению были склонны те, кто предпочитают офлайн-магазины покупкам в интернете. В первую очередь россияне запасались такими товарами длительного хранения, как бытовая химия и предметы обихода, товары для дома, парфюмерия и косметика. К подобным покупкам людей подталкивали обеспокоенность возможным повышением цен, а также опыт времен начала пандемии коронавируса, когда с прилавков стремительно сметались наиболее распространенные товары повседневного спроса. В такой обстановке намерение россиян «подстраховаться» было вполне объяснимым. К хорошо заметным и набирающим популярность, но не связанным с пандемией трендам, можно отнести обостренное внимание россиян к экологическим аспектам потребления, что становится не просто хорошим тоном в «продвинутой» городской среде, но превращается в неотъемлемую часть повседневной жизни все большего и большего числа россиян, принадлежащих к разным группам и слоям населения.

Согласно данным мониторинга, представленным в таблице 6, ежемесячные расходы российских домохозяйств на приобретение продуктов питания и непродовольственных товаров, после обвального падения в 2020 г. на 30%, в 2021 г. выросли на 3,9%. В 2021 г. расходы обследованных домохозяйств были только на 18,3% выше, чем в 1994 г., но почти на 14,4% меньше, чем в 2008 г., и на 27,2% ниже, чем в предпандемийном 2019 г.

В 2021 г. наблюдалось увеличение расходов домохозяйств как на продукты питания, так и на непродовольственные товары, но неодинаковыми темпами. Так, ежемесячные расходы обследованных домохозяйств на продукты питания, после прошлогоднего провального проседания на 32,9%, в 2021 г. увеличились на 5,9%. В 2021 г. ежемесячные расходы российских домохозяйств на приобретение продуктов питания были более чем на треть меньше, чем в 1994 г., на 13,9% ниже, чем в 1998 г., и на 29% меньше, чем в 2019 г. В то же время ежемесячные расходы домохозяйств на непродовольственные товары, после падения в 2020 г. по сравнению с 2019 г. на 28,5%, в 2021 г. увеличились на 3%. В 2021 г. эти расходы домохозяйств были в 2 раза больше, чем в 1994 г., но на 14,6% выше, чем в 2008 г., и на 26,4% меньше, чем накануне эпидемии коронавируса в 2019 г.

¹ Доклад об экономике России. № 46. Декабрь 2021 г. / Под ред. К. Пала; Группа Всемирного банка. [Б.м.], 2021. 106 с. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099100111302157406/pdf/P177562047516f01709b360c30dafa5850d.pdf> (дата обращения: 25.11.2022).

Таблица 6

Ежемесячные расходы домохозяйств по отдельным статьям, 1994–2021 гг., в руб. 2021 г.

Категории расходов	Год проведения исследования						
	1994	1998	2004	2008	2011	2020	2021
Расходы на продукты питания							
Молочные продукты	1630	954	1225	1674	1811	1815	1852
Мясо, птица, рыба	6604	2791	3805	5097	5108	4666	4878
Картофель	293	145	405	334	286	230	334
Хлеб	–	1633	1559	1477	1154	1195	1219
Фрукты, овощи	–	728	1299	1760	1648	1630	1669
Прочие продукты питания	10 390	2799	2810	3293	3077	2769	2862
Питание в столовых, ресторанах, кафе	1581	787	1804	2502	2632	1388	1424
Продукты домашнего изготовления	3474	2985	1830	1934	1652	1095	1479
Алкоголь	1192	464	542	601	549	390	357
Всего расходов на продукты питания	25 160	13 297	15 279	18 672	17 825	15 182	16 074
Расходы на непродовольственные товары							
Табачные изделия	490	475	501	579	728	1069	1192
Одежда	3348	2524	2936	4365	3656	2454	2550
Горючее, топливо	984	605	1303	1979	2060	1999	2054
Электроника и другие товары длительного пользования	4421	1986	4867	8883	7198	2876	2611
Услуги и отдых	3114	2695	5204	9117	8571	4153	4678
Оплата обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам	1303	776	1362	6255	7446	9688	10318
Оплата жилья и коммунальных услуг	802	1021	2157	3990	4885	4411	4260
Акции, облигации	115	7	0	0	26	21	23
Различные товары (мыло, игрушки, газеты и т. п.)	–	–	935	1318	1336	1144	1093
Сбережения	2045	713	1132	2558	2676	1714	1742
Всего расходов на непродовольственные товары	16 623	10 802	20 402	39 047	39 029	32 375	33 338
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары	41 783	24 099	35 680	57 719	56 854	47 558	49 413

Примечание. Начиная с декабря 1994 г. категория «Топливо» включает в себя бензин, газ в баллонах и дрова. Во время предыдущих опросов газ в баллонах и дрова учитывались в категории коммунальных услуг. Опросы указанных выше годов показывают долю каждого вида топлива: 12/1994: бензин – 49%, дрова – 19%, газ в баллонах – 32%; 10/1996: бензин – 56%, дрова – 18%, газ в баллонах – 26%; 11/1998: бензин – 58%, дрова – 16%, газ в баллонах – 26%; 10/2000: бензин – 71%, дрова – 11%, газ в баллонах – 18%; 10/2002: бензин – 72%, дрова – 11%, газ в баллонах – 17%; 10/2003: бензин – 71%, дрова – 13%, газ в баллонах – 16%; 10/2004: бензин – 73%, дрова – 13%, газ в баллонах – 13%; 10/2005: бензин – 73%, дрова – 14%, газ в баллонах – 13%; 10/2006: бензин – 75%, дрова – 12%, газ в баллонах – 12%; 10/2007: бензин – 77%, дрова – 12%, газ в баллонах – 11%; 11/2008: бензин – 83%, дрова – 10%, газ в баллонах – 7%; 11/2009: бензин – 84%, дрова – 9%, газ в баллонах – 7%. 12/2010: бензин – 85%, дрова – 9%, газ в баллонах – 7%; 12/2013: бензин – 88,6%, дрова – 7,6%, газ в баллонах – 3,8%; 12/2015: бензин – 89,4%, дрова – 6,9%, газ в баллонах – 3,7%; 12/2018: бензин – 91,1%, дрова – 6,4%, газ в баллонах – 2,5%. 12/2019: бензин – 73,1%, дрова – 15,0%, газ в баллонах – 11,9%; 12/2020: бензин – 90,5%, дрова – 6,2%, газ в баллонах – 3,2%; 12/2021: бензин – 91,3%, дрова – 5,9%, газ в баллонах – 2,8%.

Данные мониторинга, приведенные в таблице 6, демонстрируют сравнительно небольшое повышение расходов домохозяйств на большинство анализируемых групп продуктов питания. Так, ежемесячные расходы обследованных домашних хозяйств на молочные продукты, после сокращения в 2020 г. по сравнению с 2019 г. в 1,5 раза, в 2021 г. увеличились на небольшие 2%. Таким же небольшим было повышение расходов на хлебобулочную продукцию. Ежемесячные расходы на фрукты и овощи, после падения в 1,4 раза в 2020 г., в 2021 г. увеличились на 2,4%. В то же время расходы домохозяйств на мясо, птицу и рыбу, после проседания в 2020 г. по сравнению с предыдущим годом более чем в 1,4 раза, в 2021 г. выросли на 4,5%. В 2021 г. было выявлено также увеличение расходов домохозяйств на питание вне дома. После некоторых колебаний в предыдущие годы они провалились в 2020 г. сразу же в 2,1 раза, однако в 2021 г. выросли на 2,6%.

Но самым большим оказался рост расходов обследованных домохозяйств на картофель. После сокращения в 2018 г. на 10,6% и в 2019 г. – на 6,7%, в 2020 г. они упали еще в 1,3 раза. Однако в 2021 г. эта нисходящая тенденция была прервана ростом более чем на 45%. Такой большой рост объясняется повышением цен и возросшим потребительским спросом на картофель в связи с неурожаем некоторых сортов картофеля в 2021 г. Весьма значительным был также рост расходов домохозяйств на продукты домашнего изготовления. Эти расходы вслед за длительным периодом роста, в том числе в 2018 г. по сравнению в 2017 г. на 12,1%, в 2019 г. упали почти на треть и далее в 2020 г. – еще в 1,5 раза. Но в 2021 г. был отмечен их рост на 35%.

Единственной статьей расходов обследованных домохозяйств на продукты питания, которая подверглась сокращению, оказался алкоголь. После огромного падения в 2020 г. по сравнению с 2019 г. в 1,6 раза, расходы на алкогольную продукцию еще раз снизились в 2021 г. – на 8,5%.

В целом изменения, выявленные в расходах на продукты питания в 2021 г., не смогли существенно повлиять на уровень продовольственного обеспечения российских семей, который очень далек от оптимального. Рацион питания россиян все еще близок к рациону, характерному для небогатых и бедных стран. В 2021 г. российские домохозяйства тратили меньше, чем в 1994 г., на мясо, птицу, рыбу в 1,4 раза; на продукты домашнего изготовления – в 2,3 раза; на питание в столовых, ресторанах, кафе – почти на 10%. А разница в расходах по статье «прочие продукты питания» достигала 3,6 раза. Расходы на молочную продукцию в 2021 г. стали выше, чем в 1994 г., только на 13,6%.

После огромного проседания расходов домохозяйств на непродовольственные товары практически по всем анализируемым группам в предыдущем году, было выявлено увеличение по целому ряду этих позиций. Наиболее значительным оказался рост расходов домохозяйств на услуги и отдых. После огромного падения в 2020 г. на 41,8%, или в 1,7 раза, они к концу 2021 г. выросли на 12,6%. По сравнению с началом пандемии россияне стали намного меньше беспокоиться о событиях, связанных с «новой реальностью». Опасения по поводу проведения отпуска вдали от постоянного места жительства, поездок в общественном транспорте, проживания в гостинице, посещения парков и ресторанов сократились.

Люди стали реже отказываться от кинотеатров и путешествий по стране. Но несмотря на увеличение расходов домохозяйств на услуги и отдых в 2021 г., они оставались почти вдвое меньше, чем в 2008 г., и в полтора раза меньше, чем в 2019 г.

При некотором оживлении потребительского спроса продолжали нести большие убытки такие отрасли досуга и услуг, как общественный транспорт, кинотеатры, спа-салоны, парки развлечений и концерты, авиа- и железнодорожные перевозки, гостиничный бизнес. Особенно с большими трудностями столкнулся туризм. Часть россиян отказывалась от поездок во время летних отпусков из-за опасности коронавируса. Но многие не могли позволить себе отпуск из-за нехватки денег. Сформировать свой отпускной бюджет не получалось не только у граждан, имеющих довольно скромный ежемесячный заработок, но и у получающих сравнительно высокую зарплату.

Значительным оказалось в 2021 г. увеличение ежемесячных расходов домохозяйств на табачную продукцию. В 2020 г. по сравнению с 2008 г. расходы домохозяйств на табак и табачные изделия упали более чем на треть, но в 2021 г. выросли на 11,5%, оставаясь на четверть ниже уровня 2019 г. Рост расходов на табачную продукцию в 2021 г., как и во многие предыдущие годы, был связан главным образом с ростом потребительских цен на табачные изделия, которые, согласно данным Росстата, выросли за год на 16,4%. Этот рост цен произошел на фоне значительного – двадцатипроцентного – повышения акцизов на табачную продукцию и электронные сигареты.

Менее заметным было увеличение расходов домохозяйств на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам, т. е. расходов, которые уже много лет являются самыми затратными для российских семей. После сокращения в 2020 г. на 16,9%, они выросли в 2021 г. на 6,5%. После этого роста они были в 1,6 раза выше, чем в 2008 г., но на 11,5% ниже, чем в 2019 г.

Еще одной статьей, которую затронул некоторый рост, стали расходы на одежду и обувь. Если в 2019 г. они сократились только на 4,7%, то в 2020 г. резко упали в 1,5 раза, или почти на 32%. И только в 2021 г. эти расходы увеличились на 3,9%. Рост расходов на одежду, обувь и многие другие непродовольственные товары можно объяснить прежде всего реализацией отложенного спроса. Граждане, измученные неопределенностью, поспешили закупиться всем тем, что давно откладывали и на что у них были финансовые средства.

Сравнительно небольшим оказалось увеличение в 2021 г. ежемесячных расходов домохозяйств на топливо, горючее. В 2019 г. по сравнению с 2008 г. они выросли в 1,5 раза, а по сравнению с 1998 г. – в 4,9 раза. Однако в 2020 г. эти расходы резко упали в 1,5 раза – до уровня 2008 г., а в 2021 г. увеличились на 2,8%. По мере восстановления экономики после действия негативных последствий пандемии COVID-19 спрос на горючее начал уверенно расти, что стало причиной быстрого повышения цен. Но в целом в 2021 г. темпы роста цен на горючее незначительно превысили общий уровень инфляции в стране. В определенной степени на стоимость топлива повлиял резкий рост мировых цен на нефть.

В ходе анализа данных РМЭЗ НИУ ВШЭ было выявлено очень скромное увеличение ежемесячных расходов домохозяйств, предназначенных для сбережений. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. они снизились на 15,4%, оказавшись почти в 1,6 раза меньше, чем в 2011 г., но в 2021 г. увеличились на небольшие 1,6%.

Вместе с тем не по всем расходным статьям домохозяйств было выявлено увеличение. Самым существенным оказалось падение расходов обследованных домохозяйств на электронику и другие товары длительного пользования. Если в 2019 г. они выросли на немалые 11,7%, то в 2020 г. они резко упали почти на 30%, а в 2021 г. — еще на 9,3%. В результате такого огромного падения эти расходы домохозяйств скатились до уровня тридцатилетней давности. В 2021 г. расходы домохозяйств на электронику и другие товары длительного пользования были почти в 1,7 раза меньше, чем в 1994 г., и более чем в 3,4 раза меньше, чем в 2008 г. Несмотря на пандемию, потребители продолжали инвестировать в домашний комфорт, предпочитая инвестировать в более дорогую и производительную технику, выбирая ее на перспективу. Но все это не привело к росту расходов на электронику и другие товары длительного пользования. К главным причинам такой динамики можно отнести отсутствие достаточных финансовых средств у большинства россиян для дорогостоящих покупок и зависимость российского рынка электроники и бытовой техники от поставок из-за рубежа, снижающую возможности удовлетворения потребительского спроса в условиях пандемии из-за сбоя в производственно-сбытовых цепочках и роста стоимости сырья.

К наиболее значимым и устойчивым тенденциям, выявленным в ходе анализа данных мониторинга, длительное время относился последовательный рост расходов домохозяйств на оплату жилья и коммунальных услуг. В целом за 1998–2019 г. они выросли почти в 6,5 раза. И только в 2020 г. было отмечено падение этих расходов на 32% и далее в 2021 г. — на 3,4%. В 2021 г. эти расходы были в полтора раза меньше, чем в 2019 г., когда они были максимальными.

Примерно таким же было сокращение в 2021 г. ежемесячных расходов домашних хозяйств на приобретение различных товаров повседневного спроса (мыло, игрушки, газеты и т. п.). За 2008–2019 гг. эти расходы выросли на 18%. Однако в 2020 г. они упали более чем в 1,4 раза, или на 26,4%, и затем в 2021 г. — еще на 4,5%. В 2021 г. эти расходы были почти на 30% меньше, чем в 2019 г.

На рисунках 9–12 показаны долгосрочные изменения в структуре расходов российских домохозяйств. Они, в частности, показывают, что за годы постсоветского периода структура потребления населения России существенно трансформировалась. Причем в последние годы структура расходов домохозяйств была подвержена достаточно большим изменениям, вызванным негативными последствиями обострения экономического кризиса, в том числе из-за пандемии коронавируса¹.

Как видно из рисунка 9, общая структура расходов домохозяйств на продукты питания и непродовольственные товары за постсоветский период претерпела существенные изменения.

Главными трендами, характеризующими эти перемены, были рост доли расходов обследованных домохозяйств на непродовольственные товары и сокращение доли расходов на продукты питания. Однако в последние годы эти тренды приостановились. Так, с 2015 по 2021 г. доля расходов домохозяйств на продукты

¹ Средние по статьям расходов, представленные на рисунках 9–12 и в таблице 7, получены путем расчета средних отдельно по каждой статье по всем домохозяйствам в выборке. Соотношение средних расходов, представленных в таблице 6, соответствует взвешенным средним данным долей в бюджете, где веса пропорциональны общим расходам домохозяйства. Расходы на одежду, электронику и другие товары длительного пользования учитывались за трехмесячный срок.

питания колебалась в пределах от 40,1 до 41,5%, а доля расходов на непродовольственные товары – от 58,5 до 59,8%. В 2021 г. по сравнению с 2020 г. доля расходов домохозяйств на продовольствие увеличилась с 40,5 до 41,3%, между тем как доля расходов на непродовольственные товары уменьшилась с 59,5 до 58,7%.

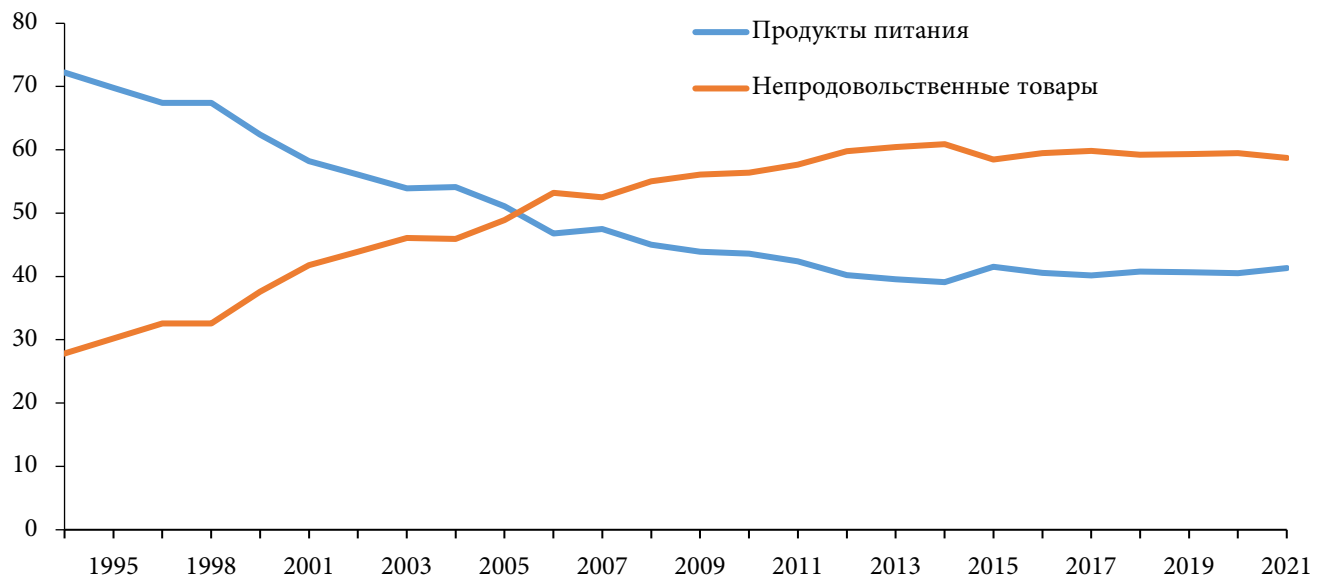

Рис. 9. Структура расходов: продукты питания и непродовольственные товары, 1995–2021 гг., в %

Таким образом, доля расходов на продукты питания у российских домохозяйств остается еще очень высокой, что является одним из свидетельств непростого материального положения большинства семей. Многие семьи вынуждены тратить на покупку продуктов питания значительную часть своих денежных средств, составляющую свыше половины всех потребительских расходов семьи. Как известно, в странах с благополучной экономикой и высоким уровнем доходов населения расходы на питание обычно невелики и составляют зачастую не более 15% от общих семейных расходов. Остальные средства жители таких стран тратят на образование, путешествия, развлечения, посещение ресторанов и кафе, бытовую технику и другие товары и услуги.

Более детальное представление о долгосрочных тенденциях в структуре ежемесячных расходов российских домохозяйств дают рисунки 10–12, содержащие необходимый для этого подробный иллюстративный материал.

Так, из данных мониторинга, представленных на рисунке 10, видно, что достаточно значительным оказалось в последние годы снижение доли расходов домохозяйств на питание вне дома (в ресторанах, столовых, кафе, барах и т. п.). С 2018 по 2020 г. эта доля последовательно сократилась с 4 до 2,6% и только в 2021 г. минимально увеличилась до 2,7%. Такое символическое увеличение во многом является следствием очень медленного восстановления рынка общественного питания после значительного падения в условиях продолжительного локдауна 2020 г.

Менее значительными оказались в последние годы колебания доли расходов домохозяйств на табачную продукцию. После двукратного роста с 1,4% в 2008 г. до максимальных 2,8% в 2018 г. последовал период определенной стабилизации данного показателя. За 2019–2020 гг. доля расходов домохозяйств на табак уменьшилась до 2,6%, но в 2021 г. вновь увеличилась до 2,7%. При этом, как было указано выше, рас-

ходы домохозяйств на табачные изделия выросли за последний год на значительные 11,5%. Что касается расходов на алкоголь, то в последние годы доля этих расходов в общих расходах домохозяйств практически не менялась, составляя около 1%. Но в 2020 г. она немного уменьшилась до 0,9% и затем в 2021 г. — до 0,8%. Это снижение стало следствием значительного сокращения расходов домохозяйств на покупку алкоголя за последние два года, которое достигло 1,7 раза. По-видимому, падение доходов населения в совокупности с ростом цен вынудило многих россиян сократить свои расходы на алкогольную продукцию, отдавая предпочтение покупке других, более важных для семьи продуктов или потреблению дешевого алкоголя кустарного производства, а также собственного домашнего приготовления.

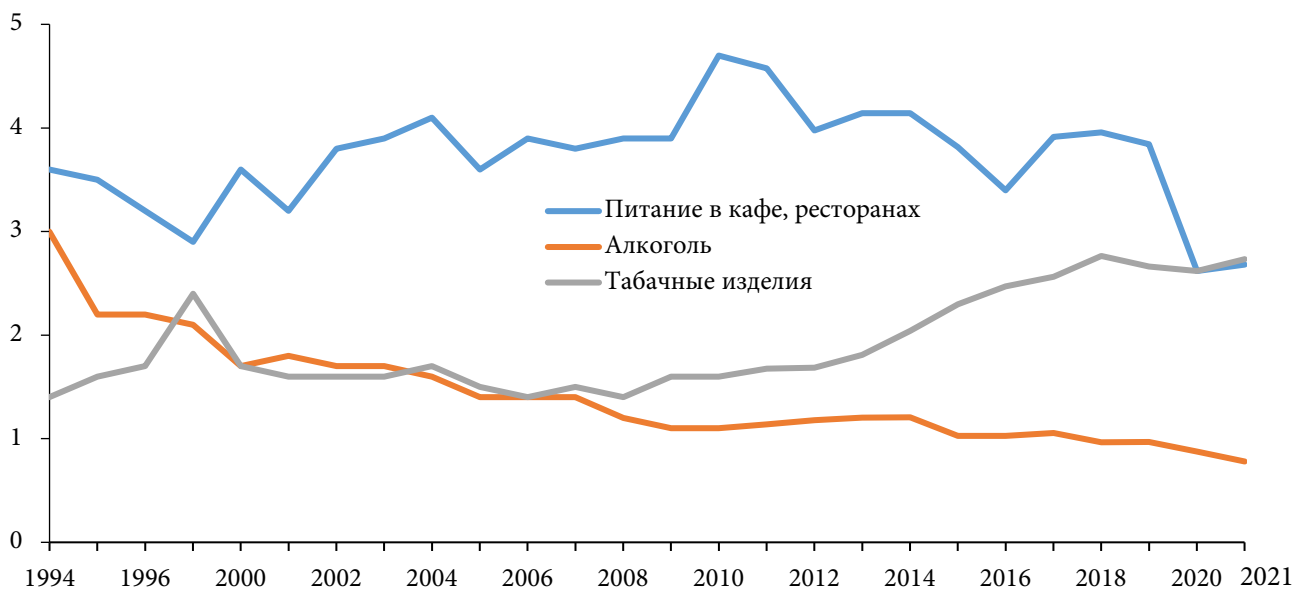

Рис. 10. Структура расходов: питание вне дома, алкоголь, табачные изделия, 1994–2021 гг., в %

На фоне значительного сокращения в период строгих пандемийных ограничений предыдущего года хорошо заметным оказалось увеличение доли расходов домашних хозяйств на оплату различных услуг — одной из самых весомых статей бюджета российских семей. Из рисунка 11 видно, что если в 2020 г. по сравнению с 2019 г. доля расходов на оплату услуг в совокупных расходах обследованных домохозяйств упала с 15,5 до 14,4%, т. е. до уровня, который фиксировался в 2012–2015 гг., то в 2021 г. она выросла до 14,8%.

Пандемия коронавируса повлияла на рынок услуг гораздо сильнее, чем на другие сферы: некоторые компании были вынуждены полностью прекратить работу, тогда как другие с трудом старались адаптироваться к новым реалиям. Появилось даже такое новое направление, как онлайн-услуги. После снятия ограничений сфера услуг продолжила доковидный рост, возвращаясь к прежним, более высоким показателям.

Достаточно устойчивым является тренд, демонстрирующий на протяжении последних двадцати лет снижение доли расходов домохозяйств на одежду и обувь. В целом за 2000–2020 гг. доля этих расходов в совокупных расходах российских домохозяйств с определенными колебаниями сократилась более чем в полтора раза — с 8,2 до 4,7%. При этом после минимального снижения за 2020 г. с 4,8 до 4,7% в 2021 г. она увеличилась до прежних 4,8%.

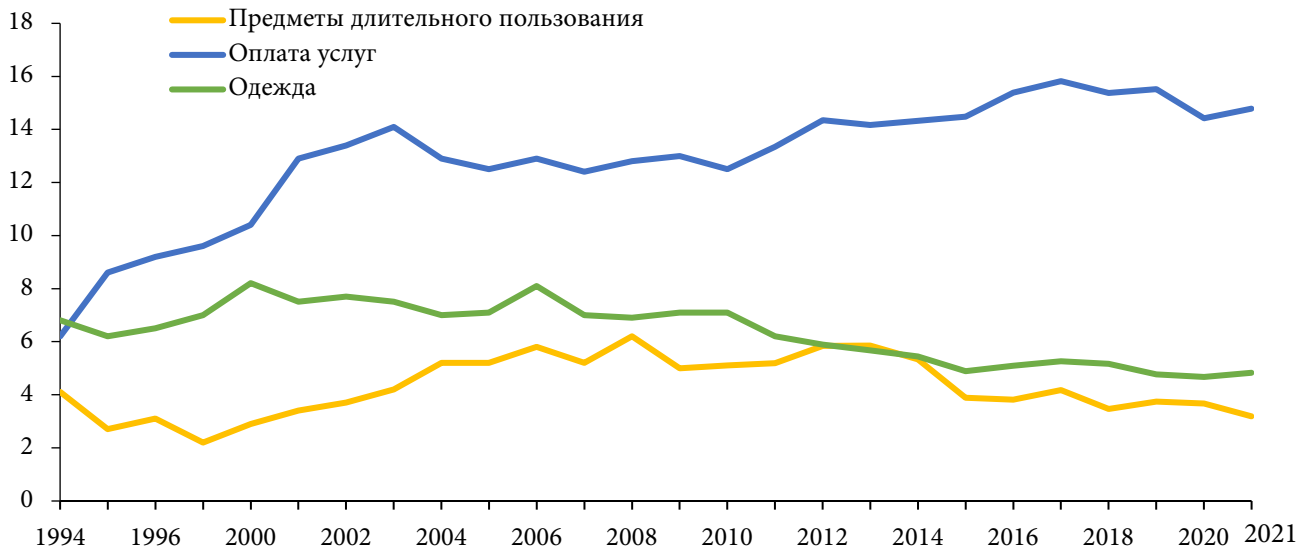

Рис. 11. Структура расходов: предметы длительного пользования, оплата услуг, одежда, 1994–2021 гг., в %

К хорошо заметным многолетним тенденциям относится также постепенное сокращение удельного веса расходов домашних хозяйств на электронику и другие товары длительного пользования, которое наблюдается, с небольшими перепадами, начиная с 2013 г. В целом за 2012–2021 гг. доля этих расходов в совокупных расходах домохозяйств уменьшилась почти вдвое – с 5,9 до 3,2%. Причем если в 2019–2020 гг. доля расходов домохозяйств на предметы длительного пользования составляла 3,7%, то в 2021 г. она достаточно быстро уменьшилась, вследствие очередного сокращения величины этих расходов, на 0,5 п.п. – до 3,2%. Такой низкой эта доля расходов домохозяйств была только в уже далеких 1990-х годах.

Данные мониторинга, приведенные на рисунке 12, убеждают, что семейные траты на содержание жилья продолжают относиться к наиболее весомым статьям расходов российских домохозяйств.

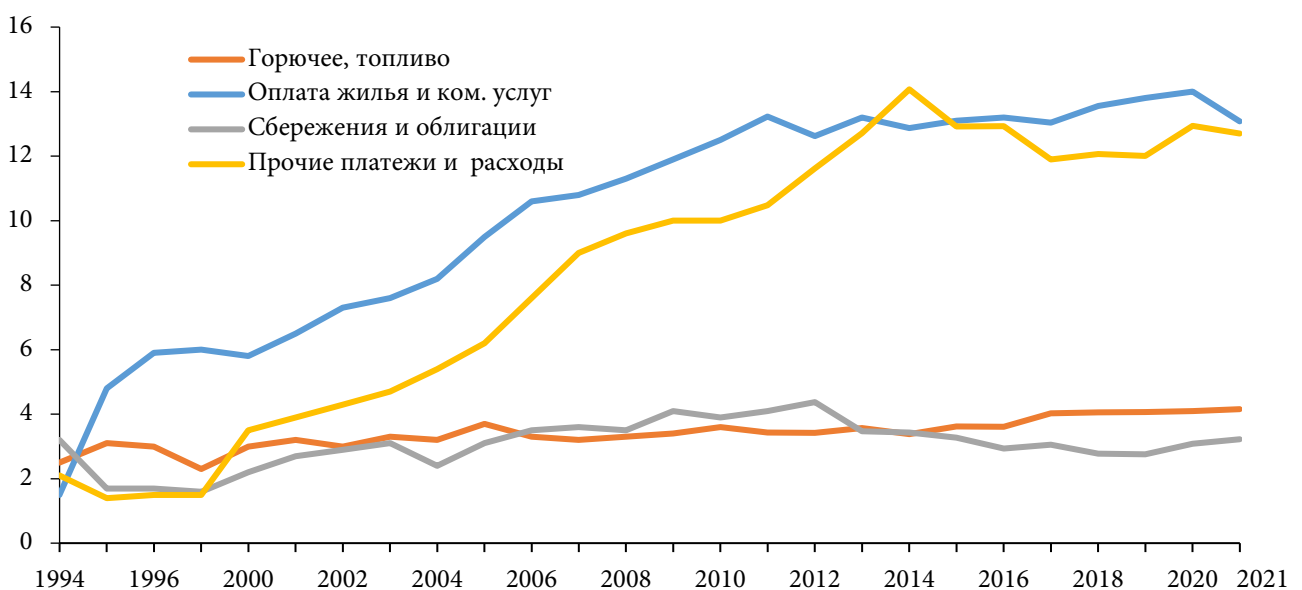

Рис. 12. Структура расходов: топливо, сбережения и облигации, оплата жилья и коммунальных услуг, прочие платежи и расходы, 1994–2021гг., в %

Эти расходы, от которых практически невозможно отказаться, постоянно растут, чуть ли не ежегодно обновляя очередной максимум. После небольшого сокращения с 13,2% в 2015 г. до 13% в 2016 г. доля расходов на оплату жилья и коммунальных услуг в общих расходах домохозяйств к 2020 г. поступательно выросла до максимальных 14%. Но в 2021 г. она снизилась до 13,1%. Это снижение наблюдалось на фоне роста тарифов на жилищно-коммунальные услуги и в среднем по стране составило 3,2%, что было, однако, намного ниже уровня инфляции. Рассматривая представленные данные, следует иметь в виду, что в 1994 г. доля расходов домохозяйств на оплату жилья и коммунальных услуг составляла всего лишь 1,5%.

Не менее последовательно растет доля расходов домохозяйств на горючее, топливо. В 2018–2020 гг. эта доля составляла 4,1%, но в 2021 г. увеличилась до 4,2%. В целом за 1994–2021 гг. доля расходов на горючее, топливо выросла на значительные 1,7 п.п. Вместе с тем доля расходов домохозяйств, предназначенных для пополнения сбережений, в последние годы менялось очень мало. Что касается последнего периода, то эта доля расходов сократилась с 3,1% в 2017 г. до 2,8% в 2018–2019 гг., но в 2020 г. увеличилась до прежних 3,1% и затем в 2021 г. — до 3,2%. В целом в течение 1994–2021 гг. доля расходов на сбережения в совокупных расходах домохозяйств варьировала в пределах от минимальных 1,6% в 1998 г. до максимальных 4,4% в 2012 г. Доля прочих платежей и расходов обследованных домашних хозяйств, после довольно последовательного снижения с 14,1% в 2014 г. до 12% в 2019 г., в 2020 г. увеличилась до 12,9%, но в 2021 г. вновь уменьшилась до 12,7%.

В таблице 7 представлены данные мониторинга о расходах домохозяйств из различных квинтилей распределения душевых расходов за 2021 г. Соотношение средних расходов по каждой статье и средних общих расходов, рассматриваемое по квинтилям расходов, является не просто усредненным значением долей бюджета. Напротив, такое соотношение средних расходов соответствует взвешенным средним данным долей в бюджете, где веса пропорциональны общим расходам домохозяйств.

Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, представленные в таблице 7, показывают, что тенденция, демонстрирующая постепенное снижение дифференциации российских домохозяйств по уровню расходов, которое наблюдалось на протяжении нескольких предыдущих лет, в последние годы приостановилась. Если в 2012–2013 гг. наиболее состоятельные двадцать процентов домохозяйств тратили на продукты питания и непродовольственные товары в 7,5 раза больше, чем наименее состоятельные двадцать процентов, то в дальнейшем эта разница последовательно сократилась до 4,7 раза в 2019 г. Но в 2020 г. она увеличилась до 5,1 раза и в 2021 г. составила около 5 раз. Возросла также дистанция по уровню расходов между самыми состоятельными и всеми остальными российскими домохозяйствами. Так, в 2014 г. расходы домохозяйств, принадлежащих к верхнему квинтилю, превышали расходы домохозяйств предыдущего четвертого квинтиля приблизительно в 2,4 раза, тогда как к концу 2019 г. эта разница постепенно сократилась до 1,8 раза. В 2020 г. был отмечен рост данного показателя до 2 раз и в 2021 г. — до 2,1 раза. Кроме того, если в 2019 г. домохозяйства верхнего квинтиля тратили в 3,4 раза больше, чем домохозяйства второго квинтиля, то в 2020 г. эта разница выросла до 3,7 раза, а в 2021 г. практически не изменилась, составив около 3,6 раза. Практически не изменилась и разница в величине ежемесячных расходов между домохозяйствами верхнего и третьего квинтилей. В 2020 г. она составляла 2,8 раза, в то время как в 2021 г. — 2,7 раза.

Таблица 7

Ежемесячные расходы домохозяйств по квинтилям распределения душевых расходов,
2021 г., в руб. 2021 г.

Категории расходов	Квинтили душевых расходов				
	Нижний 20	21–40	41–60	61–80	Верхний 20
Расходы на продукты питания					
Молочные продукты	1168	1627	1991	2141	2323
Мясо, птица, рыба	3081	4129	5310	5579	6269
Картофель	197	324	346	334	469
Хлеб	1130	1172	1271	1225	1297
Фрукты, овощи	915	1411	1780	2003	2226
Прочие продукты питания	1815	2449	3083	3288	3660
Питание в столовых, ресторанах, кафе	700	1172	1563	1474	2212
Продукты домашнего изготовления	1689	1660	1457	1274	1318
Алкоголь	112	219	392	397	671
Всего расходов на продукты питания	10 807	14 163	17 192	17 716	20 443
Расходы на непродовольственные товары					
Табачные изделия	666	941	1298	1366	1687
Одежда	1612	2018	2521	2829	3784
Горючее, топливо	1195	1442	1974	2387	3290
Электроника и другие товары длительного пользования	231	677	1416	2144	8772
Услуги и отдых	2566	4290	5701	7221	17 969
Оплата обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам	244	1176	3038	8951	39 100
Оплата жилья и коммунальных услуг	2947	3847	4340	4802	5354
Акции, облигации	0	0	0	15	103
Различные товары (мыло, игрушки, газеты и т. п.)	779	919	1159	1110	1505
Сбережения	96	461	978	2722	4510
Всего расходов на непродовольственные товары	10 335	15 770	22 425	33 547	86 075
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары	21 142	29 933	39 617	51 263	106 518
Всего расходов на продукты питания, 2020 г. (в руб. 2021 г.)	9894	12 964	15 004	16 961	21 112
Всего расходов на непродовольственные товары, 2020 г. (в руб. 2021 г.)	10 317	15 236	21 921	33 733	82 055
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары, 2020 г. (в руб. 2021 г.)	20 213	28 202	36 926	50 696	103 168

Выявленное в 2021 г. небольшое сокращение дифференциации домохозяйств по уровню общих расходов на все виды продуктов, товаров и услуг происходило за счет опережающего увеличения расходов наименее платежеспособных домохозяйств. Если в 2020 г. было обнаружено стремительное падение расходов на продукты питания и непродовольственные товары у домохозяйств всех квинтилей, то в 2021 г. было отмечено такое же всеохватывающее, но менее существенное увеличение этих расходов. При этом расходы домохозяйств наиболее состоятельных квинтилей росли не такими быстрыми темпами, как расходы менее состоятельных. Так, в 2021 г. ежемесячные расходы на все виды продуктов, товаров и услуг у домохозяйств самого бедного первого квинтиля, после сокращения годом ранее более чем на 32%, увеличились на 4,6%. У домохозяйств второго квинтиля, после предыдущего падения почти на 32%, последовал рост на 6,1%. Домохозяйства третьего квинтиля, вслед за падением на 31% годом ранее, в 2021 г. увеличили свои расходы на 6,1%. В то же самое время у домохозяйств четвертого квинтиля рост общих расходов, после сокращения в предыдущем году на огромные 34%, составил всего лишь 1,1%. И наконец, домохозяйства самого состоятельного квинтиля, сократив свои общие расходы годом ранее на 26%, в 2021 г. смогли увеличить их только на 3,2%.

Такие небольшие сдвиги в немалой степени являются следствием изменения потребительских привычек россиян в период пандемии. У многих граждан, даже довольно обеспеченных, более четко стало проявляться стремление к сокращению расходов на приобретение не только дорогих предметов длительного пользования, но и одежды, обуви. Многие сократили расходы на продовольствие за счет выбора самых дешевых продуктов питания. Немалая часть граждан уменьшила траты на развлечения и отпуск, транспорт и общепит. Еще одной важной статьей экономии стали платные медицинские услуги. Но в то же время очень многие россияне были вынуждены увеличить свои расходы на покупку лекарств, оплату услуг сотовой связи и интернета. Даже россияне со средним или высоким уровнем доходов откладывали необязательные расходы из-за повышенной неопределенности. Наиболее обеспеченные и более образованные слои населения стали чаще экономить на развлечениях, питании вне дома и турпутевках. А малообеспеченные группы экономили в первую очередь на еде, одежде и бытовой технике.

В 2021 г., как и годом ранее, было выявлено некоторое сокращение разрыва в величине расходов на продукты питания между домохозяйствами полярных квинтилей. Если в 1990-х и в начале 2000-х годов эта дистанция достигала весьма значительных 5–6 раз, то к концу 2020 г. она постепенно сократилась до 2,1 раза и затем в 2021 г. — до минимальных 1,9 раза. И в то же время уже длительное время практически не меняется величина разрыва в расходах на продукты питания между домохозяйствами наиболее состоятельного верхнего квинтиля и домохозяйствами ближайшего к нему четвертого квинтиля. В 2012–2018 гг. она составляла около 1,2 раза, но в 2019 г. уменьшилась до минимальных 1,1 раза. В 2020 г. эта дистанция вновь увеличилась до предыдущих 1,2 раза и в 2021 г. не изменилась.

Данные мониторинга свидетельствуют о росте дифференциации домохозяйств по доле расходов на продукты питания, которую занимают эти расходы в бюджете домохозяйств противоположных квинтилей. При этом, как и прежде, прослеживается последовательное сокращение «продовольственной» доли расхо-

дов по мере роста платежеспособности домохозяйств. Если в 2020 г. доля расходов на продукты питания в общих расходах на продукты питания, непродовольственные товары и услуги у домохозяйств наименее состоятельного квинтиля была в 2,4 раза больше, чем у домохозяйств наиболее состоятельного квинтиля (49% против 20,5%), то в 2021 г. эта разница выросла до 2,7 раза (51,1% против 19,2%).

Таким образом, за последний год весомость расходов на продовольствие в общих расходах на продовольствие, непродовольственные товары и услуги у наименее платежеспособных домохозяйств увеличилась, тогда как у наиболее платежеспособных уменьшилась. Хотя здесь следует заметить, что еще не так давно, в конце 2016 г., доля расходов на продукты питания у домохозяйств самого платежеспособного квинтиля составляла только 16,6%. В 2021 г. доля расходов на питание у домохозяйств второго квинтиля достигала 47,3%, что было немного больше, чем 46% в 2020 г. У домохозяйств третьего квинтиля эта доля составляла 43,4% против 40,6% в 2020 г. И наконец, у домохозяйств четвертого квинтиля доля расходов на питание в общих расходах составляла 34,6%, лишь немного превышая уровень 2020 г., равный 33,5%.

Отмеченные выше сдвиги обусловлены соответствующими изменениями в величине продовольственных расходов домохозяйств, принадлежащих к различным квинтильным группам. В 2020 г. расходы на продукты питания резко упали у домохозяйств всех квинтилей. Это снижение составило от 30% у домохозяйств второго и пятого квинтилей до 37% у домохозяйств четвертого квинтиля. Однако в 2021 г. — так же, как это было накануне пандемии в 2019 г., — у менее состоятельных домохозяйств наблюдался рост расходов на продукты питания, в то время как у наиболее состоятельных — их снижение. Так, у домохозяйств нижнего квинтиля расходы на продовольствие за последний год выросли на 9,2%, у домохозяйств второго квинтиля — тоже на 9,2%, а у домохозяйств третьего квинтиля — на 14,6%. И в то же время у домохозяйств четвертого квинтиля эти расходы увеличились только на 2,1%, а у домохозяйств верхнего квинтиля снизились на 3,2%.

Дальнейший анализ показал, что в 2020 г. двадцать процентов наиболее состоятельных домохозяйств тратили на молочные продукты в 2,1 раза больше, чем двадцать процентов наименее состоятельных. В 2021 г. этот показатель изменился очень мало, уменьшившись до 2 раз. Примерно на таком же уровне этот разрыв сохранялся в допандемийных 2018–2019 гг., что было, однако, намного меньше, чем 3,7 раза в 2008 г. Аналогичная картина наблюдалась в отношении изменения разницы в расходах на мясо, птицу и рыбу. Разрыв в величине этих расходов между домохозяйствами полярных квинтилей достаточно последовательно уменьшился с 3,7 раза в 2008 г. до 2,1 раза в 2018–2019 гг. и далее до 2 раз в 2020–2021 гг. Более значительными оказались эти изменения в отношении расходов на фрукты и овощи. Дистанция в расходах на эту продукцию между домохозяйствами наиболее и наименее обеспеченных квинтилей сократилась с 5,7 раза в 2008 г. до 3,1 раза в 2019–2020 гг. и затем до 2,4 раза в 2021 г.

Значительные изменения были отмечены также в соотношении расходов на картофель между домохозяйствами полярных квинтилей. За 2008–2019 гг. со значительными перепадами это соотношение сократилось с 5 до 2,1 раза. В 2020 г. оно увеличилась до 2,3 раза, а в 2021 г. — до 2,4 раза. Существенной в последние годы была также разница в величине расходов домохозяйств противоположных

квнтилей на питание вне дома. Это соотношение увеличилось с 2,9 раза в 2019 г. до 4 раз в 2020 г., а в 2021 г. сократилось до 3,2 раза. При этом стоит обратить внимание на то, что в 2008 г. эта разница достигала огромных 8,8 раза. Но наиболее глубокой была в течение последних лет дистанция между двадцатью процентами наиболее платежеспособных и двадцатью процентами наименее платежеспособных домохозяйств в расходах на алкогольную продукцию. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. она сократилась с 6,2 до 5,2 раза, но в 2021 г. вновь увеличилась до 6 раз. И в то же время одним из самых незначительных и довольно стабильных во все годы было различие между домохозяйствами полярных квинтилей в величине расходов на хлебобулочную продукцию, не превышавшее обычно 1,1–1,2 раза. В 2021 г. это соотношение, как и во многие предыдущие годы, составило 1,1 раза.

В прошедшем году наблюдались примерно такие же различия в структуре расходов на питание между наиболее и наименее платежеспособными домохозяйствами, как и годом ранее. Как и во все предыдущие годы, у домохозяйств всех квинтилей первую строчку по величине расходов на продовольственную продукцию занимали траты на такие дорогие, но очень важные для сбалансированного рациона продукты, как мясо, птица и рыба, в то время как на последних позициях располагались расходы на картофель и алкоголь. И в то же время у домохозяйств самого богатого квинтиля более высокое место в структуре расходов, чем у бедных и малообеспеченных домохозяйств, занимали траты на питание вне дома, фрукты и овощи, тогда как у домохозяйств нижнего квинтиля — расходы на продукты домашнего изготовления и хлебобулочную продукцию.

В 2021 г. было отмечено некоторое увеличение неравенства между домохозяйствами с разными потребительскими возможностями по уровню расходов на непродовольственные товары. Так, если с 2012 по 2018 г. разница в расходах на непродовольственные товары между двадцатью процентами самых состоятельных и двадцатью процентами наименее состоятельных домохозяйств сократилась с 13,2 до 7 раз, то за 2019–2020 гг. она увеличилась до 8 раз и далее в 2021 г. — до 8,3 раза. Разрыв в расходах на непродовольственные товары между домохозяйствами верхнего и ближайшего к нему четвертого квинтиля в 2021 г. по сравнению с 2020 г. сократился с 2,4 до 2,1 раза.

Анализ данных мониторинга также показал, что если в 2020 г. расходы обследованных домохозяйств на непродовольственные товары резко упали во всех квинтильных группах (от 25 до 33%), то в 2021 г. общая картина оказалась более пестрой. Так, у домохозяйств нижнего квинтиля они увеличились на небольшие 0,4%, у домохозяйств второго квинтиля — на 3,5%, у домохозяйств третьего квинтиля — на 2,3%. И в то же время у домохозяйств четвертого квинтиля было отмечено снижение этих расходов на 0,6%, а у домохозяйств верхнего квинтиля — рост на 4,9%.

В прошедшем году были выявлены очередные значительные изменения, характеризующие различия между наиболее и наименее платежеспособными домохозяйствами в величине расходов на отдельные виды непродовольственных товаров. Как показал анализ, наиболее глубоким остается разрыв между домохозяйствами верхнего и нижнего квинтилей в расходах на обучение, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам, и этот разрыв постоянно увеличивается. Так, в 2018 г. по сравнению с предыдущим годом эта разница выросла с 45 до 51 раз,

в 2019 г. — до 68 раз, в 2020 г. — до 107 раз, а в 2021 г. — уже до 160 раз. В 2021 г. домохозяйства самого состоятельного квинтиля превосходили по величине расходов на обучение, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам домохозяйства второго квинтиля в 33 раза, домохозяйства третьего квинтиля — в 13 раз, а домохозяйства ближайшего четвертого квинтиля — в 4,4 раза. Эти различия, в отличие от разрыва между полярными квинтилями, были сопоставимы с прошлогодними.

Как и прежде, расходы на обучение, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам составляют самую затратную статью семейного бюджета наиболее обеспеченных домохозяйств, относящихся к верхнему квинтилям. В 2021 г. на них приходилось около 45% (в 2020 г. — 43%) всех расходов этих домохозяйств на непродовольственные товары и около 37% (в 2020 г. — 34%) их общих расходов на продукты питания и непродовольственные товары. По мере падения платежеспособности их место в структуре непродовольственных расходов домохозяйств постепенно падает. Если у домохозяйств четвертого квинтиля они занимают в этой структуре, как и у домохозяйств самого обеспеченного квинтиля, первое место, то у домохозяйств третьего квинтиля — только третье, у домохозяйств второго квинтиля — пятое. И наконец, у домохозяйств нижнего квинтиля эти расходы находятся на одном из последних мест. В 2021 г. на выплаты по займам, кредитам и страховым полисам приходилось только 2,4% расходов беднейших домохозяйств на непродовольственные товары и всего лишь около 1,2% их общих расходов на продукты питания и непродовольственные товары.

Другой наиболее затратной статьей бюджета российских домохозяйств, значимость которой непосредственно зависит от уровня семейных доходов, остаются расходы на услуги и отдых. Среди расходных статей бюджета домохозяйств второго и третьего квинтилей они занимают по своей величине первое место, а в бюджете домохозяйств остальных квинтилей постоянно стоят на втором месте. В 2021 г. у домохозяйств нижнего квинтиля эти траты достигали 16,9% расходов на непродовольственные товары и 20,9% всех расходов на продукты питания и непродовольственные товары. Вместе с тем у домохозяйств верхнего квинтиля такие траты составляли 12,1 и 24,8% соответственно. Обращает на себя внимание то, что глубина разрыва в расходах на услуги и отдых между домохозяйствами противоположных квинтилей, после длительного периода сокращения, в 2021 г. немного увеличилась. Так, с 2012 по 2020 г. этот разрыв поступательно снизился более чем вдвое — с 13 до 6,3 раза, но в 2021 г. увеличился до 7 раз. В 2021 г. домохозяйства верхнего квинтиля тратили на услуги и отдых больше, чем домохозяйства ближайшего четвертого квинтиля, в 2,5 раза, что было немного больше, чем 2,3 раза в 2020 г. По сравнению с расходами на услуги и отдых домохозяйств третьего квинтиля этот разрыв составлял 3,2 раза, второго квинтиля — 4,2 раза.

К одной из наиболее весомых статей бюджета для значительного большинства домохозяйств, значимость которой в условиях экономических кризисов для бедных и малообеспеченных семей не только не снижается, а постоянно повышается, относятся расходы на оплату жилья и коммунальных услуг. У домохозяйств нижнего квинтиля, т. е. у наименее обеспеченных домохозяйств, эта расходная статья уже длительное время неизменно стоит на первом месте. В 2021 г. на нее приходилось 28,5% (в 2020 г. — более 30%) всех расходов беднейших домохозяйств на непродовольственные товары и 14% (в 2020 г. — 16%) их общих расходов на

продукты питания и непродовольственные товары. В то же время у домохозяйств верхнего, т. е. наиболее платежеспособного, квинтиля на эти расходы приходилось только 6,2% (в 2020 г. — около 7%) их расходов на непродовольственные товары и около 5% (в 2020 г. — 5,5%) их общих расходов на продукты питания и непродовольственные товары. В 2021 г., как и в 2019–2020 гг., у домохозяйств второго и третьего квинтилей эти расходы занимали в общих расходах на непродовольственные товары вторую позицию, между тем как у домохозяйств третьего квинтиля — третью строку, а у домохозяйств верхнего квинтиля — четвертую. В 2000–2021 гг. двадцать процентов наиболее платежеспособных домохозяйств тратили на оплату жилья и коммунальных услуг в 1,8 раза (в 2019 г. — в 1,9 раза) больше, чем двадцать процентов наименее платежеспособных домохозяйств.

Для многих россиян оплата жилья и коммунальных услуг составляет существенную часть семейного бюджета, и даже небольшой рост тарифов может ощутимо отразиться на уровне их благосостояния. В 2021 г. двадцать процентов наименее платежеспособных домохозяйств тратили на оплату жилья и коммунальных услуг почти в 13 раз больше, чем на приобретение электроники и других товаров длительного пользования, что было больше 10 раз, зафиксированных в 2019–2020 гг. Траты на такие дорогие товары были также в 12 раз выше, чем на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам (в 2020 г. — 9,5 раза), и в 2,5 раза больше, чем на покупку таких предметов первой необходимости, как одежда и обувь (в 2020 г. — в 2,3 раза). И в то же время домохозяйства наиболее обеспеченного верхнего квинтиля расходовали на оплату жилья и коммунальных услуг в 7,3 раза меньше, чем на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам (в 2020 г. — в 6,2 раза меньше), в 3,4 раза меньше, чем на оплату услуг и отдых (в 2020 г. — в 2,9 раза), и в 1,6 раза меньше, чем на оплату электроники и других товаров длительного пользования (в 2020 г. — в 1,7 раза).

В годы длительной кризисной полосы и пандемийных ограничений заметно пошатнулась весомость расходов домохозяйств на электронику и другие товары длительного пользования. В 2021 г., как и годом ранее, эти траты располагались в структуре расходов на непродовольственные товары на третьем месте у домохозяйств верхнего квинтиля, тогда как у менее обеспеченных домохозяйств они размещались на самых дальних позициях. Следует заметить, что если в 2020 г. расходы на электронику и другие товары длительного пользования у домохозяйств четвертого квинтиля, т. е. ближайшего к самому богатому квинтилю, занимали в структуре расходов на непродовольственные товары четвертое место, то в 2021 г. эта статья расходов переместилась на дальнюю седьмую позицию. Разрыв в величине анализируемых расходов между наиболее платежеспособными и наименее платежеспособными домохозяйствами в последние годы менялся не так существенно, как ранее. Если в течение многих предыдущих лет эта разница колебалась в пределах 82–99 раз, то к концу 2017 г. она уменьшилась до 29 раз и далее практически не менялась, составив в 2018–2020 гг. около 30 раз. Однако в 2021 г. был зафиксирован рост этого соотношения до 38 раз. Глубина разрыва в величине расходов на электронику и другие товары длительного пользования между домохозяйствами верхнего и ближайшего к нему четвертого квинтиля в 2021 г. по сравнению с 2020 г. увеличилась с 3,4 до 4,1 раза. В 2021 г. на данные расходы приходилось только около 10% всех расходов наиболее обеспеченных домохозяйств на непродовольственные

товары и около 8% их общих расходов на продовольственные и непродовольственные товары. У двадцати процентов наименее обеспеченных домохозяйств эти показатели оказались намного ниже – около 2 и 1% соответственно.

Огромной остается дистанция в объемах средств, направляемых домохозяйствами, принадлежащими к полярным квинтилям, на сбережения. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. она увеличилась с 47 до 51 раз, но в 2021 г. опять уменьшилась до 47 раз. Разница в объеме средств, предназначенных для сбережений, между домохозяйствами верхнего и второго квинтилей в 2021 г. составила 9,8 раза, верхнего и третьего квинтилей – 4,6 раза, верхнего и ближайшего к нему четвертого квинтиля – 1,7 раза. Если у домохозяйств самого обеспеченного квинтиля эти расходы составляли около 4,1% (в 2020 г. – 4,6%) совокупных расходов на продукты питания и непродовольственные товары, то у домохозяйств беднейшего квинтиля, как и годом ранее, – только около 0,5% всех расходов. Режим вынужденной экономии в период пандемии увеличил долю тех, кто откладывает деньги без определенной цели. Но в то же время очень многие не стали откладывать деньги в течение последних двенадцати месяцев. В большинстве случаев это было связано с ограниченными материальными возможностями и необходимостью оплачивать текущие нужды.

Анализ данных мониторинга показывает, что бедные и малообеспеченные домашние хозяйства из года в год тратят на приобретение одежды и обуви заметно больше, чем состоятельные домохозяйства. Как и годом ранее, в 2021 г. эти расходы занимали у домохозяйств нижнего и ближайшего к нему второго квинтиля третью строку в структуре расходов на непродовольственные товары. Между тем у домохозяйств третьего и четвертого квинтилей они располагались на четвертом месте, а у домохозяйств самого платежеспособного верхнего квинтиля – на шестом месте. В 2021 г. домохозяйства самого обеспеченного квинтиля тратили на покупку одежды и обуви в 2,3 раза больше, чем домохозяйства наименее обеспеченного квинтиля. Это было немного меньше, чем 3 раза в 2020 г., но больше, чем 2,7 раза, зафиксированных в 2019 г. Кроме того, в 2021 г. домохозяйства наименее платежеспособного квинтиля расходовали на покупку одежды и обуви в 7 раз больше, чем на приобретение электроники и других предметов длительного пользования, тогда как в 2020 г. эта дистанция составляла только 4,2 раза. Расходы на одежду и обувь у этих домохозяйств превышали также в 5,4 раза траты на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам, что было больше, чем 4,1 раза, зафиксированных в 2020 г. И в то же время домохозяйства самого обеспеченного квинтиля, наоборот, в 2021 г., как и годом ранее, тратили на покупку одежды и обуви в 2,3 раза меньше, чем на приобретение электроники и других товаров длительного пользования.

В 2021 г. вновь сократилась разница между наиболее и наименее обеспеченными домохозяйствами в расходах на топливо. Если в 2020 г. по сравнению с 2019 г. она уменьшилась с 4,1 до 3,6 раза, то в 2021 г. – до 2,8 раза. Ранее она достаточно последовательно и стремительно уменьшилась с 10 раз в 2008 г. до 3,3 раза в 2017–2018 гг. В 2021 г. двадцать процентов самых обеспеченных домохозяйств тратили на топливо в 1,4 раза больше, чем домохозяйства ближайшего четвертого квинтиля, между тем как в 2019–2020 гг. эта дистанция составляла 1,6 раза. В структуре расходов на непродовольственные товары беднейших и малообеспеченных

домохозяйств эти расходы, как и годом ранее, занимали четвертую позицию, тогда как у домохозяйств третьего квинтиля они находились на пятом месте, а у домохозяйств четвертого и пятого квинтилей — на шестом месте.

Разница в расходах на табачную продукцию между наиболее и наименее обеспеченными домохозяйствами увеличилась с 1,7 раза в 2018 г. до 2 раз в 2019–2020 гг. и далее в 2021 г. — до 2,5 раза. В 2021 г. домохозяйства наименее платежеспособного квинтиля тратили на табачную продукцию в 2,9 раза больше (в 2020 г. — в 2,2 раза), чем на электронику и другие предметы длительного пользования, и в 2,7 раза больше (в 2020 г. — в 2,1 раза), чем на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам. Дистанция в расходах на разного рода непродовольственные товары повседневного спроса (мыло, шампуни, игрушки, газеты, журналы, посуда и т. п.) между домохозяйствами, принадлежащими к крайним квинтилям, в последние годы практически не менялась. В 2021 г., как и годом ранее, она составила около 2 раз.

Таким образом, за прошедший год многие россияне адаптировались к карантинным мерам и стали чаще совершать покупки. Значительно улучшились ожидания потребителей по поводу их расходов. С одной стороны, у граждан увеличились финансовые возможности, с другой стороны — домохозяйства были вынуждены наращивать, вопреки всему, траты на крайне необходимые товары. В 2021 г. потребительский спрос и расходы домохозяйств увеличились на фоне снижения уровня безработицы, роста зарплат, расходования прошлогодних сбережений населения, кредитования и сохраняющихся ограничений на зарубежные поездки. Этот рост затронул практически все группы продуктов питания и непродовольственных товаров, но наиболее значительным оказался рост расходов на продукты домашнего изготовления, а также на услуги и отдых. Многие потребители переориентировались на первостепенные и полезные товары, положив в основу выбора более рациональный подход и простоту. Значительно просел только платежеспособный спрос на предметы длительного пользования, особенно на крупную бытовую технику и на алкоголь. Незначительное сокращение дифференциации домохозяйств по уровню общих расходов на все виды продуктов, товаров и услуг происходило за счет некоторого опережающего увеличения расходов наименее платежеспособных домохозяйств.

Безработица, участие в рабочей силе и перемена места работы

На российском рынке труда в 2021 г. доминировали позитивные тенденции. Восстановление рынка труда в прошедшем году многие специалисты связывали прежде всего с отменой большинства карантинных ограничений и оживлением деловой активности в стране. Позитивное влияние на рынок труда оказал также рост числа самозанятых в России. Помимо этого, обращается внимание на положительную роль мер поддержки бизнеса со стороны государства.

В таблице 8 приводится подробная информация РМЭЗ НИУ ВШЭ по безработице, работе без выплаты заработной платы и продолжительности безработицы в период с 1994 по 2021 г. В ней содержатся как данные по общей безработице (по определению BLS/ILO), так и сведения по скрытой безработице.

Таблица 8

**Уровень безработицы среди экономически активного населения:
мужчины 18–60 лет, женщины 18–55 лет, 1994–2021 гг., в %**

Категории	Год проведения исследования										
	1994	1998	2000	2004	2008	2010	2012	2014	2018	2020	2021
Уровень безработицы (по определению BLS/ILO)	7,2	10,8	8,4	6,9	5,0	6,1	5,1	4,8	3,2	3,3	3,0
Уровень безработицы (включая скрытую безработицу)	7,7	11,2	8,5	6,9	5,1	6,1	5,1	4,8	3,2	3,4	3,1
Уровень «скрытой безработицы»	0,5	0,5	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0
Доля работников, заявивших о невыплате им заработной платы в течение последних 30 дней	14,8	17,1	10,8	5,1	3,5	3,4	2,9	2,2	1,5	1,5	1,5
Длительность периода безработицы (исключая скрытую безработицу)											
менее 1 месяца	10,2	5,4	9,0	11,4	13,4	9,6	12,6	13,3	11,3	9,7	16,6
1–3 месяца	11,2	20,6	15,8	20,1	20,5	19,7	22,3	20,3	20,8	13,4	17,9
более 3 месяцев	78,5	74,0	75,3	68,5	66,2	70,7	65,1	66,5	67,9	76,9	65,5
Участие в рабочей силе	85,7	82,6	82,4	82,2	82,2	83,2	83,0	82,4	81,0	80,9	81,5
Доля работников, заявивших о смене места работы	–	9,9	11,2	12,9	11,3	11,8	12,1	11,6	8,7	7,5	8,4
Доля работников, заявивших о смене профессии	–	7,5	8,1	7,9	8,3	7,3	7,8	7,5	5,8	4,6	5,7

Примечание. «Скрытая безработица» определяется как нахождение в вынужденном неоплачиваемом отпуске без альтернативного заработка.

Данные таблицы показывают, что, уровень безработицы, после снижения в течение ряда лет, в 2019 г. вырос до 3,6%, но к концу 2020 г. вновь снизился до 3,4% и затем в 2021 г. – до исторического минимума, равного 3,1%. Таким низким уровень безработицы не был никогда ранее. Считается, что с учетом изменения демографической ситуации в стране (старение населения и сокращение численности населения трудоспособного возраста) недостаток квалифицированной рабочей силы сейчас и ожидаемая нехватка рабочей силы в будущем в целом делают циклическую безработицу в России менее значимой для населения, чем в развитых странах¹. Что касается так называемой «скрытой» безработицы, которая определяется в исследовании как нахождение в вынужденном неоплачиваемом отпуске без альтернативного заработка, то она в 2021 г., как, впрочем, и во многие предыдущие

¹ Рынок труда в России: безработица и мероприятия по содействию занятости. Декабрь 2021 г. / В. Павлюшина, Е. Хейфец, Е. Хейфец; Фонд «Центр стратегических разработок». М., 2021. 16 с. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/910/gu0jvroy1430pyl036j27lveh1dk5qpi.pdf> (дата обращения: 25.11.2022).

годы, практически отсутствовала. Поправки на «скрытую» безработицу играли весьма существенную роль только в первые несколько лет проведения экономических и социальных реформ в России, а в более поздние годы проведения опросов РМЭЗ НИУ ВШЭ они были несущественны, что в определенной мере свидетельствует об оздоровлении ситуации на рынке труда.

Кроме общих сведений об уровне безработицы, в таблице 8 приведены данные РМЭЗ НИУ ВШЭ относительно длительности периодов безработицы (исключая «скрытую» безработицу). Эти данные показывают, что если в 2020 г. наблюдался стремительный рост «длительной» безработицы за счет сокращения «средневременной» и «кратковременной», то в 2021 г. ситуация изменилась в противоположную сторону. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. доля «длительной» безработицы, превышающей три месяца, выросла с 58,4 до 76,9%. Но в 2021 г. она резко снизилась до 65,5%, т. е. до доковидного уровня. В то же время доля «средневременной» безработицы, длительностью от одного до трех месяцев, после сокращения с 27,4% в 2019 г. до 13,4% в 2020 г., в 2021 г. выросла до 17,9%. Но более значительным в 2021 г. оказался рост «кратковременной» безработицы, длительностью менее месяца. После снижения с 14,2% в 2019 г. до 9,7% в 2020 г., в 2021 г. она выросла почти в полтора раза — до 16,6%.

Кроме того, на рисунке 13 представлены данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, которые иллюстрируют динамику уровня безработицы (официальной и скрытой) отдельно для мужчин и для женщин за 1994–2021 гг.

Рис. 13. Уровень безработицы среди мужчин и женщин, 1994–2021 гг., в %

Анализ данных рисунка убеждает, что на протяжении многих лет различия в уровне безработицы между мужчинами и женщинами проявляются только при сопоставлении данных об официальной безработице, тогда как сведения по скрытой безработице настолько малы, что выявить какие-либо существенные различия не представляется возможным.

Данные мониторинга, представленные на рисунке 13, демонстрируют одновременное снижение уровня безработицы в 2021 г. среди мужчин и женщин. С 2019 по 2020 г. официальная безработица среди мужчин сократилась с 3,3% до 2,8% и далее в 2021 г. – до 2,7%. В результате этого снижения был достигнут самый низкий уровень безработицы среди мужчин за весь постсоветский период. В то же время уровень безработицы среди женщин, после минимального увеличения с 4% в 2019 г. до 4,1% в 2020 г., в 2021 г. снизился до 3,4%, т. е. до одного из самых низких значений. Ниже безработица среди женщин была только в 2018 г., когда она составляла 3,3%. Эти изменения привели к сокращению дистанции между уровнями безработицы среди женщин и мужчин с максимальных 1,3 п.п. в 2020 г. до 0,7 п.п. в 2021 г.

Дальнейший анализ данных мониторинга, представленных в таблице 8, показал, что в последние полтора десятилетия проблема долгов по заработной плате беспокоила небольшую часть работающих граждан и их семей. Доля работников, заявивших о невыплате им заработной платы в течение 30 дней, предшествующих опросу, в 2021 г., как и годом ранее, составляла небольшие 1,5%.

Две нижние строки таблицы 8 демонстрируют динамику величин оборота рабочей силы и профессиональной мобильности. Из них, в частности, следует, что после минимальных значений этих показателей, зафиксированных в 2020 г., в следующем году было выявлено их некоторое увеличение. Так, если в 2019 г. сообщили о смене в прошедшем году своего места работы 9% респондентов, то в 2020 г. таких оказалось гораздо меньше – только 7,5%. Но в 2021 г. было отмечено увеличение данного показателя до 8,4%. В то же самое время доля респондентов, заявивших о смене в прошедшем году своей профессии, уменьшилась с 5,7% в 2019 г., до 4,6% в 2020 г., но затем в 2021 г. она вновь увеличилась до прежних 5,7%.

Эти данные еще раз убеждают, что россияне очень сильно держатся за свои места и не готовы менять их, переезжать в другой регион или населенный пункт даже ради более высоких заработков. Нехватка кадров наблюдается сегодня во множестве секторов экономики. Однако число привлекательных рабочих мест ограничено и сконцентрировано или в больших городах, или в местах добычи сырьевых ресурсов. Крайне остро не хватает новых рабочих мест с достойной заработной платой и привлекательными условиями труда в разных регионах. Коронавирусные ограничения оказали очень сильное влияние на рынок труда, но трудовая миграция россиян изменилась очень мало.

В таблице 8, кроме рассмотренных выше данных, представлены сведения, характеризующие динамику уровня участия в рабочей силе (отношение численности рабочей силы к общей численности взрослого населения, выраженное в процентах), которые свидетельствует об увеличении данного показателя в 2021 г. Из этих данных видно, что уровень участия в рабочей силе, после увеличения с 81% в 2018 г. до 81,5% в 2019 г., в 2020 г. снизился до минимальных за все время наблюдений 80,9%. Однако в 2021 г. был выявлен новый рост данного показателя до доковидных 81,5%.

Данные, представленные на рисунке 14, характеризуют динамику участия в рабочей силе мужчин и женщин трудоспособного возраста (имеющих работу или ищущих ее).

Рис. 14. Участие в рабочей силе населения работоспособного возраста (имеющих работу или ищущих ее), 1994–2021 гг., в %

Данные рисунка 14 свидетельствуют, что в 2021 г. показатель участия в рабочей силе как у мужчин, так и у женщин после снижения в предыдущем году увеличился до доковидного уровня. Так, у мужчин коэффициент участия в рабочей силе, после небольшого уменьшения с 84,1% в 2019 г. до 84% в 2020 г., в 2021 г. увеличился до 84,3%. Более значительными оказались изменения показателя участия в рабочей силе женщин. После сокращения с 78,6% в 2019 г. до 77,5% в 2020 г. последовало его увеличение в 2021 г. до 78,5%.

На следующем рисунке 15 приведены данные РМЭЗ НИУ ВШЭ о занятости мужчин и женщин, получающих пенсию.

Рис. 15. Доля работающих пенсионеров, 1994–2021 гг., в %

Данные рисунка 15 показывают, что на протяжении последних 15 лет женщины-пенсионеры постоянно превосходили мужчин-пенсионеров по доле занятых. В 2020 г. под влиянием пандемийных ограничений было выявлено снижение доли занятых как среди мужчин, так и среди женщин, получающих пенсию, тогда как в 2021 г. последовало такое же синхронное восстановительное увеличение данного показателя. Так, среди мужчин-пенсионеров сокращение доли занятых с 19,9% в 2019 г. до 19,2% в 2020 г. сменилось в 2021 г. увеличением до 22,2%. Таким высоким уровнем занятости среди мужчин, получающих пенсию, не был никогда ранее. Среди женщин, получающих пенсию, за сокращением доли занятых с 24,6% в 2019 г. до 23,7% в 2020 г. также последовал в 2021 г. рост до 25,4%, т. е. до одного из самых высоких значений. Более высокой эта доля была только в 2017 г., когда она составляла 25,9%.

Для более полной характеристики анализируемой картины отметим, что, согласно данным Росстата, численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше в декабре 2021 г. составила 75,7 млн человек (декабрь 2020 – 75,2 млн человек), из них 72,5 млн человек классифицировались как занятые экономической деятельностью и 3,2 млн человек – как безработные, соответствующие критериям МОТ (т. е. не имели работы или доходного занятия, искали работу и были готовы приступить к ней в обследуемую неделю). В декабре 2020 г. таких было 70,8 млн и 4,4 млн человек соответственно. Среди причин увеличения трудоспособного населения – повышение пенсионного возраста в 2021 г. на полтора года. Предыдущий сдвиг был на шесть месяцев в 2019 г. Кроме того, 2021 г. стал рекордным по числу лиц, в отношении которых принято решение о приобретении гражданства России. Россиянами стали 735,4 тыс. человек, еще 235 тыс. получили вид на жительство. Уровень занятости населения (отношение численности занятого населения к общей численности населения в возрасте 15 лет и старше) в декабре 2021 г. составил 60% (в декабре 2020 г. – 58,6%). Среди занятых доля женщин составила 48,9%. Уровень занятости среди сельских жителей (53,7%) был ниже уровня занятости городских жителей (62,1%).

Уровень безработицы (отношение численности безработных к численности рабочей силы) в декабре 2021 г. составил 4,3% (в декабре 2020 г. – 5,9%). Среди безработных в возрасте 15 лет и старше доля женщин составила 49,5%; уровень безработицы женщин (4,3%) был выше уровня безработицы мужчин (4,2%). Средняя продолжительность поиска работы безработными в декабре 2021 г. у женщин составила 6,7 месяца, у мужчин – 6,4 месяца. Из 3,2 млн безработных 1,1 млн составляли сельские жители, 2,1 млн – городские. Уровень безработицы среди сельских жителей (6,3%) превышал уровень безработицы среди городских жителей (3,7%). Средний возраст безработных в возрасте 15 лет и старше составил 37,1 года. Молодежь до 25 лет составляла среди безработных 20,8%, лица в возрасте 50 лет и старше – 23,1%, лица без опыта трудовой деятельности – 28,5%

Таким образом, в 2021 г. на российском рынке труда наблюдались хорошо заметные восстановительные тенденции. Уровень безработицы в России за последний год снизился, достигнув минимума за все время наблюдений. Это снижение затронуло как мужчин, так и женщин. Проблема долгов по заработной плате была тревожной лишь для небольшой части работающих граждан. После роста в предыдущем году было выявлено снижение долговременной безработицы за счет

увеличения краткосрочной. Отмечено также последовавшее за сокращением годом ранее повышение показателя участия в рабочей силе как в отношении мужчин, так и в отношении женщин. После предыдущего сокращения замечено увеличение доли работающих среди получающих пенсию мужчин и женщин, которое у мужчин оказалось более значительным.

Некоторые другие социально-экономические аспекты

В данном разделе представлены результаты РМЭЗ НИУ ВШЭ, позволяющие прояснить ряд важных вопросов, характеризующих условия жизни российских семей. К ним относятся, в частности, сведения о невыплатах заработной платы, пенсионных выплатах, гендерных различиях в размере и источниках заработков, задолженности по квартплате и оплате коммунальных услуг.

Невыплаты заработной платы

Анализ данных мониторинга показывает, что проблема задолженности заработной платы в последние годы актуальна для небольшой части работников предприятий и организаций (рис. 16).

Рис. 16. Невыплаты заработной платы основным работодателем трудоспособному населению, 1994–2021 гг.

Как видно из рисунка 16, на протяжении последнего десятилетия доля работников, которым задерживалась заработная плата, составляла от 0,6 до 2,8%. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. доля таких работников увеличилась с минимальных 1,6 до 1,8%, но в 2021 г. было отмечено ее снижение до 0,6%, т. е. до нового минимума. В то же время средняя сумма задолженности по зарплате перед этими работниками, вслед за резким падением в 2020 г. по сравнению с 2019 г. более чем в 1,6 раза — с 48 223 до 29 284 руб., в 2021 г. увеличилась на небольшие 2,4% — до 29 979 руб.

В таблице 9 представлены данные мониторинга за 1994–2021 гг. о распределении работников, которым на основном месте работы задерживалась заработная плата, по сроку задолженности. Эти данные, в частности, показывают, что если в 2020 г. наблюдалось снижение сроков задолженности на фоне значительного падения средней суммы долгов по заработной плате, то в 2021 г. снижение сроков задолженности продолжилось, но уже на фоне медленного роста средней суммы долгов по зарплате.

Таблица 9

Невыплаты зарплаты основным работодателем трудоспособному населению, 1994–2021 гг.

	Доля не полностью получивших зарплату, %	Распределение работников по сроку задолженности, %				Средняя сумма задолженности, если имеется (в руб. 2021 г.)
		1 месяц и менее	1–2 месяца	2–3 месяца	Больше 3 месяцев	
1994 г.						
Мужчины	40,3	35,6	29,6	16,9	18,0	30 213
Женщины	35,8	41,6	25,4	14,9	18,1	15 583
Всего работников	38,1	38,3	27,7	16,0	18,0	23 252
1998 г.						
Мужчины	65,1	19,4	19,3	18,7	42,6	38 928
Женщины	62,8	21,2	21,0	17,0	40,7	20 027
Всего работников	63,9	20,3	20,2	17,8	41,7	29 043
2000 г.						
Мужчины	33,1	38,0	18,9	10,8	32,4	20 268
Женщины	25,9	46,3	21,8	9,1	22,8	12 068
Всего работников	29,6	41,5	20,1	10,1	28,3	16 745
2004 г.						
Мужчины	16,8	42,1	26,9	12,9	18,1	23 260
Женщины	12,6	54,0	22,7	13,2	10,1	15 435
Всего работников	14,7	47,2	25,1	13,0	14,7	19 811
2012 г.						
Мужчины	3,6	56,3	18,4	10,8	14,5	39 626
Женщины	2,1	50,8	13,5	16,7	19,0	28 126
Всего работников	2,9	54,5	16,8	12,8	16,0	35 710
2016 г.						
Мужчины	3,1	76,9	9,2	7,2	6,7	42 136
Женщины	2,1	80,2	7,0	3,2	9,6	23 802
Всего работников	2,6	78,2	8,3	5,6	7,8	35 090
2020 г.						
Мужчины	2,1	60,9	18,1	9,9	11,2	35 576
Женщины	1,4	57,6	31,3	3,7	7,4	18 601
Всего работников	1,8	59,7	22,9	7,6	9,8	29 284
2021 г.						
Мужчины	0,8	68,9	18,6	6,8	5,7	34 489
Женщины	0,4	88,7	0,0	0,0	11,3	20 468
Всего работников	0,6	75,6	12,3	4,5	7,6	29 979

Примечание. Мужчины в возрасте 18–60 лет, женщины в возрасте 18–55 лет.

Так, в 2021 г. по сравнению с 2020 г. доля работников, которым заработная плата задерживалась на месяц и менее, выросла с 59,7 до 75,6%, в то время как удельный вес работников, которым зарплата задерживалась на большие сроки, уменьшился. Доля последних в целом сократилась за прошедший год на 15,9 п.п. При этом доля тех, кому заработная плата задерживалась на 1–2 месяца, уменьшилась с 22,9 до 12,3%, на 2–3 месяца – с 7,6 до 4,5% и на срок более 3 месяцев – с 9,8 до 7,6%.

Как и во все предыдущие годы, женщинам заработная плата задерживалась реже и на меньшие сроки, чем мужчинам. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. доля лиц, не полностью получивших заработную плату на основном месте работы, среди мужчин снизилась с 2,2 до 2,1% и затем в 2021 г. – до 0,8%. В то же время аналогичная доля работников среди женщин увеличилась с 1% в 2019 г. до 1,4% в 2020 г. Однако в 2021 г. было отмечено ее снижение до 0,4% – до абсолютного минимума за все время наблюдений.

Если в 2020 г. у работающих мужчин прослеживалось довольно четкое повышение сроков задолженности по заработной плате на основном месте работы, то в 2021 г. не менее отчетливо проявилось их снижение. Так, среди респондентов-мужчин доля работников, которым заработная плата задерживалась на 1 месяц и менее, уменьшилась с 69,8% в 2019 г. до 60,9% в 2020 г. Однако в 2021 г. эта доля вновь увеличилась до значительных 68,9%. Это увеличение произошло за счет сокращения удельного веса респондентов-мужчин, которым заработная плата задерживалась на большие сроки. Выявленное снижение, в частности, среди тех респондентов, которые не получали вовремя зарплату в течение 2–3 месяцев, с 9,9% до 6,8%, а среди тех, кому зарплата задерживалась на срок свыше 3-х месяцев, – с 11,2 до 5,7%.

В отличие от мужчин, у женщин в 2021 г. наблюдалось достаточно мозаичная картина. Так, среди респондентов-женщин доля работников, которым зарплата задерживалась на 1 месяц и менее, увеличилась с 57,6% в 2020 г. до максимальных 88,7% в 2021 г. В то же время доли тех, кто не получал зарплату вовремя в течение 1–2 месяцев и 2–3 месяцев, за последний год упали до нуля (с 31,3 и 3,7% соответственно). Но одновременно доля респондентов-женщин, которым зарплата задерживалась на срок свыше 3-х месяцев, увеличилась более чем в полтора раза – с 7,4 до 11,3%.

Примечательно, что в 2021 г. размер средней суммы задолженности по заработной плате у мужчин снизился на 3,1% (с 35 576 до 34 489 руб.), тогда как у женщин вырос на 10% (с 18 601 до 20 468 руб.). Хотя годом ранее было отмечено гораздо более существенное снижение как у мужчин, так и у женщин. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. средняя сумма задолженности по зарплате у респондентов-мужчин упала более чем в 1,5 раза, между тем как у респондентов-женщин – почти в 1,8 раза. В 2021 г. средняя сумма задолженности по зарплате у мужчин была больше, чем у женщин, почти в 1,7 раза, что оказалось меньше, чем 1,9 раза, зафиксированных годом ранее.

Источники трудового дохода и гендерные различия

В таблице 10 представлены данные РМЭЗ НИУ ВШЭ о распределении мужчин и женщин трудоспособного возраста, имеющих трудовой доход, с разбивкой по источникам дохода (доля сообщивших о получении того или иного вида дохода), которые дают представление об отдельных важных проблемах гендерного характера, относящихся к теме данного исследования.

Таблица 10

Источники доходов от трудовой деятельности трудоспособного населения*
(доля сообщивших о получении того или иного вида дохода), 1994–2021 гг.

Категория дохода	Год проведения исследования						
	1994	1998	2004	2008	2013	2020	2021
Мужчины							
Доход от работы на государственных предприятиях, %	36,6	31,6	30,9	31,2	32,3	28,3	28,9
Средний размер получаемого дохода**	18 564	11 181	19 952	32 198	34 667	33 765	34 533
Доход от работы на частных или на предприятиях смешанной формы собственности, %	24,8	20,9	32,9	38,4	40,2	42,2	43,0
Средний размер получаемого дохода**	23 267	13 924	27 035	38 004	39 058	36 115	37 507
Доход от работы в неформальном секторе, %	12,1	10,0	12,4	9,0	8,6	11,2	11,3
Средний размер получаемого дохода**	13 549	6281	14 288	3359	21 415	21 489	23 501
Доход от трудовой деятельности, %	66,2	58,3	72,7	75,9	78,7	79,9	80,8
Средний размер получаемого дохода**	21 478	12 112	23 130	35 064	36 523	34 099	35 658
Женщины							
Доход от работы на государственных предприятиях, %	41,0	34,4	37,6	37,3	38,1	34,5	33,8
Средний размер получаемого дохода**	11 032	7246	12 239	20 346	24 845	25 832	25 064
Доход от работы на частных или на предприятиях смешанной формы собственности, %	18,6	17,5	26,0	30,2	30,5	31,4	32,8
Средний размер получаемого дохода**	15 309	10 390	17 952	28 338	30 294	27 395	27 774
Доход от работы в неформальном секторе, %	7,1	5,9	6,6	5,5	4,6	7,2	7,8
Средний размер получаемого дохода**	6682	3434	9050	17 061	13 794	15 695	16 871
Доход от трудовой деятельности, %	63,1	55,4	67,7	70,3	70,9	71,5	72,3
Средний размер получаемого дохода**	12 439	8159	14 555	24 281	27 239	26 044	26 111

*Мужчины в возрасте 18–60 лет, женщины в возрасте 18–55 лет.

**Средний размер получаемого дохода рассчитывается по доходу тех, кто имел доход (в руб. 2021 г.).

Согласно данным мониторинга, представленным в этой таблице, в 2021 г., как и во все предыдущие годы, мужчины трудоспособного возраста превосходили женщин аналогичного возраста как по доле получающих тот или иной вид дохода от трудовой деятельности, так и по величине среднего размера получаемого дохода от трудовой деятельности. Так, если в 2020 г. по сравнению с 2019 г. это

преобладание по доле получающих доход от трудовой деятельности выросло на значительную величину – с 7,1 п.п (79,4% против 72,3%) до 8,4 п.п. (79,9% против 71,5%), то в 2021 г. оно практически не изменилось, увеличившись незначительно до 8,5 п.п. (80,8% против 72,3%).

В прошедшем году были восстановлены, прерванные в 2020 г., долгосрочные тенденции, демонстрирующие нарастание удельного веса мужчин и женщин трудоспособного возраста, занятых на частных предприятиях. Если за 1994–2019 гг. доля занятых на предприятиях частного сектора или смешанной формы собственности среди мужчин трудоспособного возраста выросла почти в 2 раза – с 24,8 до 45,2%, то в 2020 г. она упала до 42,2%, но в 2021 г. она вновь выросла до 43%, оставаясь, однако, ниже уровня 2019 г. Среди женщин аналогичного возраста рост данного показателя с 18,6 до 34,2% в 1994–2019 гг. сменился снижением до 31,4% в 2020 г. Однако в 2021 г. вновь был замечен его рост до 32,8%. В то же время доля получающих доход от работы на предприятиях государственного сектора среди мужчин трудоспособного возраста за 1994–2019 гг. сократилась почти в 1,5 раза (с 36,6 до 25,1%). В 2020 г. был выявлен рост данного показателя до 28,3%, который в 2021 г. продолжился и составил 28,9%. Среди женщин трудоспособного возраста сокращение данного показателя с 41 до 33,3% в 1994–2019 гг. сменилось увеличением до 34,5% в 2020 г. Вместе с тем в 2021 г. он вновь снизился до 33,8%, немного превышая допандемийный уровень.

Из представленных выше данных видно, что в 2021 г. мужчины трудоспособного возраста продолжали существенно превосходить женщин такого же возраста по доле получающих доход от работы на частных предприятиях и на предприятиях смешанной формы собственности. В то же время женщины превосходили, но менее значительно, мужчин по доле получающих доход от работы на государственных предприятиях. Из рассматриваемых данных также хорошо видно, что если у женщин доли получающих доход от работы на частных предприятиях, включая получающих доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности, и получающих доход от работы на предприятиях государственного сектора в целом сопоставимы, то у мужчин занятые на частных предприятиях в полтора раза превышают по своей численности занятых на государственных предприятиях.

Значительным остается преобладание мужчин трудоспособного возраста над женщинами трудоспособного возраста по доле респондентов, получающих какой-либо доход от работы в неформальном секторе. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. доля таких работников среди респондентов-мужчин трудоспособного возраста уменьшилась с 11,3 до 11,2%, но в 2021 г. опять увеличилась до 11,3%. Более последовательно в эти годы менялась доля лиц, занятых в неформальном секторе, среди женщин трудоспособного возраста. Эта доля уменьшилась с 6,8% в 2019 г. до 7,2% в 2020 г. и затем до 7,8% в 2021 г. Дистанция между мужчинами и женщинами трудоспособного возраста по данному показателю за последние годы уменьшилась. С 2018 по 2021 г. она сократилась с 4,9 п.п. до 3,5 п.п.

Уже длительное время российские женщины в среднем получают примерно на четверть меньше, чем мужчины. Но если в 2020 г. средний размер дохода от трудовой деятельности, получаемого занятыми женщинами трудоспособного возраста, составлял 76,4% от среднего размера дохода занятых мужчин аналогичного возраста, то в 2021 г. данный показатель снизился до 73,2%. Примерно таким же

этот показатель был в 2018 г., когда он составлял 73,9%. У мужчин, для которых источником дохода является трудовая деятельность, средний размер получаемого дохода, после падения в 2020 г. по сравнению с 2019 г. на 31%, в 2021 г. увеличился на 4,6%. У женщин падение среднего размера получаемого дохода в 2020 г. составило почти 30%, а рост в 2021 г. — всего лишь 0,3%.

В последние годы различия в заработках между мужчинами и женщинами, занятыми на предприятиях частного сектора и на государственных предприятиях, практически не видны. Так, в 2021 г. средний размер дохода от трудовой деятельности на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности, получаемого женщинами, составил около 73%, что было немного меньше 76%, зафиксированных в 2020 г. В то же время на предприятиях государственного сектора это соотношение снизилось с 77% в 2020 г. до 74% в 2021 г. Что касается неформального сектора, то в 2019 г. средний размер дохода, получаемого от работы в данном секторе, составлял у женщин около 77% от соответствующего дохода мужчин. Однако в 2020 г. было выявлено снижение этого соотношения до 73% и затем в 2021 г. — до 72%.

В 2020 г. по сравнению с предыдущим годом заработки на государственных предприятиях у мужчин упали на 29%, но в 2021 г. они увеличились на 2,3%. В то же время у женщин эти доходы упали в 2020 г. почти на 28% и в 2021 г. снизились еще на 3%. Средний размер дохода от работы на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности у мужчин, после снижения в 2020 г. на 32%, в 2021 г. увеличился на 3,9%. У женщин, после соответствующего падения в 2020 г. более чем на 30%, в 2021 г. был отмечен относительно небольшой рост дохода от работы на предприятиях частного сектора и смешанной формы собственности на 1,4%. Более значительным в 2021 г. оказался как у мужчин, так и у женщин рост доходов от работы в неформальном секторе. Если у мужчин этот рост, после падения в 2020 г. на 22%, в 2021 г. составил 9,4%, то у женщин данный доход, вслед за снижением в 2020 г. на 26%, в 2021 г. увеличился на 7,5%.

Пенсии и невыплаты пенсий

На рисунке 17 представлены данные мониторинга, демонстрирующие динамику среднего размера пенсий и масштаба невыплаты пенсий мужчинам и женщинам в России с 1994 г. Эти данные убедительно доказывают, что до последних лет проблема невыплат (задержек выплат) пенсий в России длительное время не относилась к категории беспокойных. Но начиная с 2019 г. ее чувствительность стала постепенно повышаться. Так, среди мужчин-пенсионеров доля лиц, не получивших пенсию за последний месяц, с 2018 по 2021 г. последовательно выросла с 1,5 до 8,2%, в том числе за последний год на 1,7 п.п. Среди женщин-пенсионеров доля таких респондентов за этот же период выросла с 1,4 до 6,7%, в том числе за последний год на 2,6 п.п.

Из рисунка 17 видно, что в 2020 г. произошло очередное повышение размера пенсий, которое в 2021 г. сменилось небольшим снижением. Так, с 2019 по 2020 г. средний размер ежемесячной пенсии для мужчин-пенсионеров вырос на 7,3% (с 16 599 до 17 808 руб.), тогда как в 2021 г. снизился на 2,3% (до 17 490 руб.). В то же

время у женщин-пенсионеров рост среднего размера ежемесячной пенсии в 2020 г. по сравнению с 2019 г. составил только 1% (с 15 899 до 16 052 руб.). В 2021 г. этот рост, как и у мужчин-пенсионеров, сменился снижением на 2,4% (до 15 761 руб.).

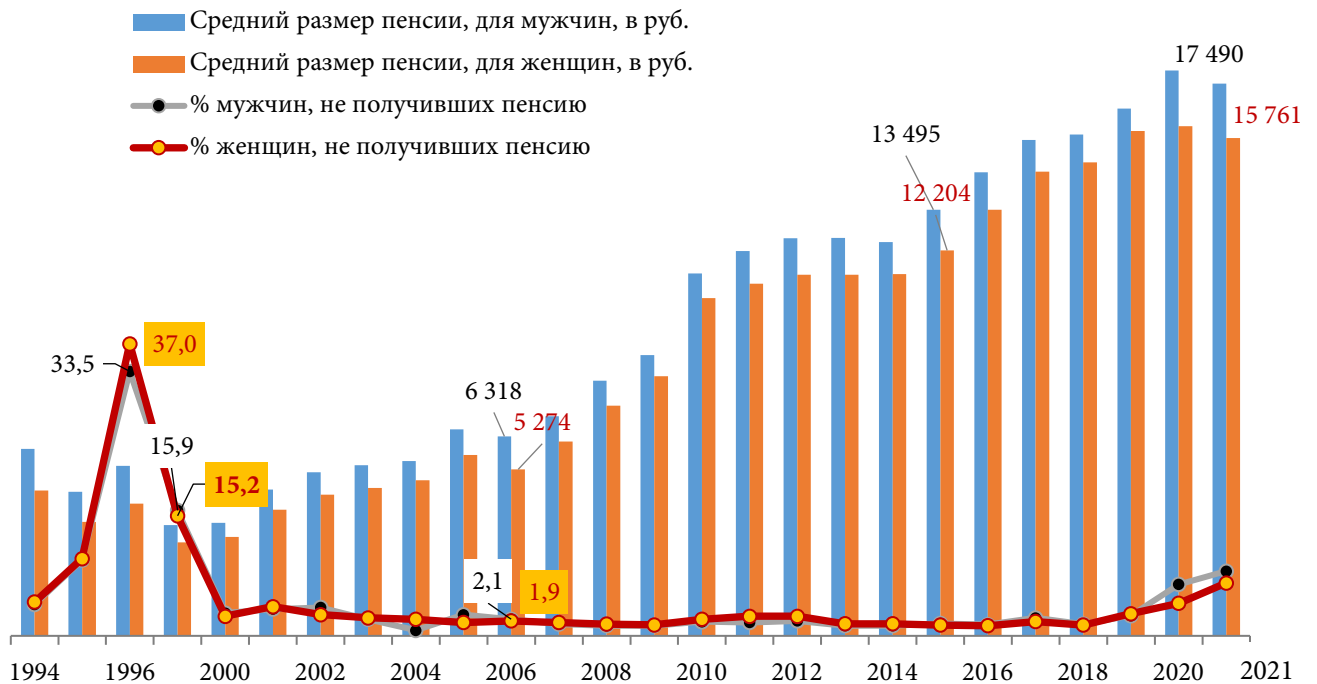

Рис. 17. Доля пожилых людей, не получивших пенсию за последний месяц, в %, и средний размер ежемесячной пенсии для получающих пенсию, в руб. 2021 г., 1994–2021 гг.

В 2021 г., как и во все предыдущие годы, средний размер пенсии женщин-пенсионеров оказался ниже, чем у мужчин-пенсионеров. При этом в 2019 г. средний размер пенсии для женщин составлял 95,8% от среднего размера пенсии для мужчин, но в 2020 г. данный показатель уменьшился до 90,1% и в 2021 г. не изменился.

Заметим, что, по данным Росстата, в течение почти всего 2021 г. реальный, то есть учитывающий инфляцию размер назначенных пенсий сокращался по отношению к аналогичному периоду предыдущего года. Ранее такая негативная тенденция наблюдалась в кризис 2015–2016 гг. В течение 2021 г. в России фиксировались одни из самых низких за последние 10 лет соотношения среднего размера всех назначенных пенсий к средней по экономике заработной плате, составляющие немногим более 30%.

Рассматривая представленные данные, необходимо иметь в виду, что до перехода к балльной системе пенсии работающих пенсионеров увеличивались два раза в год. Во-первых, им делался перерасчет с учетом всех отчислений в Пенсионный фонд за прошедший год, во-вторых, существовала полноценная ежегодная индексация на уровень инфляции. Однако начиная с 2016 г. пенсии работающим пенсионерам были заморожены из-за отмены индексации. Кроме того, годом ранее вышел новый пенсионный закон, который ввел ограничения на увеличение этих пенсий. Чтобы обойти указанные ограничения, некоторые работающие пенсионеры прибегают к временному прекращению работы, поскольку закон не запрещает человеку уволиться, проиндексировать пенсию и опять устроиться на работу.

Задолженность по квартплате и оплате коммунальных услуг

В таблице 11 приведены обобщенные данные о распределении обследованных домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, за 1995–2021 гг. Они, в частности, показывают, что в 2021 г. продолжилось длительное сокращение доли домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или оплате коммунальных услуг. Если в 2020 г. доля домохозяйств, испытывающих трудности со своевременной оплатой услуг жилищно-коммунального хозяйства, составляла 5,8%, то в 2021 г. она сократилась до минимальных 4,4%.

Таблица 11

Распределение домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, 1995–2021 гг.

	Все домохозяйства	В том числе			
		Домохозяйства во главе с мужчиной работоспособного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной работоспособного возраста	Домохозяйства во главе с мужчиной пенсионного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной пенсионного возраста
1995 г.					
Доля домохозяйств-должников, %	22,0	25,2	30,6	7,6	13,4
Сумма задолженности (если есть)*	2899	3133	3033	1399	1084
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	1566	1837	1552	1025	943
1998 г.					
Доля домохозяйств-должников, %	37,5	43,1	43,4	19,6	24,9
Сумма задолженности (если есть)*	5661	6496	5423	2420	1570
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	1604	2008	1566	965	843
2004 г.					
Доля домохозяйств-должников, %	16,3	19,3	23,8	3,7	7,2
Сумма задолженности (если есть)*	12 502	13 738	12 302	2068	3831
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	3178	3838	3185	2127	1737

Продолжение таблицы 11

	Все домохозяйства	В том числе			
		Домохозяйства во главе с мужчиной работоспособного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной работоспособного возраста	Домохозяйства во главе с мужчиной пенсионного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной пенсионного возраста
2014 г.					
Доля домохозяйств-должников, %	7,2	8,6	11,8	3,2	2,6
Сумма задолженности (если есть)*	20 999	21 047	22 042	6032	28 382
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	5312	6043	5739	4254	3849
2019 г.					
Доля домохозяйств-должников, %	6,2	8,1	8,8	1,8	2,7
Сумма задолженности (если есть)*	43 468	44 927	45 551	16 147	42 652
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*					
2020 г.					
Доля домохозяйств-должников, %	5,8	8,3	6,3	1,6	2,0
Сумма задолженности (если есть)*	27 131	25 951	32 351	43 479	20 780
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	4544	4996	5160	3816	3604
2021 г.					
Доля домохозяйств-должников, %	4,4	5,8	5,9	1,1	2,2
Сумма задолженности (если есть)*	28 936	30 903	26 686	22 465	20 565
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	4488	4926	4974	3894	3545

*Средние суммы месячной платы за жилье и коммунальные услуги и суммы задолженности указаны в руб. декабря 2021 г.

Дальнейший анализ показал, что домохозяйства во главе с мужчинами или женщинами трудоспособного возраста, как и прежде, гораздо чаще попадают в разряд должников, чем домохозяйства, возглавляемые мужчинами или женщинами, достигшими пенсионного возраста. Но в то же время домохозяйства во главе

с женщинами трудоспособного возраста чаще оказываются должниками, чем домохозяйства, возглавляемые мужчинами аналогичного возраста. Эта закономерность была нарушена только в 2020 г.

В 2020 г. по сравнению с предыдущим годом доля должников по квартплате и/или оплате коммунальных услуг среди домохозяйств во главе с мужчинами трудоспособного возраста увеличилась с 8,1 до 8,3%, но в 2021 г. снизилась до 5,8%. В то же время среди домохозяйств во главе с женщинами трудоспособного возраста доля должников уменьшилась с 8,8% в 2019 г. до 6,3% в 2020 г. и далее до 5,9% в 2021 г. Что касается домохозяйств, возглавляемых мужчинами пенсионного возраста, то доля должников среди них уменьшилась с 1,8% в 2019 г. до 1,6% в 2020 г. и затем до 1,1% в 2021 г. Доля должников среди домохозяйств во главе с женщинами пенсионного возраста многие годы менялась очень мало, но в 2020 г. по сравнению с 2019 г. достаточно быстро сократилась с 2,7 до 2%, однако в 2021 г. вновь увеличилась до 2,2%.

В 2020–2021 гг. значительно изменилась картина распределения домохозяйств в зависимости от величины задолженности по оплате жилья и/или коммунальных услуг. Так, если раньше у домохозяйств-должников, возглавляемых мужчинами-пенсионерами, средняя сумма этой задолженности была самой низкой, то в последние два года она стала самой высокой. В то же время занимавшие ранее первое место по данному показателю домохозяйства-должники во главе с женщинами трудоспособного возраста переместились на высокое второе место. Самой низкой в последние два года была средняя сумма задолженности по оплате жилья и/или коммунальных услуг у домохозяйств, возглавляемых женщинами пенсионного возраста. В 2021 г. она оказалась в 1,5 раза меньше, чем у домохозяйств-должников во главе с мужчинами пенсионного возраста, и почти в 1,3 раза меньше, чем у домохозяйств, возглавляемых женщинами трудоспособного возраста, что было, однако, заметно меньше, чем годом ранее (2 и 1,5 раза соответственно).

В 2021 г., после снижения годом ранее, увеличилась долговая нагрузка на домохозяйства по содержанию своего жилья. Так, если в 2020 г. по сравнению с предыдущим годом размер средней суммы задолженности домохозяйств по квартплате и/или оплате коммунальных услуг резко снизился на 38%, или в 1,6 раза, то в 2021 г. он вырос на 6,7%. У домохозяйств-должников во главе с мужчинами трудоспособного возраста средняя сумма этой задолженности за последний год увеличилась, после предыдущего падения в 1,7 раза, на 19,1%, тогда как у домохозяйств-должников во главе с женщинами трудоспособного возраста, после снижения в 2020 г. в 1,4 раза, в 2021 г. эта сумма снизилась еще на 17,5%. Кроме того, у домохозяйств-должников, которые возглавляли женщины пенсионного возраста, после предыдущего падения более чем в 2 раза, средняя сумма задолженности по квартплате и/или оплате коммунальных услуг в 2021 г. снизилась еще на 1%. И наконец, у домохозяйств-должников, во главе которых стояли мужчины пенсионного возраста, средняя сумма задолженности по квартплате и/или оплате коммунальных услуг в 2020 г. выросла в 2,7 раза, но в 2021 г. она так же резко упала почти в 2 раза.

Исследование выявило также в 2021 г. небольшое снижение средней суммы месячной платы за жилье и коммунальные услуги, которое последовало после резкого провала данного показателя в предыдущем году. Так, если в 2020 г. средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги упала более чем на 39%,

или в 1,6 раза, то в 2021 г. она уменьшилась только на 1,2%. В 2021 г., как и годом ранее, домохозяйства, возглавляемые мужчинами и женщинами трудоспособного возраста, тратили на эти цели в 1,3–1,4 раза больше, чем домохозяйства во главе с мужчинами и женщинами пенсионного возраста.

В 2019 г. расходы на оплату жилья и/или коммунальных услуг, которые несут домохозяйства во главе с мужчинами трудоспособного возраста, превышали аналогичные расходы домохозяйств, возглавляемых женщинами трудоспособного возраста, почти на 35%. В 2020 г., наоборот, домохозяйства во главе с женщинами трудоспособного возраста стали тратить на эти цели больше, чем домохозяйства во главе с мужчинами трудоспособного возраста, на 3,3%. Но в 2021 г. указанные расходы вновь стали немного выше у домохозяйств во главе с мужчинами трудоспособного возраста. Это превышение составило только около 1%. Примечательно и то, что в 2019 г. домохозяйства во главе с женщинами-пенсионерами расходовали на оплату жилья и/или коммунальных услуг почти в 1,5 раза больше, чем домохозяйства, возглавляемые мужчинами-пенсионерами. Но в конце 2020 г. уже домохозяйства, возглавляемые мужчинами пенсионного возраста, тратили на эти цели почти на 6% больше, чем домохозяйства во главе с женщинами пенсионного возраста. В 2021 г. это превышение увеличилось до 9,8%.

Удовлетворенность жизнью и оценка жизненных перспектив

К концу 2021 г. значительная часть россиян в той или иной степени адаптировалась к главным коронавирусным вызовам. Пандемия хотя и оставалась одной из основных проблем для подавляющего большинства граждан, но значимость ее постепенно ослабевала, оказывая все меньшее влияние на эмоциональное состояние людей. В конце года россияне были больше заняты уже давно наболевшими проблемами, чем пандемийными угрозами. К основным проблемам, которые больше всего беспокоили россиян, относились рост цен, безработица, отсутствие стабильных зарплат, низкий уровень медицины и образовательных услуг. Однако далеко не все социальные группы населения ощутили на себе позитивные изменения в экономике после ослабления карантинных ограничений. Возросшая инфляция в первую очередь ударила по социально уязвимым группам населения: пенсионерам, многодетным семьям и вообще по всем людям с низкими доходами. Их прежде всего волновали рост цен на товары первой необходимости и связанное с этим снижение уровня жизни.

Анализ данных РМЭЗ НИУ ВШЭ выявил в 2021 г. незначительные изменения в уровне социального самочувствия россиян. Вялотекущая стабильность, характерная для последних месяцев 2021 г., уже не особенно раздражала и нервировала россиян. Большинство граждан привыкли жить сегодняшним днем, довольствоваться тем, что имеют, и только могли мечтать о расширении своего горизонта планирования. Неопределенность, неясная картина мира, непредсказуемое будущее хотя и изматывали психологически, но уже не пугали так, как прежде, когда многим пришлось испытать шок при внезапном столкновении с пандемией коронавируса. Как следует из таблицы 12, с конца 2020 г. по аналогичный

период 2021 г. доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных своей жизнью в целом, после сокращения в 2020 г. по сравнению с 2019 г. с 52 до 51%, вновь уменьшилась, но не существенно — до 50,6%. При этом доля респондентов, полностью удовлетворенных своей жизнью в целом, за последний год весьма символически сократилась на 0,2 п.п. — с 7,2 до 7%, продолжив, однако, снижение, зафиксированное годом ранее.

Таблица 12

Удовлетворенность своей жизнью в целом, 1994–2021 гг., в %

Оценка	Год проведения исследования												
	1994	1998	2000	2002	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2018	2020	2021
Полностью удовлетворены	3,6	2,2	3,8	6,9	7,0	6,7	9,0	9,1	9,3	7,8	7,5	7,2	7,0
Скорее удовлетворены	10,8	9,7	13,8	26,7	29,8	36,1	37,0	43,0	42,0	40,3	42,1	43,8	43,6
И да, и нет	20,5	18,0	22,1	23,9	23,3	22,0	22,8	21,6	22,7	24,7	25,3	25,9	26,8
Не очень удовлетворены	40,2	33,4	36,6	30,6	27,4	24,2	22,2	19,4	18,6	19,6	18,4	16,9	16,2
Совсем не удовлетворены	23,6	35,9	22,7	11,5	12,0	10,3	8,3	6,4	6,4	7,1	6,3	5,5	5,7
Затруднились ответить	1,3	0,8	1,0	0,4	0,5	0,7	0,7	0,5	1,0	0,5	0,4	0,7	0,7

В то же время доля тех, кто были в той или иной мере недовольны своей жизнью в целом, после сокращения в конце 2020 г. по сравнению с тем же периодом 2019 г. с 23,2 до 22,4%, в конце 2021 г. опять уменьшилась — до 21,9%, в целом за два года на 1,3 п.п. Для таких людей, испытывающих большие адаптационные затруднения, были особенно характерны настроения, вызванные усталостью от экономического негатива — от стагнации доходов и постоянного роста цен, которые подогревались неясными ожиданиями от последствий непрекращающегося экономического кризиса. Эти ожидания во многом являлись замещением вакуума в области позитивных сценариев при отсутствии каких-либо серьезных благоприятных сигналов, улучшающих настроение. Отмеченные сдвиги произошли в основном за счет увеличения доли респондентов, выражающих половинчатое мнение «и да, и нет», которая за последний год приподнялась с 25,9 до 26,8%. Но несмотря на выявленные изменения, в 2021 г., как и годом ранее, превышение доли позитивных оценок над негативными составило 2,3 раза.

В 2021 г. наибольшее недовольство у россиян продолжали вызывать материальные проблемы их семей. Из данных, представленных на рисунке 18¹, следует, что за последний год уровень удовлетворенности россиян своим материальным положением практически не изменился, оставаясь на довольно низкой отметке.

В конце 2021 г. по сравнению с тем же периодом 2020 г. доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных своим материальным положением, уменьшилась с 23,3 до 22,4%, продолжив тем самым очень медленное снижение, начатое

¹ Вопрос: «Скажите, пожалуйста, насколько вы удовлетворены своим материальным положением в настоящее время?» задавался с 2000 г.

в 2019 г., когда данный показатель составлял 23,6%. Но при этом удельный вес тех, кто были полностью недовольны материальной стороной своей жизни, т. е. выражали крайнюю степень недовольства, увеличился за последний год с 2,5 до 2,7%. В то же время доля респондентов, которые были не очень удовлетворены или совсем не удовлетворены своим материальным положением, после сокращения с 56,2% в 2019 г. до 55,3% в 2020 г., в конце 2021 г. практически не изменилась, составив 55,2%. В 2021 г. совершенно не изменилась также доля респондентов, выражающих крайнюю степень недовольства уровнем собственной материальной обеспеченности, которая составила 22,6%. Таким образом, в конце 2021 г., как и в 2019–2020 гг., число респондентов, неудовлетворенных своим материальным положением, в 2,5 раза превышало число довольных материальной стороной своей жизни, что было, однако, лишь немного меньше, чем 2,7 раза, зафиксированных в конце 2018 г.

Рис. 18. Удовлетворенность своим материальным положением, 2000–2021 гг., в %

К наиболее чувствительным индикаторам, характеризующим динамику социального самочувствия населения, можно отнести оценку респондентами изменения материального положения своих семей за 12 месяцев, предшествующих опросу¹. Анализ данных мониторинга показал, что до самого последнего времени эта динамика носила четко выраженный негативный характер, а ее темпы были одними из самых высоких. Однако в 2021 г., несмотря на сохраняющийся низкий уровень удовлетворенности своим материальным положением, негативный тренд не только не получил дальнейшего развития, но и парадоксальным образом приобрел противоположную динамику.

¹ Вопрос «Скажите, пожалуйста, как изменилось материальное положение вашей семьи за последние 12 месяцев?» задавался с 2001 г.

Как видно из рисунка 19, с конца 2019 г. по тот же период 2020 г. удельный вес респондентов, заметивших улучшение материального положения своих семей, стремительно сократился с 18,1 до 11,9%, опустившись до минимального значения за все время измерений данного показателя. Однако в конце 2021 г. был отмечен не менее существенный его рост – до 16,1%. Удельный вес тех, кто почувствовал значительное улучшение, составлял в эти годы всего лишь около 1%. В то же время доля респондентов, которые указали на ухудшение материального положения своих семей за последние 12 месяцев, после значительного роста с 21,3% в 2019 г. до 28,8% в 2020 г., в 2021 г. упала до 24,3%, т. е. до уровня 2018 г.

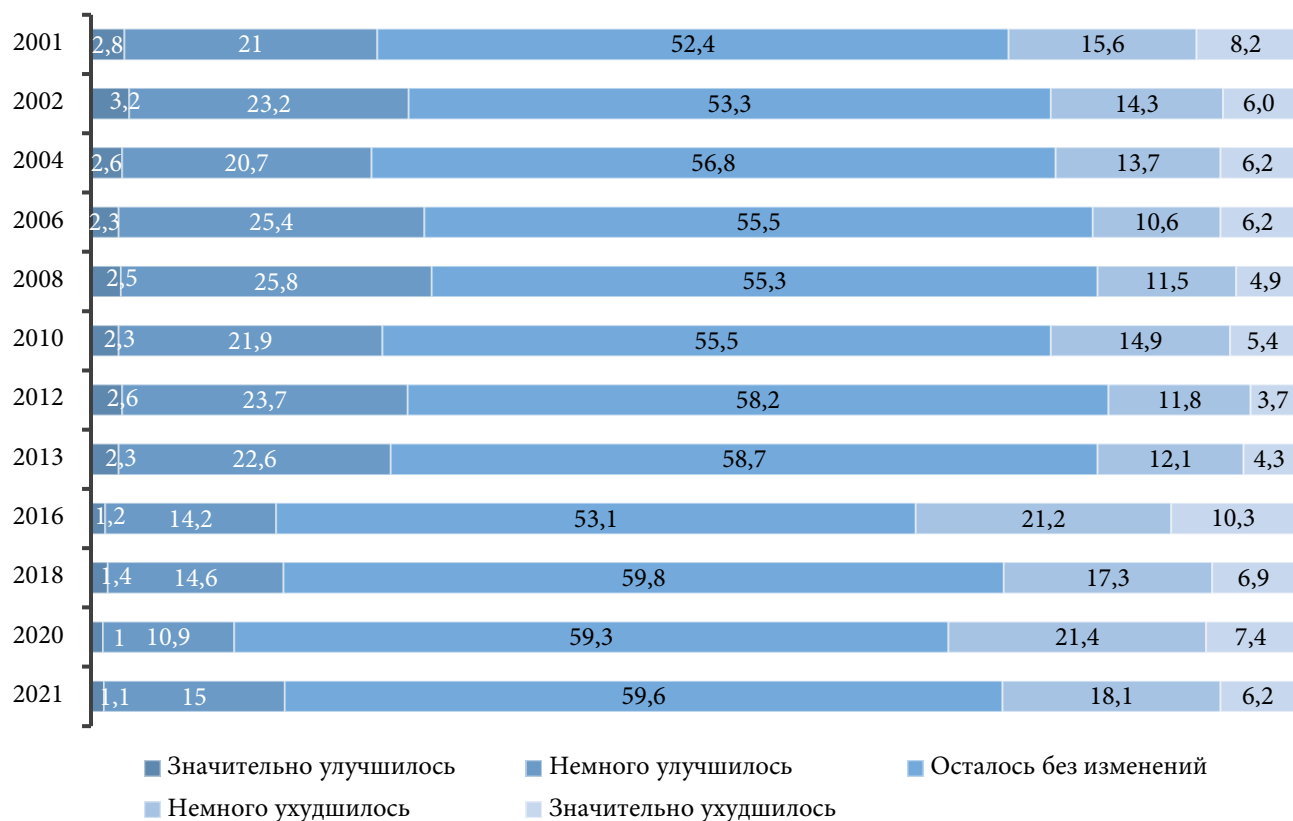

Рис. 19. Оценка изменения материального положения своей семьи за последние двенадцать месяцев, 2001–2021 гг., в %

Но самой значительной продолжает оставаться доля респондентов, которые так и не смогли увидеть какие-либо изменения в уровне материальной обеспеченности своих семей. В конце 2020 г. по сравнению с тем же периодом 2019 г. она уменьшилась с 60,6 до 59,3%, но в конце 2021 г. приподнялась до 59,6%. Учитывая низкий уровень удовлетворенности россиян своим материальным положением, можно с большой долей уверенности предположить, что уровень материального благосостояния большинства семей этих респондентов стабилизировался на низкой отметке.

Самоопределение респондентов в социальном пространстве в РМЭЗ НИУ ВШЭ осуществляется в трех основных измерениях – по девятиступенчатым шкалам материального благосостояния («бедные» – «богатые»), власти («совсем бесправные» – «те, у кого большая власть») и уважения («совсем не уважают» – «очень уважают»). Ответы на идентификационные вопросы служат основанием для определения субъективных статусов, точнее – статусных характеристик, которые фиксируют положение людей на социальной лестнице и отражают переплетающиеся,

но в то же время относительно автономные системы неравенства: собственности, власти и уважения. В ходе анализа рассматриваются три иерархических уровня, объединяющие по три ступени: нижний, средний и верхний.

Из приведенных в таблице 13¹ данных видно, что в последние годы самооценки, характеризующие положение респондентов на шкале материального благосостояния, были подвержены небольшим колебаниям.

Таблица 13

Распределение респондентов по уровням и ступеням шкалы материального благосостояния: текущие самооценки, 1994–2021 гг., в % от ответивших

Год	Нижний уровень			Средний уровень			Верхний уровень		
	Низшая ступень	2-я ступень	3-я ступень	4-я ступень	5-я ступень	6-я ступень	7-я ступень	8-я ступень	Высшая ступень
1994	12,6	15,4	24,1	22,5	19,4	4,1	1,5	0,3	0,1
1996	14,3	16,1	22,4	20,4	20,4	4,4	1,6	0,3	0,1
1998	16,8	19,0	23,7	19,2	16,7	2,8	1,2	0,4	0,2
2000	10,4	14,4	22,6	20,3	22,9	6,5	2,3	0,4	0,2
2001	6,9	11,3	23,1	25,0	23,8	6,5	2,4	0,5	0,3
2002	6,3	12,4	24,0	25,0	23,1	6,2	2,5	0,4	0,1
2003	6,7	13,0	23,5	25,5	21,9	6,0	2,5	0,5	0,5
2004	5,2	11,9	22,3	24,0	24,6	7,0	3,6	1,2	0,2
2005	4,6	12,6	22,6	24,6	23,5	7,2	3,7	1,0	0,2
2006	5,8	11,4	23,2	25,2	23,8	7,0	2,9	0,4	0,3
2007	5,0	12,5	22,4	24,3	23,8	8,2	3,0	0,7	0,1
2008	3,8	10,6	22,1	25,1	25,0	8,5	3,7	0,6	0,6
2009	3,6	10,9	23,6	25,8	24,0	8,1	3,3	0,5	0,2
2010	3,1	10,4	22,0	27,6	24,2	8,4	3,5	0,7	0,1
2011	4,1	11,1	21,9	24,5	23,7	9,7	4,2	0,7	0,1
2012	3,6	10,1	22,0	23,4	25,5	9,9	4,3	1,0	0,2
2013	4,6	10,5	21,4	22,8	24,5	10,7	4,5	0,7	0,3
2014	4,1	10,8	22,0	24,1	24,4	10,1	3,7	0,7	0,1
2015	4,4	10,7	22,4	23,8	23,3	10,9	4,0	0,4	0,1
2016	5,5	13,4	25,5	23,5	21,2	8,1	2,5	0,3	0,0
2017	5,2	13,4	25,5	23,6	21,0	7,5	3,5	0,3	0,0
2018	4,0	11,3	24,1	24,0	22,0	9,5	4,3	0,7	0,1
2019	3,8	11,1	24,0	24,2	22,7	10,0	3,6	0,5	0,1
2020	3,1	10,0	24,0	26,6	22,7	9,7	3,3	0,5	0,1
2021	3,7	11,2	23,8	25,7	22,3	9,1	3,6	0,5	0,1

¹ В таблице представлены ответы респондентов на вопрос: «Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней – первой – ступени стоят нищие, а на высшей – девятой – богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня вы лично?». В ходе анализа полученных данных респонденты были распределены не только по ступеням, но и по трем иерархическим уровням материального благосостояния.

В 2020 г. по сравнению с 2018 г. доля респондентов, занимающих три ступени нижнего уровня шкалы материального благосостояния, уменьшилась с 39,4 до 37,1%, но в 2021 г. увеличилась до 38,7%. В то же время доля лиц, занимающих три верхние ступени, сократилась с 5,1 до 3,9%, однако в 2021 г. увеличилась до 4,2%. В среднем сегменте был отмечен рост с 55,5% в 2018 г. до 59% в 2020 г., который сменился в 2021 г. снижением до 57,1%.

Более наглядное представление о происходящих изменениях дает динамическая картина самоидентификации по уровню материального благосостояния, основанная на средних значениях идентификационных измерений. Средние значения рассчитывались на основании ответов респондентов с помощью соответствующей шкалы, включающей девять ступеней. Сопоставление этих данных показывает, что средняя самооценка положения респондентов на шкале материального благосостояния за последний год увеличилась, но совершенно незначительно. Выявлено минимальное сокращение средней самооценки с 2018 по 2019 г. с 4,0 до 3,98, затем такое же незначительное увеличение до 4,02 в 2020 г. и далее вновь едва заметное снижение до 4,0 в 2021 г. Такие небольшие изменения могут свидетельствовать о том, что влияние кризисных явлений, обусловленных пандемией коронавируса и трудностями экономического развития, мало сказалось на оценках собственного материального благополучия россиян.

Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ о распределении респондентов на основании самооценок по шкалам материального благосостояния, власти и уважения, полученные в 2020 и 2021 гг., отражены на рисунках 20 и 21. Сравнительный анализ этих данных показывает, что в анализируемой структуре за последний год произошли малозаметные сдвиги. Как отмечено выше, средняя самооценка положения опрошенных на шкале богатства (материального благосостояния) за последний год увеличилась незначительно. В то же время средняя самооценка положения респондентов на шкале власти, после роста в 2020 г. по сравнению с 2019 г. с 4,03 до 4,2, в 2021 г. уменьшилась до 4,08. Средняя самооценка положения респондентов на шкале уважения снизилась с 6,32 в 2019 г. до 6,24 в 2020 г. и в 2021 г. практически не изменилась, сократившись до 6,23.

Анализ также показал, что выявленная еще в ранних исследованиях, основанных на данных мониторинга, относительная независимость иерархии уважения от иерархий как богатства, так и власти, сохраняется и сегодня. Многие люди, не считая себя материально обеспеченными или обремененными большой властью, уверены в том, что они пользуются заслуженным уважением у других людей. Несмотря на все трудности жизни в условиях радикальных трансформаций и длительной кризисной полосы, большинство россиян сохранили самоуважение, чувство собственного достоинства, веру в свою способность решать сложные проблемы, помогающие преодолевать жизненные невзгоды и неурядицы. У многих из них недовольство, вызванное ухудшением материального положения, социально-экономической нестабильностью и неопределенностью жизненных перспектив, бесконфликтно сосуществует с позитивным отношением к своей роли в семье и в трудовом коллективе, с удовлетворенностью содержанием и результатами труда, положительными представлениями о возможностях самовыражения в разных сферах.

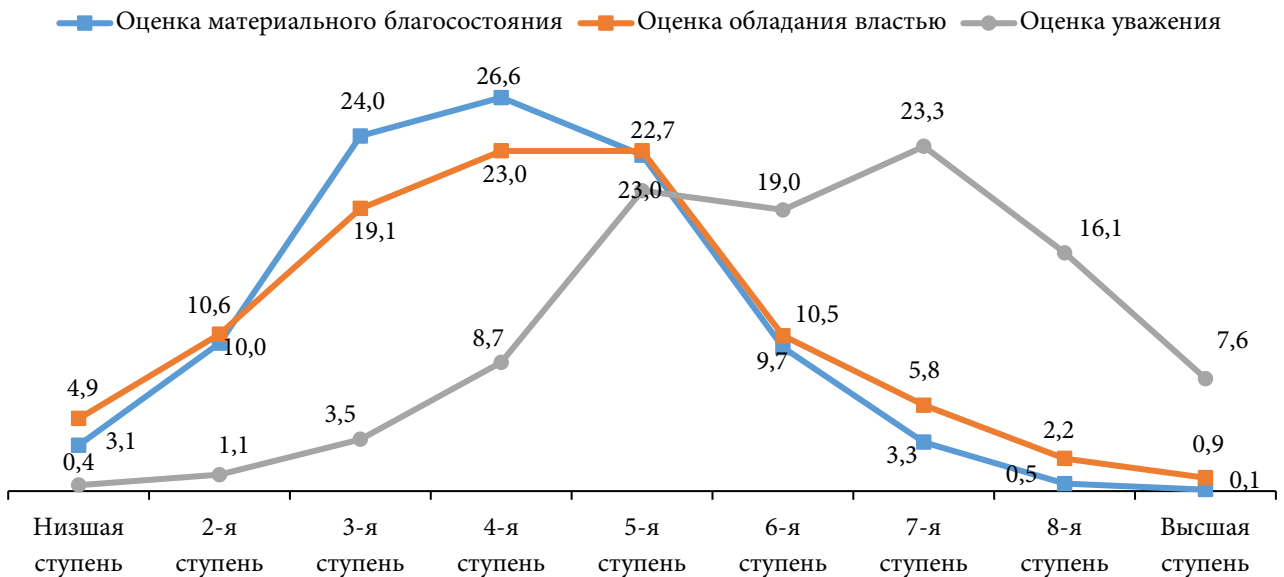

Рис. 20. Распределение респондентов по ступеням шкал материального благосостояния, власти и уважения: текущие самооценки, 2020 г., в % от ответивших

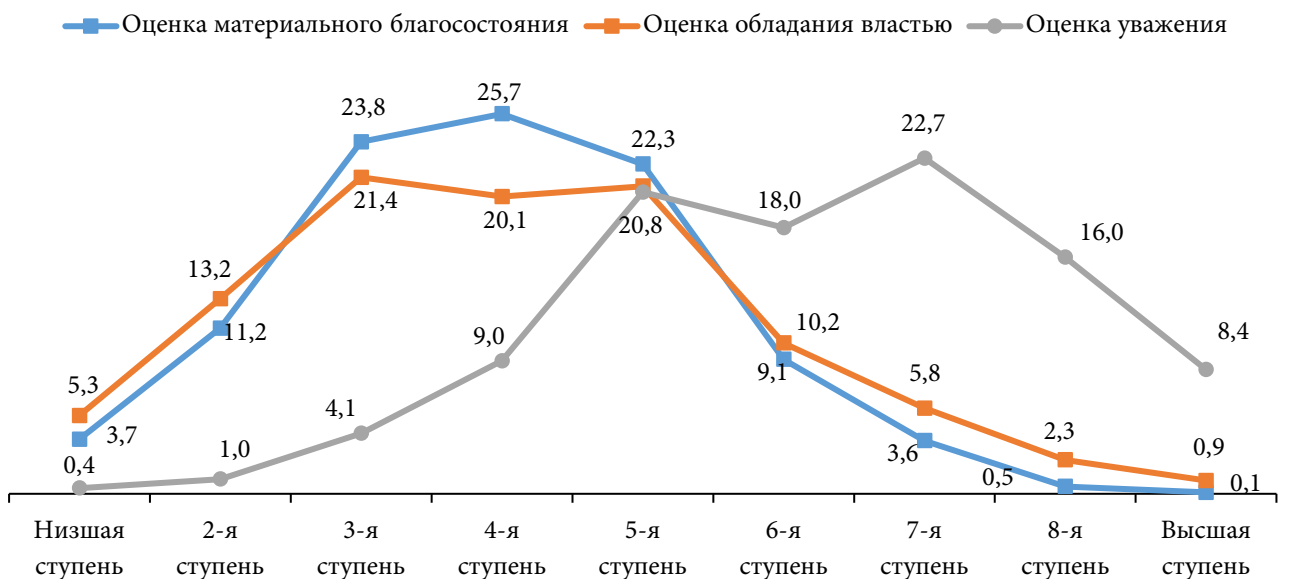

Рис. 21. Распределение респондентов по ступеням шкал материального благосостояния, власти и уважения: текущие самооценки, 2021 г., в % от ответивших

Корреляционный анализ выявляет значимую, но достаточно умеренную положительную связь между положением респондентов на шкале уважения и аналогичных шкалах богатства и власти. Коэффициент корреляции Пирсона составляет 0,51 и 0,55 соответственно (корреляция значима на уровне 0,01; двухсторонняя). Гораздо сильнее оказывается связь между положением респондентов на шкалах богатства и власти (коэффициент корреляции – 0,76).

Об особенностях социального самочувствия россиян свидетельствуют также ответы респондентов на вопрос «Как вы думаете, через 12 месяцев вы и ваша семья будете жить лучше или хуже, чем сегодня?» (табл. 14). Анализ полученных данных выявил в 2021 г. лишь незначительные изменения в уровне обеспокоенности населения своим будущим, о чем свидетельствуют едва заметные сдвиги в оценках респондентов относительно своих личных и семейных жизненных перспектив.

Таблица 14

Оценка личных и семейных жизненных перспектив, 1994–2021 гг., в %

Оценка	Год проведения исследования												
	1994	1998	2000	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2018	2020	2021
Будут жить намного лучше	2,4	1,5	3,0	3,6	3,1	3,0	4,0	4,1	2,7	1,7	2,1	1,3	1,5
Будут жить немного лучше	14,4	9,1	15,7	20,4	22,1	20,5	24,6	25,6	20,9	18,0	17,5	14,6	14,4
Ничего не изменится	34,7	28,3	44,1	46,0	47,1	41,3	45,3	44,2	40,1	46,5	49,5	50,2	50,6
Будут жить немного хуже	20,0	17,7	11,1	9,7	5,8	8,9	6,9	7,0	12,4	9,7	9,2	9,3	10,0
Будут жить намного хуже	20,8	25,7	7,7	4,0	2,5	4,4	2,5	2,2	5,0	5,7	4,1	3,7	4,2
Затруднились ответить	7,7	17,7	18,4	16,3	19,4	21,9	16,7	16,9	18,9	18,4	17,6	20,9	19,3

Как следует из таблицы 14, в конце 2021 г. большинство граждан, как и годом ранее, не ожидали позитивных изменений в своей жизни и жизни своих семей. Так, доля респондентов, полагающих, что через год они и их семьи будут жить намного или немного лучше, после резкого падения в конце 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. с 21,8 до 15,9%, т. е. на 5,9 п.п., в конце 2021 г. не изменилась. В то же время доля респондентов, полагающих, что через 12 месяцев они и их семьи будут жить немного или намного хуже, в конце 2020 г. по сравнению с тем же периодом 2019 г. увеличилась с 12 до 13% и далее в 2021 г. — до 14,2%. Но наибольшей, как и прежде, оставалась доля респондентов, не ожидающих каких-либо перемен в своей жизни. С 2018 по 2020 г. она увеличилась с 49,5 до 50,2% и затем в 2021 г. — до 50,6%. Эти изменения произошли полностью за счет сокращения доли респондентов, которые не могли определиться с ответом. Их удельный вес за последний год сократился с 20,9 до 19,3%.

На протяжении всех лет мониторинга сильное беспокойство у россиян вызывают перспективы изменения собственного материального положения. В этом еще раз убеждают данные, представленные таблице 15, которые включают обобщенные сведения, характеризующие ответы респондентов на вопрос «Насколько вас беспокоит то, что вы не сможете обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев?». Но при этом за последний год беспокойство относительно перспектив материального обеспечения немного снизилось.

Таблица 15

Обеспокоенность невозможностью обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие двенадцать месяцев, 1994–2021 гг., в %

Оценка	Год проведения исследования												
	1994	1998	2000	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2018	2020	2021
Очень беспокоит	53,6	64,0	49,6	40,1	39,2	37,3	32,4	30,4	33,0	32,9	32,2	32,9	29,9
Немного беспокоит	22,1	20,2	22,8	31,0	31,3	31,5	32,4	34,4	33,5	35,1	35,2	33,0	33,2
И да, и нет	7,8	6,3	10,7	11,1	11,8	11,0	1,8	12,1	11,4	12,9	13,4	14,3	15,3
Не очень беспокоит	11,2	6,6	11,4	12,1	12,3	14,4	16,1	15,5	14,7	12,9	13,5	14,3	15,5
Совсем не беспокоит	5,3	2,9	5,5	5,7	5,4	5,8	7,3	7,6	7,4	6,2	5,7	5,5	6,1

За этот год доля респондентов, обеспокоенных трудностями материального обеспечения в ближайшем будущем, после увеличения с 64,5% в конце 2019 г. до 65,9% в конце 2020 г., опустилась до 63,1%. Вместе с тем в конце года россияне стали все чаще обращать внимание на заметное удорожание продуктов. Многие полагали, что следующий год не даст им возможности отдышаться. Отправляясь в магазины, люди стали не только наверстывать упущенное, но и готовиться к новым трудностям и потрясениям. Доля тех, кого совсем не беспокоила или практически не беспокоила проблема обеспечения себя и своей семьи самым необходимым в следующем году, после сокращения с 21,6% в 2019 г. до 19,8% в 2020 г., в 2021 г. вновь увеличилась до недавних 21,6%.

Таким образом, в конце 2021 г. жесткие меры, введенные в период пандемии, продолжали оказывать влияние как на образ жизни людей, так и на их здоровье и эмоциональное состояние. Но это влияние было все же слабее, чем в предыдущем году. Отчасти это связано с тем, что люди настолько привыкли к кризисам и различным неурядицам, что стали довольно легко приспосабливаться к новым, даже самым неприятным и катастрофическим условиям. Социальное самочувствие населения поддержал рост доходов и различных социальных выплат. За последний год показатели удовлетворенности россиян своей жизнью в целом, демонстрирующие более чем двукратное превышение позитивного контингента над негативным, практически не изменились. Вместе с тем уровень удовлетворенности граждан своим материальным положением стабилизировался, но на низком уровне. Но одновременно выросло число людей, которые замечали улучшение материального положения своих семей. За время пандемии коронавируса россияне устали постоянно находиться в состоянии напряжения и ожидали не ухудшения ситуации, а, скорее, стагнацию или хотя бы какие-то позитивные перемены. Уровень обеспокоенности россиян относительно личного и семейного будущего практически не изменился, но в то же время жители страны стали несколько лучше оценивать перспективы улучшения своего материального положения.

Проблемы адаптации в сфере занятости и труда

Как уже отмечалось, ситуация на рынке труда в 2021 г. получила позитивную динамику. По оценкам специалистов Всемирного банка, уровень экономической активности населения и показатели занятости в этом году быстро улучшились, а спрос на рабочую силу вырос. Спрос на работников превысил увеличение численности рабочей силы, а уровень безработицы опустился ниже показателя до пандемии. При том, что высокий уровень спроса совершенно очевидно придал динамику рынку труда, связанные с COVID-19 нарушения притока трудовых мигрантов в течение года способствовали возникновению дефицита рабочей силы, особенно в отдельных отраслях. Временное сокращение рабочих дней и обращаемость за пособиями по безработице почти вышли на уровни до пандемии, несмотря на последний частичный локдаун в России. Новые рабочие места на протяжении последнего года преимущественно создавались в секторах, восстанавливающихся после сильных шоков, вызванных пандемией COVID-19, но при этом увеличились масштабы неформальной экономической деятельности.

Согласно данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, одним из показателей улучшения ситуации на рынке труда в 2021 г. явилось снижение уровня тревожности россиян по поводу угрозы безработицы. Об этом свидетельствует, в частности, анализ ответов респондентов на вопрос «Насколько вас беспокоит то, что вы можете потерять работу?». Из данных, представленных на рисунке 22, видно, что в конце 2020 г. по сравнению аналогичным периодом предыдущего года доля респондентов из числа занятых, которых очень или немного беспокоит потеря работы, выросла на 2,9 п.п. – с 61 до 63,9%.

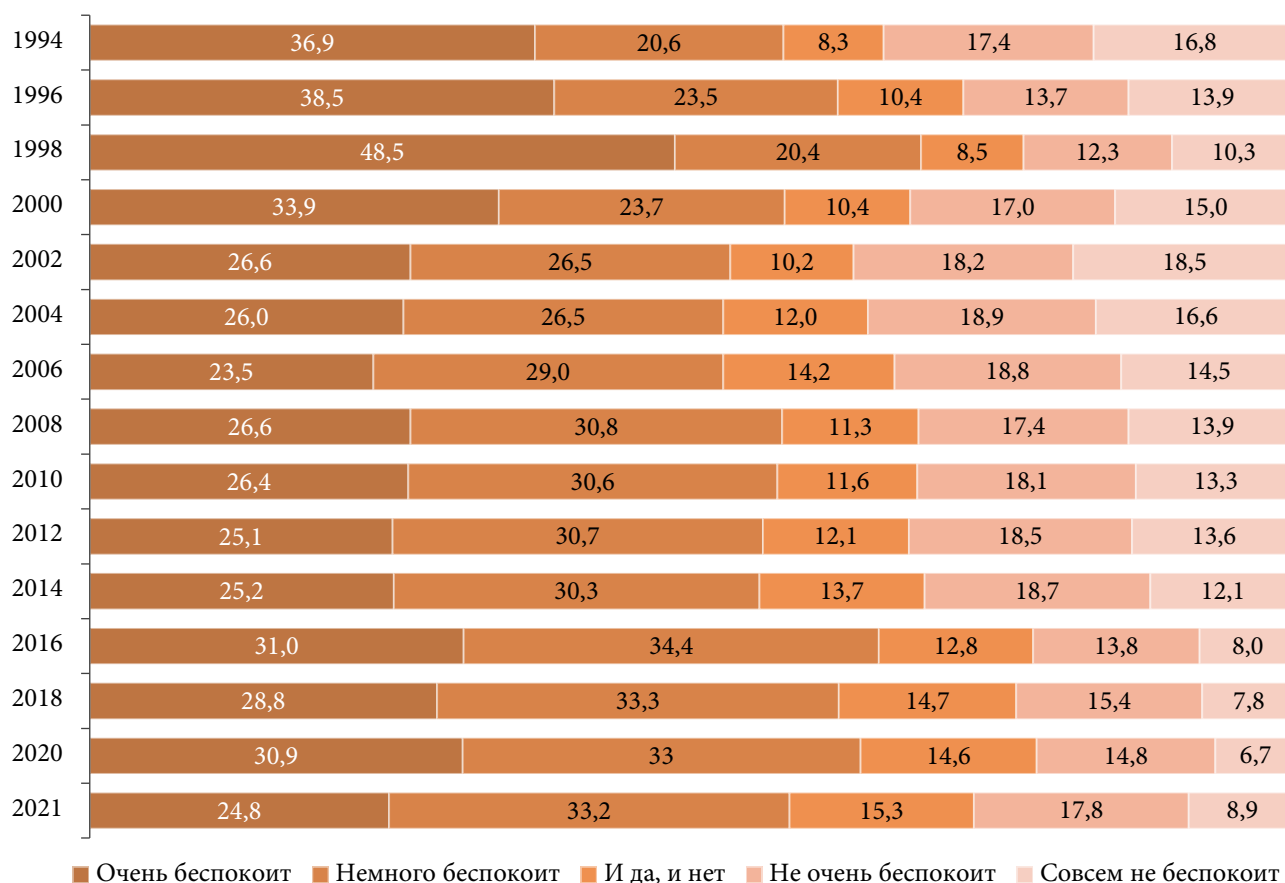

Рис. 22. Обеспокоенность угрозой потери работы, 1994–2021 гг., в %

Опасения и страхи работающих граждан оказались высокими во многом потому, что из-за внезапно обрушившейся пандемии особенно сильно пострадала сфера занятости, что обусловило падение доходов, с чем очень тесно связаны практически все материальные проблемы. Однако к концу 2021 г., когда более эффективно начали действовать адаптационные механизмы, доля таких респондентов стремительно сократилась до 58%, т. е. на 5,9 п.п. Удельный вес граждан, выражавших крайнюю степень беспокойства возможной потерей рабочего места, за последний год сократился на 6,1 п.п. – с 30,9 до 24,8%, опустившись до самого низкого значения за последние 15 лет.

Отмеченное сокращение «негативных» ответов сопровождалось не менее значительным увеличением доли респондентов, не очень или совсем не обеспокоенных угрозой потери работы. Если с конца 2019 по конец 2020 г. она сократилась с 24,4 до 21,5%, то к концу 2021 г. увеличилась до 26,7%, т. е. сразу же на 5,2 п.п.

В результате таких существенных сдвигов превышение числа респондентов, в той или иной степени обеспокоенных угрозой потери работы, над числом тех, кого эта проблема не волнует, за последний год сократилось с 3 до 2 раз.

Характерно, что ослабление опасений россиян относительно потери работы проявлялось на фоне невысоких показателей безработицы. Причем напряженность по поводу возможного увольнения снизилась во многих социально-демографических группах, но особенно заметно среди женщин и пенсионеров.

На следующем рисунке 23 представлены обобщенные сведения о распределении ответов респондентов на следующий вопрос: «Представьте себе не очень приятную картину: предприятие, организация, где вы работаете, по каким-то причинам завтра закрывается и все работники будут уволены. Насколько вы уверены в том, что сможете найти работу не хуже той, на которой работаете сейчас?».

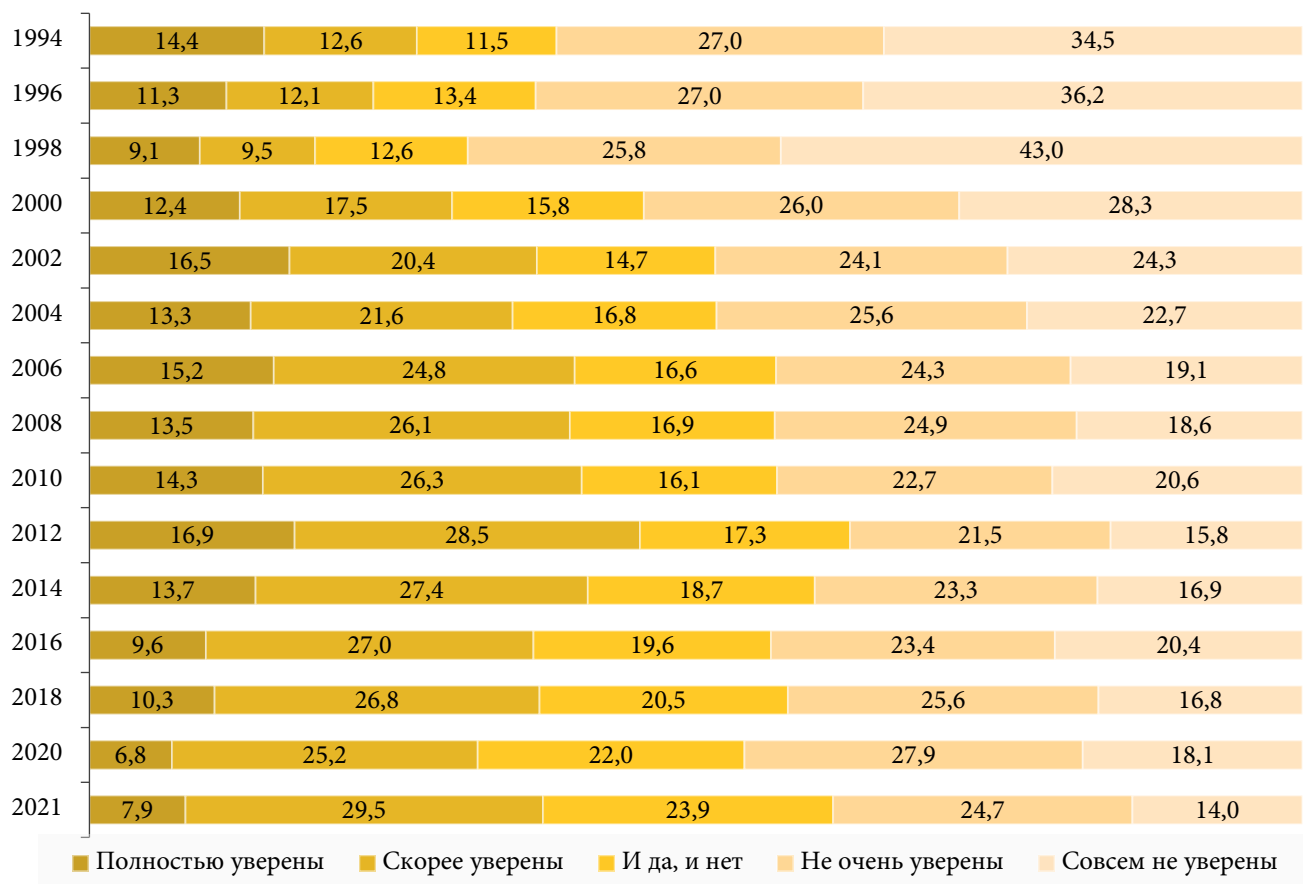

Рис. 23. Степень уверенности в возможности трудоустройства в случае потери работы, 1994–2021 гг., в %

Из представленных на рисунке 23 данных хорошо видно, что в 2021 г. наряду с ослаблением опасений российских граждан относительно потери рабочего места менее заметным стал также их пессимизм по поводу возможности нового трудоустройства в случае потери работы. Если с конца 2019 по конец 2020 г. доля респондентов, уверенных в том, что им так или иначе удастся реализовать такую возможность, когда это потребуется, уменьшилась с 35,5 до 32%, то к концу 2021 г. она увеличилась до 37,4%, вернувшись на уровень 2018 г. В то же время удельный вес респондентов, которые совсем не уверены или не очень уверены в возможности положительного решения проблемы трудоустройства, вырос с конца 2019 по конец

2020 г. с 43,1 до 46%, т. е. до одного из самых высоких значений, зафиксированных в последние два десятилетия, но к концу 2021 г. он сократился на значительные 7,3 п.п. — до 38,7%.

Сохраняющийся высокий уровень пессимизма по поводу возможности нового трудоустройства наблюдался на фоне обострения кадровой проблемы, которое можно объяснить особенностями современного российского рынка труда. Одним из негативных последствий антикризисной и антивирусной политики стало обострение дефицита кадров. На рынке сложилась парадоксальная ситуация, когда при общем сокращении рабочих мест предприятия продолжали испытывать дефицит рабочей силы, потому что существенно выросли требования к квалификации персонала. Кадровые проблемы коснулись практически всех отраслей. На фоне ускорения роста экономики в 2021 г. все более отчетливо стало проявляться негативное влияние ограниченного предложения труда, сдерживающего расширение производственных возможностей. Компании вели конкурентную борьбу за кадры и прилагали усилия для улучшения условий труда, чтобы заинтересовать больше кандидатов, обладающих необходимыми компетенциями, и быстрее закрыть образовавшиеся лакуны. Очень многие работодатели использовали комбинированный режим труда для своих сотрудников, позволяя им работать из дома несколько дней в неделю. В условиях кадрового голода компании стали предлагать дополнительные льготы не только штатным сотрудникам, но и фрилансерам.

На рисунке 24 представлены данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, раскрывающие основные причины увольнений работников в 2011–2021 гг. (по каждому году отдельно), которые были получены в процессе анализа ответов респондентов на два взаимосвязанных вопроса: «В каком году и в каком месяце вы ушли с вашей последней работы, перестали работать?» и «По какой основной причине вы перестали работать на вашей последней работе?». Таким образом, на рисунке представлены данные не по всем когда-либо уволенным, а только по тем, кто были уволены в конкретном (указанном на рисунке) году.

Анализ показал, что если в 2020 г. наиболее весомой причиной прекращения работы было сокращение должности или закрытие предприятия, то в 2021 г. — увольнение по состоянию здоровья, достигшее одного из максимальных значений за все время мониторинга. Причем эта причина относится к числу наиболее распространенных на протяжении длительного времени. Пиковое значение доли увольняющихся в связи с ухудшением здоровья было достигнуто в 2017 г. (17,6%), но к концу 2020 г. она последовательно сократилась до 12,2%. Вместе с тем в 2021 г. данный показатель вновь вырос до значительных 16,7%, лишь немного уступая пиковому значению. В немалой степени такой существенный рост можно объяснить негативным влиянием пандемии коронавируса на состояние здоровья людей. Многие работники, особенно старшего возраста, перенесшие болезнь коронавирусной инфекцией, так и не смогли до конца восстановиться и продолжить свою трудовую деятельность.

Второй по значимости причиной увольнения сотрудников организаций и предприятий с основной работы в 2021 г. была неудовлетворенность размером заработной платы. Весомость этой причины остается высокой на протяжении всех последних лет, но при этом она все же немного уменьшается. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. доля работников, которые увольнялись с основной работы по соб-

ственному желанию, когда их не устраивала заработная плата, сократилась с 13,6 до 12,5% и далее в 2021 г. — до 12,3%. Одной из причин высокой популярности этой причины стало то, что зачастую при росте зарплат удовлетворенность персонала заработной платой падала из-за высокой инфляции, съедающей прибавки к зарплате или просто доходы тех, у кого зарплаты «стабильны».

Рис. 24. Причины прекращения работы, 2011–2021 гг., в %

Большинство этих работников покидают свои рабочие места ради новой работы с лучшим соотношением работы и условий жизни. Многие увольняются свободно, поскольку убеждены, что существует достаточно рабочих мест с более

высокой оплатой, ожидая от нового рабочего места повышения зарплаты, баланса между работой и отдыхом, карьерного роста. Однако после увольнения эти люди как правило сталкиваются с необходимостью поиска новой работы в реальных условиях. В процессе трудоустройства самой частой проблемой становится несоответствие предлагаемой работодателями заработной платы ожиданиям соискателей. Из-за этого часть граждан, ищущих работу, вынуждена даже занижать свои зарплатные ожидания. Прежде всего это относится к самым молодым и пожилым соискателям.

Достаточно значимой и стабильной остается в последние годы весомость и такой причины увольнений с работы, как неудовлетворенность работников условиями трудовой деятельности. Доля респондентов, которые в течение года уволились из-за того, что они были недовольны условиями труда на основной работе (график работы, удаленность от дома, вредное производство, ненормированный рабочий день, питание и т. п.), после роста с 5,4% в 2017 г. до 9,5% в 2019 г., в 2020 г. уменьшилась до 7,7%. Но в 2021 г. она вновь немного увеличилась — до 8,7%.

Популярность такой причины прекращения работы, как намерение продолжить обучение в техникуме, вузе или другом учебном заведении, после сокращения с 8,4% в 2019 г. до минимальных 5,7% в 2020 г., в 2021 г. выросла до максимальных до 11%. После такого существенного роста распространенность этой причины вновь поднялась на одно из высоких мест, что было характерно для большинства предыдущих лет. Этот рост явился преодолением кратковременного спада, зафиксированного в 2020 г., когда жесткие карантинные меры внезапно нарушили жизненные планы многих людей и усложнили сам процесс поступления в учреждения высшего и среднего профессионального образования.

Доля респондентов, прекративших работу из-за выхода на пенсию, в течение всего анализируемого периода была подвержена определенным колебаниям. В самые последние годы немаловажную роль стали играть результаты продолжающегося в России переходного периода в рамках пенсионной реформы, предусматривающей в том числе поэтапное повышение возраста, дающего право на страховую пенсию. В 2020 г. по сравнению с предыдущим годом доля респондентов, уволившихся с работы после достижения пенсионного возраста, увеличилась с 7 до 10,5%, но в 2021 г. уменьшилась до 7,4%, которых, в свою очередь, 6,7% уволились, приняв такое решение самостоятельно, и только 0,7% — потому что их обязали или вынудили освободить их рабочее место. Рост увольнений в связи с достижением пенсионного возраста в определенной степени обусловил, особенно в промышленности, обострение проблемы дефицита кадров, тогда как молодые люди неохотно шли на производство по таким причинам, как низкая заработная плата и тяжелые условия труда.

Обращает на себя внимание резкое сокращение в 2021 г. доли работников, увольнявшихся по причине сокращения должности или закрытия предприятия. За 2018–2020 гг. доля таких респондентов увеличилась с 10,7 до 17%, т. е. до одного из самых высоких значений за весь анализируемый период. Однако в 2021 г. она резко упала до 9%. Значительными выглядят изменения весомости и такой причины прекращения работы, как окончание контракта, трудового договора. Доля респондентов, прекративших работу по этой причине, после определенных колебаний в предыдущие годы (от 4,5 до 7,3%), в 2020 г. по сравнению с 2019 г. снизилась

вдвое — с 5,5 до 2,8%. Однако, в отличие от резкого падения доли уволившихся из-за сокращения должности или закрытия предприятия, доля прекративших работу по причине окончания контракта, трудового договора в 2021 г. выросла до 7,5%.

Доля респондентов, у которых причиной увольнения стали сложные взаимоотношения с руководством предприятия, организации или с коллегами, сослуживцами, после резкого снижения в 2020 г. по сравнению с 2019 г. с 5,5 до 3,1%, не менее стремительно увеличилась в 2021 г. до 6%, вернувшись на прежний уровень. На протяжении 2011–2019 гг. весомость этой причины колебалась в границах довольно узкого коридора значений — от 5,5 до 6,8%.

Удельный вес опрошенных работников, принимавших решение об увольнении с работы из-за тех или иных семейных обстоятельств, в течение 2011–2019 гг. колебался в пределах от 5,5 до 7,5%. Но в 2020 г. доля таких респондентов уменьшилась с 5,8%, зафиксированных годом ранее, до 4,5% и далее в 2021 г. — до минимальных 3,3%.

К числу наименее распространенных причин прекращения работы относится появление у респондента возможности не работать и заняться какими-то другими делами. В течение 2011–2019 гг. доля таких работников составляла от 2,3 до 4,9% от числа увольнявшихся в текущем году. И только в 2020 г. ее весомость повысилась до максимальных 5,4%. Однако в 2021 г. данный показатель вновь вернулся на прежний уровень, уменьшившись до 4,3%.

Крайне редко работники увольнялись из-за того, что были вынуждены сменить место жительства. За последний год их доля сократилась с 1,1 до минимальных 0,3%. А наименее весомой в 2021 г., как и прежде, была доля респондентов, которые перестали работать, поскольку ликвидировали или продали собственное дело или семейный бизнес. В течение 2011–2021 гг. удельный вес таких респондентов колебался в пределах от 0,4 до 0,9%. Что касается увольнения по каким-то другим, не зависящим от работника обстоятельствам, то значимость этой причины за последний год сократилась, но незначительно — с 4,5% в 2020 г. до 4,3% в 2021 г.

Несмотря на позитивные сдвиги, ситуация на российском рынке труда оставалась в 2021 г. достаточно сложной и специфичной. С одной стороны, наблюдался большой спрос на персонал, но, с другой стороны, россиян не обошел стороной кризис, сопровождающийся пересмотром жизненных планов и карьерных приоритетов. Во время пандемии рынок труда испытал шок, который не мог не сказаться на перспективах трудоустройства граждан, особенно молодого возраста. Многие из них были заняты в тех отраслях, которые очень сильно пострадали от кризиса.

В сложившейся ситуации продолжилось сокращение числа граждан, выражающих желание найти работу (в том числе новую или другую), среди респондентов в возрасте 14 лет и старше. В целом с 2016 по 2021 г. доля желающих найти новую работу среди них довольно последовательно снизилась с 16,9 до 10,5%, в том числе за последний год на 1,1 п.п. Доля респондентов, которые затруднились определиться с ответом в отношении данной проблемы, из года в год составляла около 3–4%. Из тех, кто хотел найти работу, 51,1% (в 2020 г. — 49,7%) продолжали трудиться, а у 47,3% (в 2020 г. — у 48,2%) на момент опроса не было работы. Остальные находились в декретном отпуске или в отпуске по уходу за ребенком до 3 лет, а также в любом другом оплачиваемом отпуске.

Характерно, что в 2021 г. из числа всех респондентов, уже имеющих работу, хотели бы найти иное, более привлекательное рабочее место 11,3%, что было меньше, чем 13,8% в 2019 г. и 12,3% в 2020 г. Обращает на себя внимание то, что среди этих респондентов 38,6% были в большей или меньшей степени удовлетворены своей нынешней работой в целом, тогда как доля в той или иной мере недовольных составила только 23,1%. Но при этом 57% (в 2020 г. – 60,5%) работников-соискателей были совсем или скорее не удовлетворены на текущем рабочем месте размером заработной платы. Очень многим не хватало возможностей для профессионального роста. На это указали 48,3% (в 2020 г. – 49,7%) работников, желающих сменить работу; 25,6% работников анализируемой категории указали, что их в той или иной мере не устраивают условия труда (в 2020 г. – 23,7%); 21,8% соискателей были совсем или скорее не довольны продолжительностью рабочего дня (в 2020 г. – 22,6%). Еще больше, а именно 28%, оказалось тех, кого совсем или скорее не устраивало соответствие имеющейся работы уровню их квалификации (в 2020 г. – 27,1%). И в то же самое время только 17% респондентов были в большей или меньшей степени не удовлетворены графиком работы (в 2020 г. – 20,3%). На долю выразивших недовольство соотношением между временем, которое они тратят на работу, и временем, которое занимают другие стороны их жизни, пришлось 25% (в 2020 г. – 26,3%).

Примечательно, что среди всех респондентов, желающих найти работу, доля тех, кто прилагает для этого реальные усилия, как и годом ранее, составила 23,8%. Подавляющее большинство остальных респондентов заявляли, что они, несмотря даже на наличие у них желания найти какую-либо или другую, новую работу, пока не занимаются решением данной проблемы. В 2021 г. так ответили 61,6% (в 2020 г. – 64,7%) респондентов из числа всех выразивших желание найти работу и еще 14,6% (в 2020 г. – 11,5%) не смогли определиться с ответом.

Обращает на себя внимание также то, что в 2021 г. из числа тех, кто старался найти работу, доля лиц, которые обращались в целях поиска рабочего места куда-либо или к кому-либо в течение 30 дней, предшествующих опросу, составила 75,5%, что было существенно больше, чем в 2020 г. (68,3%), но приблизительно столько же, сколько в 2019 г. (75,8%). Среди этих респондентов доля тех, кто наиболее активно занимался поиском работы, обращаясь куда-либо или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 7 дней, составляла 53%, между тем как в 2020 г. таких было заметно больше – 57,3%.

Среди всех респондентов, которые выражали желание найти работу, доля тех, кто обращался в целях поиска рабочего места куда-либо или к кому-либо в течение 30 дней, предшествующих опросу, составила 29%. Это примерно столько же, сколько было в 2019 г. (28,5%), но больше, чем в 2020 г. (25,2%). Что касается тех, кто обращался куда-либо или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 7 дней, то их доля среди всех респондентов, которые выражали желание найти работу, в 2021 г. составила 15,4% (в 2019 г. – 16,9%, в 2020 г. – 14,8%).

О том, какие способы поиска работы являются сегодня наиболее популярными, дают представление данные РМЭЗ НИУ ВШЭ (табл. 16). Из них, в частности, следует, что в 2021 г. активность граждан, желающих найти работу, по поиску рабочего места заметно снизилась, о чем свидетельствует уменьшение значимости

практически всех способов поиска работы. Многие работники в нынешних условиях с меньшей охотой выходят на рынок труда, поскольку кризисная ситуация не позволяет им чувствовать себя уверенно на новом рабочем месте.

Таблица 16

Распространенность способов поиска работы, 1994–2021 гг., в %

Обращались в поисках работы	Год проведения исследования												
	1994	1998	2000	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2018	2020	2021
В государственные службы занятости	38,2	35,1	26,0	31,0	24,4	20,4	27,7	19,7	20,0	34,2	24,3	38,3	21,1
В негосударственные службы занятости	13,1	15,6	15,9	13,1	13,4	10,1	9,2	9,8	8,1	12,1	11,2	12,3	8,8
К друзьям, знакомым	60,5	75,6	76,5	76,0	82,9	78,2	81,9	81,3	81,7	79,8	76,5	83,8	75,1
К родственникам	29,5	40,6	42,7	36,5	42,1	39,4	50,0	46,1	50,5	40,6	44,6	54,5	46,4
Непосредственно на предприятия	45,0	47,8	52,0	48,3	50,5	47,7	47,2	45,7	39,7	44,5	49,4	51,3	45,4
К рекламным объявлениям	29,6	41,5	41,0	40,9	51,8	44,2	40,1	33,8	37,9	40,2	39,3	44,2	40,7
К рекламным объявлениям в интернете	—	—	—	—	13,1	19,6	32,9	44,8	48,8	53,8	62,6	64,9	67,2
В социальные сети	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	35,1	30,9

Примечание. Доля обращающихся к способам поиска работы оценивается относительно всех лиц, обращающихся куда-нибудь или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 30 дней.

В 2021 г., как и во все годы ранее, ведущее место среди анализируемых способов поиска работы принадлежало обращениям за помощью к друзьям, товарищам, коллегам и знакомым. В 2021 г. к нему прибегали 75,1% респондентов из числа обращающихся куда-нибудь или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 30 дней, что было значительно меньше, чем 83,8%, зафиксированных годом ранее. После такого существенного падения данный показатель снизился до одного из самых низких значений, фиксируемых начиная с 1998 г.

На второй позиции находится такой способ поиска работы, как обращения к рекламным объявлениям в интернете. Это способ оказался единственным из всех анализируемых, весомость которого за последний год выросла. При этом популярность данного способа поиска работы до самого последнего времени постоянно росла и только в предыдущем году немного уменьшилась. В целом с 2006 по 2019 г. доля соискателей, обращающихся к этому способу, выросла более чем в 5 раз — с 13,1 до 69,4%. В 2020 г. она сократилась до 64,9%, но в 2021 г. вновь выросла до 67,2%. Менее популярным является поиск работы с использованием социальных сетей. После роста доли лиц, воспользовавшихся этим способом в 2020 г. по сравнению с 2019 г. с 29,8 до 35,1%, в 2021 г. она уменьшилась до 30,9%. Причины этого снижения требуют дополнительного анализа на базе более обширных данных, позволяющих выявлять устойчивые тенденции. Но в целом повышение значимости подобных способов поиска работы согласуется с ростом спроса на специалистов новых профессий, с новыми компетенциями. Сегодня более востребованы «циф-

ровые» навыки, а профессии более тяготеют к усложнению, что увеличивает спрос на специалистов высшего и среднего уровня квалификации. Именно такое несоответствие уровня профессиональной подготовки по востребованным специальностям запросам рынка труда довольно часто волнует россиян. Как уже отмечалось, российский рынок испытывает огромный дефицит квалифицированных кадров, но соответствуют новым требованиям далеко не все кандидаты с высоким уровнем профессионального образования.

Практически одинаковыми по степени распространенности в последние годы остаются такие способы поиска работы, как обращения непосредственно на предприятия, в организации и помощь родственников. Снижение их значимости, зафиксированное в 2021 г., произошло практически синхронно. В 2021 г. ими пользовались 45,4 и 46,4% респондентов соответственно из числа занятых поиском работы (в 2020 г. — 51,3 и 54,5% соответственно). Немного уступает этим способам поиск работы с помощью традиционных рекламных объявлений — печатных и распространяемых через электронные средства массовой информации. В 2021 г. им пользовались 40,7% кандидатов, что было меньше, чем 44,2%, зафиксированных годом ранее. Но если обратиться к более ранним данным, то можно увидеть, что данный показатель, несмотря на постоянные колебания, отличается довольно высокой стабильностью, начиная с 1998 г.

На последних позициях, как и прежде, находятся такие способы поиска работы, как обращения в государственные и негосударственные службы занятости. В 2020 г. по сравнению с предыдущим годом распространенность поиска работы с помощью негосударственных служб занятости практически не изменилась (в 2019 г. — 11,4%, в 2020 г. — 12,3%), тогда как в 2021 г. она заметно уменьшилась (до 8,8%). Между тем роль государственных служб занятости в решении проблемы трудоустройства в 2020 г. по сравнению с 2019 г. резко выросла с 20,2 до 38,3%. Но в 2021 г. к этому способу поиска работы обратились только 21,1%. Примерно таким же этот показатель был в большинстве предыдущих лет, что позволяет говорить о его довольно высокой устойчивости.

Невысокие показатели обращения в центры занятости объясняются низким уровнем доверия к ним со стороны населения, который сохраняется на протяжении многих лет. Считается, что арсенал инструментов государственных служб занятости довольно скудный, а эффективность низкая. В регионах эти центры занятости по большей части являются центрами по оформлению пособий по безработице. Расходы на содержание государственной системы трудоустройства оказываются непомерными тратами, которые оплачивают российские налогоплательщики. В рамках национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» проводится модернизация центров занятости. В 2019 г. было запущено 16 пилотных проектов. В 2020 г. перечень субъектов РФ, в которых работают модернизированные центры занятости, расширен до 41, в 2021 г. — до 61. Однако если судить по представленным выше данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, эти изменения практически не повлияли на уровень их популярности.

По данным Роструда, к концу декабря 2021 г. в органах службы занятости населения состояли на учете 0,9 млн не занятых трудовой деятельностью граждан, из них 0,8 млн человек имели статус безработного, в том числе 0,6 млн получали пособие по безработице. В течение декабря получили статус безработного

189,9 тыс. человек, трудоустроено за месяц 71,8 тыс. человек. Масштабы трудоустройства безработных были на 121,5 тыс. человек, или на 62,9%, меньше, чем в декабре 2020 г.

На рисунках 25–26, представлены данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, характеризующие динамику уровня удовлетворенности российских работников работой в целом и частных удовлетворенностей своим трудом за 2002–2021 гг. Выбор этого временного диапазона объясняется тем, что вопросы об удовлетворенности работников предприятий и организаций своей работой и отдельными ее сторонами (условиями труда, оплатой труда и возможностями для своего профессионального роста), раскрывающие эмоциональные аспекты отношения к трудовой деятельности, включаются в «Вопросник для взрослых» РМЭЗ НИУ ВШЭ только с 2002 г.

Как видно из рисунка 25, в 2021 г. продолжился последовательный рост уровня удовлетворенности работников российских предприятий и организаций своей работой в целом.

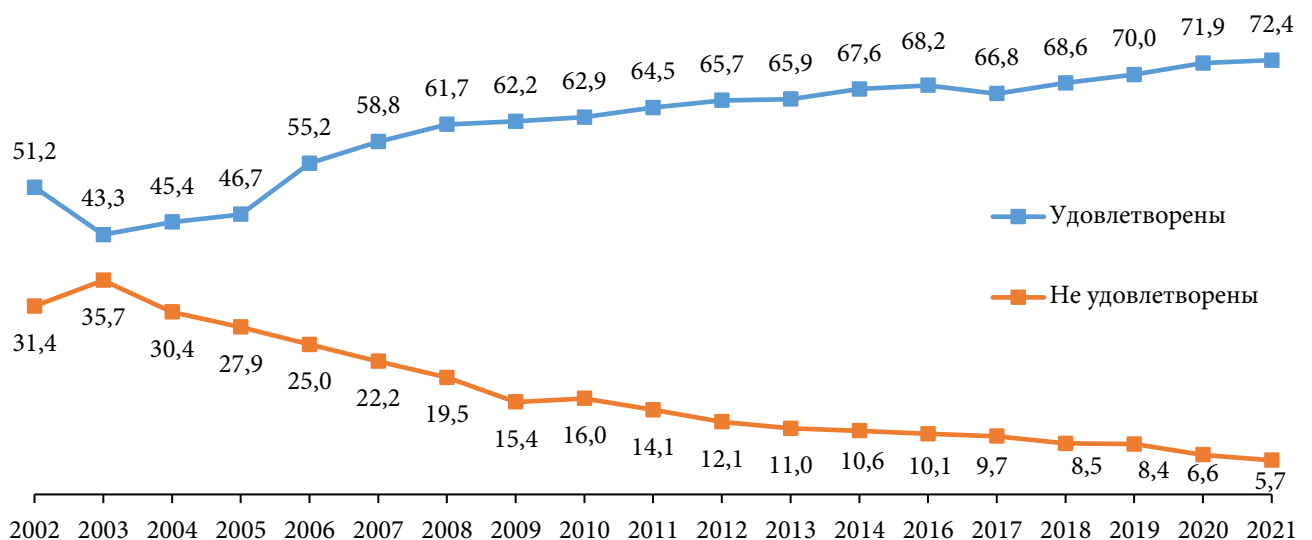

Рис. 25. Удовлетворенность работой в целом, 2002–2021 гг., в %

Несмотря на трудности кризисного периода, усугубленного пандемией коронавируса, за последний год доля работников, полностью или скорее удовлетворенных своей нынешней работой, увеличилась с 71,9 до 72,4%. При этом доля полностью удовлетворенных в 2021 г. составила 14,7%. В то же время доля скорее или совсем не довольных своей работой за последний год уменьшилась с 6,6 до 5,7%. Причем в 2021 г. на долю совсем не удовлетворенных работой пришлось всего лишь 0,8%. В результате этих сдвигов в 2021 г. был достигнут новый максимум удовлетворенности работников российских предприятий и организаций своей работой в целом, начиная с 2002 г. В 2020 г. доля респондентов, удовлетворенных своей трудовой деятельностью, в 11 раз превышала долю тех, кто был недоволен своей работой, между тем как в 2021 г. это превышение достигло максимальных 12,7 раза.

Уровень удовлетворенности работников предприятий и организаций различными сторонами своего труда, т. е. частных удовлетворенностей, за последний год изменился незначительно (рис. 26).

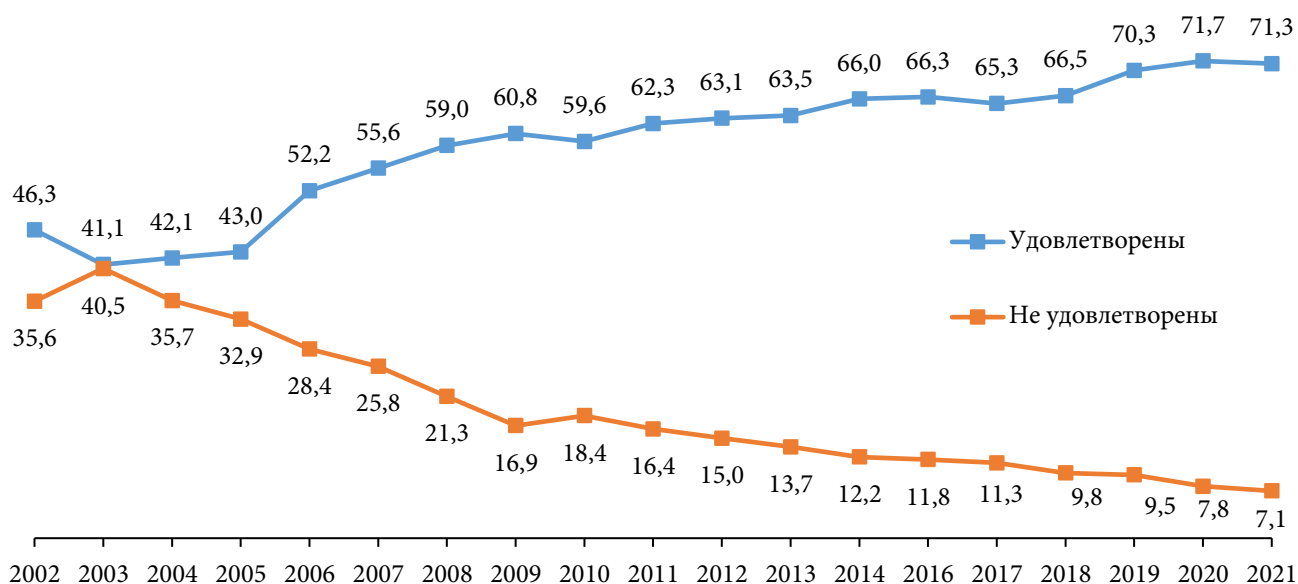

Рис. 26. Удовлетворенность условиями труда, 2002–2021 гг., в %

Как следует из рисунка 26, в 2021 г. по сравнению с 2020 г. доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных условиями труда, уменьшилась, но незначительно – с 71,7 до 71,3%, тогда как доля лиц, скорее или совсем не удовлетворенных, сократилась с 7,8 до 7,1%. При этом удельный вес работников, полностью довольных и совсем не довольных условиями труда, составил 15,9 и 1,1% соответственно.

Разрыв между группами, объединяющими работников предприятий и организаций, в большей или меньшей степени удовлетворенных и не удовлетворенных условиями своего труда, за последний год вырос с 9,2 до 10 раз, превысив прежний максимум.

Анализ данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, представленных на рисунке 27, показал, что больше всего работников российских предприятий и организаций, как и прежде, беспокоит невысокая заработная плата.

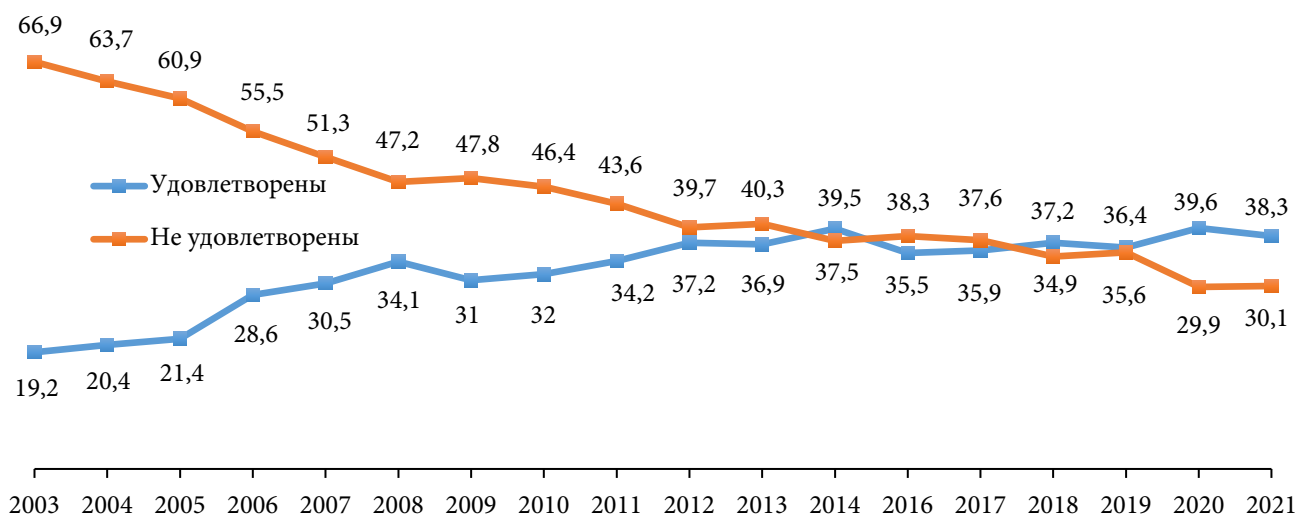

Рис. 27. Удовлетворенность оплатой труда, 2002–2021 гг., в %

В 2021 г. доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных оплатой своего труда, после хорошо заметного роста в 2020 г., уменьшилась – с 39,6 до 38,3%. В то же время доля лиц, скорее или совсем не довольных уровнем заработка, после предыдущего сокращения с 35,6 до 29,9%, в 2021 г. увеличилась до 30,1%. При этом удельный вес опрошенных работников, полностью удовлетворенных и совсем не удовлетворенных оплатой своего труда, был небольшими – 8,9 и 7% соответственно. В результате этих изменений доли работников, удовлетворенных и недовольных заработной платой, сблизилась с 9,7 до 8,2 п.п.

Низкие зарплаты, составляющие основу доходов населения, становятся причиной низкого потребительского спроса, что неизбежно приводит к сокращению производства и ВВП. Другим следствием становится сокращение численности работающих, поскольку низкие зарплаты меньше привлекают трудовых мигрантов. Кроме того, низкие доходы не способствуют и решению проблемы обеспечения естественного прироста населения.

Данные мониторинга, демонстрирующие главные тенденции, характеризующие изменения в уровне удовлетворенности работников российских предприятий и организаций возможностями для профессионального роста, представлены на рисунке 28.

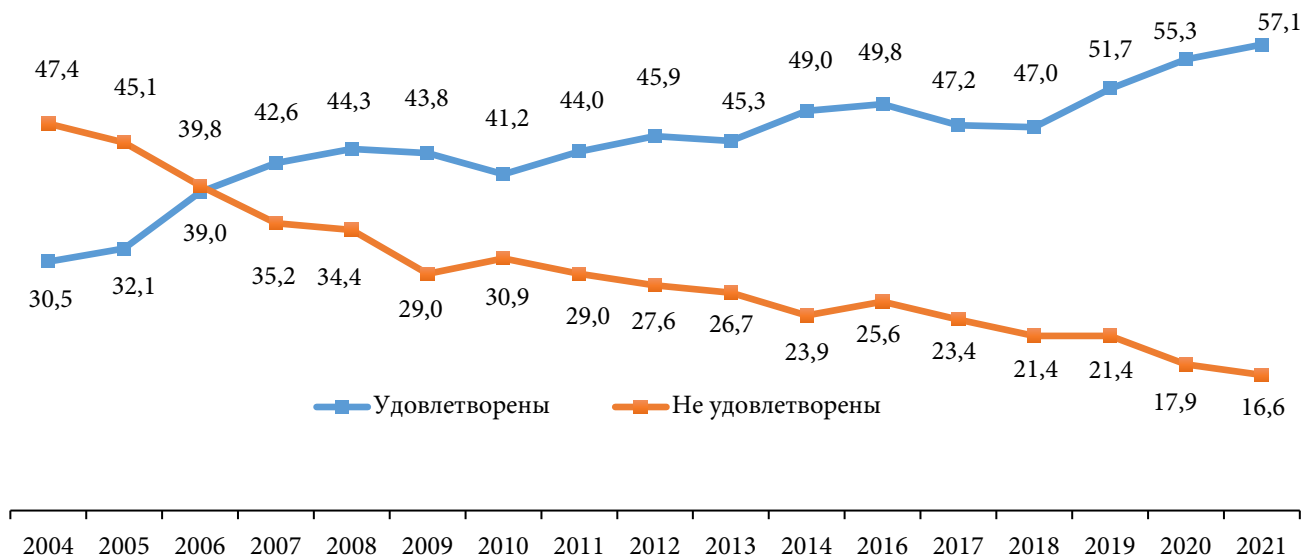

Рис. 28. Удовлетворенность возможностями профессионального роста, 2002–2021 гг., в %

Из этого рисунка следует, что за последний год доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных возможностями для профессионального роста, после увеличения с 47% в 2018 г. до 55,3% 2020 г., в 2021 г. вновь выросла до 57,1%, достигнув максимального значения за все время наблюдений в рамках мониторинга. При этом доля работников, недовольных условиями для профессионального роста, снизилась с 21,4% в 2018 г. до 17,9% в 2020 г. и далее в 2021 г. до минимальных 16,6%. В 2021 г. удельный вес работников предприятий и организаций, полностью удовлетворенных и совсем не удовлетворенных этим возможностями, составил 11,7 и 4% соответственно. Результатом этих сдвигов стало увеличение разрыва между позитивным и негативным контингентами с 3,1 раза в 2020 г. до максимальных 3,4 раза в 2021 г.

В ходе анализа данных мониторинга было также выявлено, что за 2009–2021 гг. доля респондентов из числа работников российских предприятий и организаций, полностью или скорее удовлетворенных продолжительностью своего

рабочего дня, увеличилась с 68,3 до 72,2%, в том числе за последний год на 1,7 п.п. В то же время доля лиц, в большей или меньшей степени не довольных этой стороной труда, сократилась за 2009–2020 гг. с 14 до 8%. В 2021 г. она увеличилась, однако совершенно незначительно – до 8,3%. При этом в 2021 г. 14,7% (в 2020 г. – 14,8%) респондентов были полностью удовлетворены продолжительностью рабочего дня, тогда как доля полностью не довольных составила всего лишь 1,8% (в 2020 г. – 2%).

Практически не изменился за последний год уровень удовлетворенности работников соответствием имеющейся работы уровню их профессиональной квалификации. За 2009–2021 гг. доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных данной стороной труда, выросла с 65 до 73,1%. В то же время доля недовольных сократилась более чем вдвое – с 16,1 до 7,6%, в том числе за последний год на 0,9 п.п. Очень высоким остается уровень удовлетворенности работников графиком своей работы. Если в 2009 г. доля респондентов, которых устраивал график их работы, составила 72,9%, то в 2021 г. – 72,7%, потеряв незначительные 0,2 п.п. Но при этом одновременно почти вдвое сократилась доля недовольных – с 11% в 2009 г. до 5,9% в 2021 г., в том числе за последний год – на 0,7 п.п. Кроме того, в 2021 г. были удовлетворены соотношением между временем, которое они тратят на работу, и временем, которое занимают другие стороны их жизни, 64,1% (в 2020 г. – 63,9%) респондентов российских предприятий и организаций, тогда как свое недовольство этим соотношением выражали 10,2% опрошенных (2020 г. – 10,3%)

Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, представленные в таблице 17, помогают раскрыть некоторые особенности обращения россиян к различным формам личного или семейного рыночного приспособления, которые основаны на собственном производстве и использовании личных материальных ресурсов.

Таблица 17

Некоторые формы рыночного поведения, 2000–2021 гг., в %

Формы рыночного поведения	Год проведения исследования										
	2000	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2018	2020	2021
Работали на дополнительной работе	8,6	10,0	9,3	6,3	6,4	6,3	7,5	6,7	4,9	5,3	4,9
Выращивали что-то на своем участке на продажу или на обмен	8,6	6,8	6,2	4,4	4,1	3,6	4,1	4,8	2,8	2,0	2,3
Разводили скот, птицу, рыбу на продажу	7,8	6,6	5,8	5,2	4,5	4,0	4,1	3,1	2,8	2,1	2,2
Оказывали услуги за плату	4,1	4,4	5,0	4,7	5,2	5,4	4,1	2,6	2,8	2,4	2,7
Охотились или собирали грибы, ягоды, травы и т. п. на продажу	—	—	—	—	—	—	1,0	1,4	1,0	1,0	0,9
Помещали в банк деньги, давали деньги в займы под проценты	1,2	1,0	1,4	1,2	1,6	1,5	1,3	1,5	1,3	0,9	1,1
Сдавали внаем квартиру, комнату, гараж, автомобиль	0,6	1,0	0,8	0,6	0,7	0,8	0,7	0,7	0,8	0,7	0,6

Представленные в таблице данные показывают, что после выявленного в 2020 г. (впервые после продолжительного периода сокращения) роста доли россиян, занятых на дополнительной работе, в 2021 г. было отмечено ее снижение до уровня 2018 г. В 2021 г. по сравнению с 2020 г. доля дополнительно занятых сократилась с 5,3 до 4,9%. Но, несмотря на это, подработка оставалась важным

способом адаптации в меняющихся условиях. Дополнительная занятость привлекает соискателей прежде всего возможностью получить дополнительный доход к основному заработку, а также попробовать себя в другой профессии или найти новую, более привлекательную работу. Благоприятную почву для роста популярности дополнительной работы создает удаленная занятость. В связи с распространением удаленного и гибридного форматов работы у многих работников стало высвобождаться время, которое они раньше тратили на дорогу. Это позволило им брать на фрилансе или удаленной работе дополнительные проекты во внерабочее время или проходить дополнительное обучение и развиваться в смежных областях.

И в то же время после сокращения удельного веса россиян, занимающихся выращиванием чего-либо (фрукты, овощи, ягоды и др.) на продажу и обмен, с 2,3% в 2019 г. до 2% в 2020 г., доля таких респондентов выросла в 2021 г. до 2,3%. В 2021 г. увеличилась также, но совершенно не значительно, доля респондентов, занятых разведением скота, птицы, рыбы не для личного потребления, а на продажу или обмен: с 2,1% в 2020 г. до 2,2% в 2021 г. Зафиксировано также небольшое увеличение доли респондентов, которые оказывают другим людям те или иные платные услуги: с 2,4% в 2020 г. до 2,7% в 2021 г. Кроме того, в 2021 г. 0,9% опрошенных россиян охотились или собирали грибы, ягоды, травы и т. п. на продажу, 1,1% помещали в банк деньги, давали деньги займы под проценты и всего лишь 0,6% сдавали внаем квартиру, комнату, гараж, автомобиль или другое имущество.

Таким образом, 2021 г. стал для российской экономики периодом довольно энергичного выхода из вирусного кризиса предыдущего года. Но, несмотря на это, сфера труда продолжала испытывать на себе серьезные негативные последствия пандемии коронавируса, что сдерживало развитие позитивных процессов. У работающих россиян стало ослабевать беспокойство, вызванное боязнью потерять работу. Среди различных групп работников опасения по поводу возможной потери работы сохранились у тех граждан, которые и без пандемийного кризиса очень часто испытывали тревогу относительно своих перспектив на рынке труда. Менее заметным стал также пессимизм работников по поводу возможности нового трудоустройства в случае потери работы. На предприятиях и в организациях наблюдался довольно высокий уровень текучести кадров. Одними из самых популярных причин увольнений с работы оказались проблемы со здоровьем, недовольство сотрудников уровнем зарплаты и поступление в учреждения профессионального образования. Но в то же время существенно снизилась активность граждан, желающих найти работу, по поиску приемлемого рабочего места, о чем свидетельствует уменьшение значимости практически всех способов поиска работы. Эти изменения происходили на фоне роста уровня удовлетворенности работников своей работой в целом и большинством ее сторон. Наиболее серьезной проблемой остается неудовлетворенность значительной части работников уровнем заработной платы.

* * *

В 2021 г. экономика России сумела не только восстановиться от вызванного пандемией прошлогоднего спада, но и вернулась на траекторию роста. Ускоренное восстановление ключевых экономических показателей в немалой степени было

обусловлено структурными особенностями российской экономики. Поскольку в России сектор услуг занимает не такую значительную долю, как во многих других странах, пандемия коронавируса и карантинные ограничения оказали на ее экономику не такое мощное воздействие, как в крупных развитых странах. Сказалось и то, что в России были введены менее жесткие ограничительные меры для реального сектора экономики. Важную роль для развития экономики сыграли также новые меры, принятые для поддержки населения и бизнеса. В результате заметно улучшилась ситуация на рынке труда, а уровень безработицы опустился ниже докризисных значений. Вернулись к росту реальные располагаемые доходы населения. Но при этом одним из главных вызовов для российской экономики в прошедшем году стал значительный рост цен на товары и услуги. Годовая инфляция ускорилась до 8,4%, более чем в 2 раза превысив целевую отметку Банка России и достигнув максимума за последние 6 лет. Резкий рост цен был связан с неравномерным восстановлением спроса во многих товарных категориях, из-за чего стали возникать легкие локальные дефициты, ускорившие инфляционный рост. Немаловажную роль сыграл рост мировых цен на энергоносители, сырье и продовольственные товары из-за увеличения глобального денежного предложения.

По мере адаптации экономики к новым реалиям и ослабления ограничений, обусловленных пандемией коронавируса, обозначился рост доходов населения. Положительная динамика доходов домохозяйств находилась в тренде восстановительного роста экономических показателей и деловой активности, но в то же время наблюдалось отставание роста зарплат на рынке труда от темпов инфляции. В 2021 г. по сравнению с 2020 г. средние реальные доходы домохозяйств выросли на 7,7%. Совокупный месячный доход домохозяйств от заработной платы, составляющий основу доходов российских семей, демонстрировал в предыдущем году резкое падение, но в 2021 г. вырос на 3,9%. При этом доход домохозяйств от работы на предприятиях государственного сектора увеличился на небольшие 0,9%, в то время как доход от работы на частных предприятиях поднялся на 6,2%, а доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности вырос на значительные 9,5%. Такой рост во многом был связан с трансформацией рынка труда в новых условиях и наличием кадровой потребности во многих отраслях экономики. Компании были вынуждены увеличивать зарплатные предложения, чтобы удержать сотрудников и набрать новых работников.

Рост совокупного месячного дохода домохозяйств от государственных трансфертных платежей – второго по значимости источника доходов российских домохозяйств – после стремительного падения годом ранее составил 14%. Главной причиной такого ускоренного роста стали возросшие социальные выплаты в период пандемии, прежде всего дополнительные выплаты пенсионерам и детям, являющиеся неотъемлемой частью государственной политики, которая направлена на материальную поддержку определенных категорий граждан в условиях кризиса. В то же время денежный доход домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора увеличился почти на 10%, тогда как аналогичный натуральный доход вырос на значительные 34,4%. Помощь от родственников и благотворительная помощь увеличилась на небольшие 1,9%, что можно объяснить сложным материальным положением большинства российских семей в период экономического кризиса.

В структуре совокупного дохода домохозяйств, после роста в предыдущем году с 41,1 до 41,6%, вновь выросла доля дохода от государственных трансфертов, достигнув значительных 42,2%. Этот рост во многом явился следствием опережающего роста доходов российских семей от государственных трансфертов в связи с увеличением пенсий и социальных пособий в комплексе мер по социальной поддержке населения в период пандемии. Доля общего дохода домохозяйств от заработной платы, после стабилизации в 2020 г. на уровне 47%, в 2021 г. снизилась до 46,6%. При этом доля дохода домохозяйств от работы на государственных предприятиях за последний год сократилась с 22,4 до 21,6%, тогда как доля дохода от работы на частных предприятиях выросла с 22,3 до 22,7%. В то же время доля дохода домохозяйств от работы на предприятиях смешанной формы собственности, после минимального уменьшения в 2020 г. по сравнению с 2019 г. с 2,4 до 2,3%, в 2021 г. не изменилась. Доля натурального дохода от домашнего производства и неформального сектора в структуре совокупного дохода домохозяйств за последний год увеличилась с 1,8 до 2%, тогда как доля аналогичного денежного дохода уменьшилась с 4,4 до 4,3%. Выявлено также дальнейшее сокращение в структуре совокупного дохода домохозяйств доли дохода от помощи родственников и благотворительной помощи. За 2017–2021 гг. она последовательно уменьшилась с 5,8 до 4,4%.

Получателями государственных трансфертов в 2021 г., как и в предыдущем году, являлись 73,5% домохозяйств, максимум за последние полтора десятка лет. В то же самое время доля домохозяйств, получающих доход от заработной платы, за последний год увеличилась с 63,8 до 64,4%. При этом удельный вес домохозяйств с доходом от работы на частных предприятиях увеличился с 35,6 до 36,4%, тогда как доля домохозяйств, получающих доход от работы на предприятиях госсектора, уменьшилась с 38,7 до 38,6%. Выявлено также увеличение с 4,1 до 4,4% доли домохозяйств, получающих доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности. Произошло очередное сокращение доли домохозяйств, получающих денежный доход от домашнего производства и неформального сектора – с 13,4 до 13%. В целом за 1994–2021 гг. доля домохозяйств с таким доходом последовательно уменьшилась почти вдвое. Но в то же самое время удельный вес домохозяйств с натуральным доходом от домашнего производства и неформального сектора вырос с 36,8 до 38,9%. Доля получателей помощи от родственников и благотворительной помощи увеличилась с 21,4 до 21,7%.

Рост доходов в 2021 г. затронул практически все группы домохозяйств, различающиеся по уровню доходной обеспеченности. Причем этот рост в большей мере затронул менее обеспеченные домохозяйства, что способствовало сокращению доходного неравенства. В 2020 г., как и годом ранее, средняя сумма месячного дохода двадцати процентов наиболее обеспеченных домохозяйств в 2,6 раза превышала среднюю сумму месячного дохода двадцати процентов наименее обеспеченных, тогда как в 2021 г. эта разница уменьшилась до 2,3 раза. Наименее зависимыми от государственных трансфертов остаются наиболее обеспеченные домохозяйства. В 2020 г. за счет заработной платы формировали свой доход от 40 до 49% домохозяйств первых четырех квинтилей и около 55% домохозяйств наиболее доходного квинтиля, что было, однако, гораздо меньше, чем 61% в 2020 г. И в то же время государственные трансфертные платежи обеспечивали от 38 до 49% дохода домохозяйств первых четырех квинтилей и около трети дохода домохозяйств

верхнего квинтиля, тогда как годом ранее последних было немногим более четверти. Доходы от работы на предприятиях всех форм собственности были наиболее значимы для двадцати процентов наиболее состоятельных домохозяйств, но эта значимость по сравнению с прошлым годом снизилась.

По мере развития восстановительных тенденций наметился рост расходов населения. Ключевыми факторами роста потребительского спроса стали реализация отложенного спроса, которая на выходе из очередной волны пандемического кризиса оказалась намного интенсивнее тех, что наблюдались в ходе других кризисов, а также возвращение россиян к полноценной жизни по мере отмены пандемических ограничений, позитивные перемены в настроениях граждан. Ежемесячные расходы домохозяйств на приобретение продуктов питания и непродовольственных товаров после падения на 30% в предыдущем году выросли на 3,9%. При этом за последний год ежемесячные расходы домохозяйств на продукты питания выросли на 5,9%, тогда как расходы на непродовольственные товары увеличились только на 3%. Этот рост затронул практически все группы продуктов питания и непродовольственных товаров, но наиболее значительным оказался рост расходов на продукты домашнего изготовления, а также на услуги и отдых. Значительно просел только платежеспособный спрос на предметы длительного пользования, особенно на крупную бытовую технику и на алкоголь.

Высокой остается доля расходов российских домохозяйств на продукты питания. В 2021 г. доля этих расходов в общих расходах домохозяйств, после небольшого снижения с 40,7% в 2019 г. до 40,5% в 2020 г., в 2021 г. увеличилась до 41,3%, т. е. до уровня 2015 г. Восстановительные тенденции в определенной мере затронули рынок услуг. Доля расходов на оплату услуг в совокупных расходах обследованных домохозяйств, после сокращения с 15,5% в 2019 г. до 14,4% в 2020 г., в следующем году выросла до 14,8%. Немного увеличилась также весомость расходов на одежду и обувь. Доля расходов на эти товары, после минимального снижения с 4,8% в 2019 г. до 4,7% в 2020 г., в 2021 г. увеличилась до прежних 4,8%. Так же минимально вырос удельный вес расходов на горючее: с 4,1% в 2018–2020 гг. до 4,2% в 2021 г. Вместе с тем доля расходов домохозяйств на предметы длительного пользования уменьшилась с 3,7% в 2019–2020 гг. до 3,2% в 2021 г. К наиболее весомым статьям расходов семей относятся растущие траты на содержание жилья. В 2020 г. их доля выросла до максимальных 14% и только в 2021 г. снизилась до 13,1%.

Выявлено небольшое сокращение дифференциации домохозяйств по уровню расходов. Если в 2020 г. двадцать процентов наиболее обеспеченных домохозяйств тратили на продукты питания и непродовольственные товары в 5,1 раза больше, чем наименее обеспеченные двадцать процентов домохозяйств, то в 2021 г. эта разница сократилась до 5 раз. Это сокращение происходило за счет опережающего увеличения расходов наименее платежеспособных домохозяйств. Разрыв в величине расходов на продукты питания между домохозяйствами полярных квинтилей за последний год сократился с 2,1 до минимальных 1,9 раза. Но если в 2020 г. доля расходов на продукты питания в общих расходах у домохозяйств наименее состоятельного квинтиля была в 2,4 раза больше, чем у домохозяйства наиболее состоятельного квинтиля (49% против 20,5%), то в 2021 г. эта разница выросла до более значительных 2,7 раза (51,1% против 19,2%). Разрыв в величине расходов на непродовольственные товары между домохозяйствами полярных квинтилей увеличился с 8 до 8,3 раза.

Уровень безработицы среди экономически активного населения в целом снизился с 3,4% в 2020 г. до 3,1% в 2021 г. — до минимума за все время наблюдений. При этом за последний год официальная безработица среди мужчин снизилась с 2,8 до 2,7%, тогда как среди женщин — с 4,1 до 3,4%. После роста в предыдущем году было выявлено снижение долговременной безработицы за счет увеличения кратковременной. Если в 2020 г. по сравнению с 2019 г. доля «длительной» безработицы, превышающей три месяца, стремительно выросла с 58,4 до 76,9%, то в 2021 г. она не менее резко снизилась до 65,5%. В то же время доля безработицы длительностью от одного до трех месяцев, после сокращения с 27,4% в 2019 г. до 13,4% в 2020 г., в 2021 г. выросла до 17,9%. Но более значительным оказался рост «кратковременной» безработицы, длительностью менее одного месяца: после снижения с 14,2% в 2019 г. до 9,7% в 2020 г. в 2021 г. она выросла почти в полтора раза — до 16,6%.

Крайне серьезной и трудноразрешимой демографической и экономической проблемой остается старение и вымирание населения. В настоящее время от нехватки работников страдают не только отдельные предприятия, но и целые сектора российской экономики. Общая численность населения продолжает сокращаться, а приток трудовых мигрантов не способен удовлетворить спрос предприятий на новых работников. Но, что примечательно, при сокращающемся трудоспособном населении численность рабочей силы не снижается. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. коэффициент участия в рабочей силе снизился с 81,5 до 80,9%, однако в 2021 г. он вырос до прежних 81,5%. При этом коэффициент участия в рабочей силе за последний год увеличился у женщин с 77,5 до 78,5%, тогда как у мужчин — с 84 до 84,3%.

Важной мерой поддержки доходов пожилых в условиях кризиса остается обеспечение занятости людей пенсионного возраста, положение которых в период пандемии стало еще более уязвимым. В условиях усиливающейся инфляции пенсионерам перестало хватать одной только пенсии на покрытие всех нужд. Если в 2020 г. под влиянием ограничений, вызванных пандемией коронавируса, было выявлено снижение доли занятых как среди мужчин, так и среди женщин, получающих пенсию, то в следующем году последовало такое же одновременное их восстановительное увеличение. Среди мужчин-пенсионеров сокращение доли занятых с 19,9% в 2019 г. до 19,2% в 2020 г. сменилось в 2021 г. увеличением до 22,2%. Среди женщин, получающих пенсию, за сокращением доли занятых с 24,6% в 2019 г. до 23,7% в 2020 г. последовал новый рост до 25,4% в 2021 г. Эти изменения происходили на фоне значительного сокращения численности получателей пенсий из-за увеличения возраста выхода на пенсию, а также роста смертности от пандемии коронавируса.

В ходе исследования выявлено сокращение числа работников, для которых проблема задолженности по заработной плате является болезненной. В 2021 г. по сравнению с 2020 г. доля таких работников сократилась с 1,8% до минимальных 0,6%. Такой низкой эта доля не была никогда ранее. Средняя сумма задолженности по зарплате перед этими работниками, вслед за резким падением в 2020 г. по сравнению с 2019 г. более чем в 1,6 раза, в 2021 г. увеличилась на небольшие 2,4%. Одновременно продолжилось снижение сроков задолженности по заработной плате. В 2021 г. по сравнению с 2020 г. доля работников, которым заработная плата задерживалась на месяц и менее, выросла с 59,7 до 75,6%, тогда как удельный вес

работников, которым зарплата задерживалась на большие сроки, уменьшился: на 1–2 месяца – с 22,9 до 12,3%, на 2–3 месяца – с 7,6 до 4,5% и на срок более 3 месяцев – с 9,8 до 7,6%. Как и во все предыдущие годы, женщинам заработная плата задерживалась реже и на меньшие суммы, чем мужчинам. За последний год доля лиц, не полностью получивших заработную плату на основном месте работы, среди мужчин снизилась с 2,1 до 0,8%, тогда как среди женщин – с 1,4% до 0,4% – до абсолютного минимума за все время мониторинга. В 2021 г. средняя сумма задолженности по заработной плате у мужчин была больше, чем у женщин, почти в 1,7 раза, что оказалось меньше, чем 1,9 раза, зафиксированных годом ранее.

Как и прежде, мужчины трудоспособного возраста превосходили женщин аналогичного возраста как по доле получающих какой-либо доход от трудовой деятельности, так и по величине среднего размера получаемого дохода. Причем за последний год это преобладание по доле получающих доход от трудовой деятельности практически не изменилось, составив в 2021 г. 80,8% против 72,3%; в 2020 г. было 79,9% против 71,5% соответственно. Уже длительное время женщины получают в среднем примерно на четверть меньше, чем мужчины. Но если в 2020 г. средний размер дохода от трудовой деятельности, получаемого занятыми женщинами трудоспособного возраста, составлял 76,4% от среднего размера дохода занятых мужчин аналогичного возраста, то в 2021 г. данный показатель снизился до 73,2%. У мужчин, для которых источником дохода является трудовая деятельность, средний размер получаемого дохода за последний год увеличился на 4,6%, тогда как у женщин – только на 0,3%. Мужчины продолжали существенно превосходить женщин по доле получающих доход от работы на частных предприятиях и на предприятиях смешанной формы собственности.

За последний год доля домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, сократилась с 5,8% до минимальных 4,4%. После снижения годом ранее увеличилась долговая нагрузка на домохозяйства по квартплате и/или оплате коммунальных услуг. Если в 2020 г. по сравнению с предыдущим годом размер средней суммы этой задолженности резко снизился на 38%, то в 2021 г. он вырос на 6,7%. Выявлено также снижение средней суммы месячной платы за жилье и коммунальные услуги. Но если в 2020 г. она резко снизилась более чем на 39%, то в 2021 г. уменьшилась только на 1,2%. Как и годом ранее, домохозяйства, возглавляемые мужчинами и женщинами трудоспособного возраста, тратили на эти цели более чем на треть больше, чем домохозяйства во главе с мужчинами и женщинами пенсионного возраста.

Если в 2020 г. в социальном самочувствии населения преобладали четко выраженные негативные тенденции, то 2021 г. стал периодом определенной стабилизации социальных настроений. С одной стороны, пандемия коронавируса в условиях кризиса продолжала оставаться катализаторами различных проявлений негативного социального самочувствия у россиян. Повышению уровня тревожности и стресса способствовала ситуация неопределенности, в которой уже длительное время пребывают большинство граждан. С другой стороны, люди стали постепенно адаптироваться к условиям кризиса и вызовам пандемии. Позитивную роль сыграли возросшие социальные выплаты, поддержавшие доходы домохозяйств и социальные настроения. Столкновение противоположных тенденций привело к стабилизации основных показателей социального самочувствия рос-

сийских граждан. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. доля респондентов, в большей или меньшей степени удовлетворенных своей жизнью в целом, уменьшилась с 52 до 51% и далее в 2021 г. — до 50,6%. Но одновременно доля тех, кто был в той или иной мере недоволен своей жизнью, тоже уменьшилась с 23,2% в 2019 г. до 22,4% в 2020 г. и затем в 2021 г. — до 21,9%.

Большинство россиян были в основном довольны жизнью, но в то же время продолжали негативно оценивать материальное положение своих семей. С 2019 по 2020 г. доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных своим материальным положением, уменьшилась с 23,6 до 23,3% и далее в 2021 г. — до 22,4%. Тем временем доля тех, кто был не удовлетворен материальной стороной своей жизни, после сокращения за предыдущий год с 56,2 до 55,3%, в 2021 г. составила 55,2%. В целом в 2021 г. число недовольных своим материальным положением в 2,5 раза превышало число удовлетворенных этой стороной свой жизни. Положительные оценки изменения материального положения своих семей за 12 месяцев, предшествующих опросу, после заметного снижения в 2020 г. по сравнению с 2019 г. с 18,1 до 11,9%, в 2021 г. не менее стремительно выросли до 16,1%. И в то же время доля респондентов, которые указали на более или менее значительное ухудшение материального положения своих семей, после заметного повышения с 21,3% в 2019 г. до 28,8% в 2020 г., в 2021 г. снизилась до 24,3%.

В конце очередного непростого пандемического года россияне оценивали перспективы своей жизни по-разному. Но при этом исследование показало отсутствие значимых перемен в ожиданиях россиян относительно своего ближайшего и отдаленного будущего. Так, доля респондентов, полагающих, что через 12 месяцев они и их семьи будут жить намного или немного лучше, вслед за значительным падением в 2020 г. по сравнению с 2019 г. с 21,8 до 15,9%, в 2021 г. не изменилась. Тем временем доля полагающих, что через год они и их семьи будут жить немного или намного хуже, в 2020 г. по сравнению с 2019 г. увеличилась с 12 до 13% и затем в 2021 г. — до 14,2%. Но наибольшим, как и прежде, оставалось число респондентов, не ожидающих каких-либо перемен в своей жизни. С 2018 по 2020 г. доля таких респондентов последовательно увеличилась с 49,5 до 50,2% и далее в 2021 г. — до 50,6%. Пандемия коронавируса не только усилила тревожность и беспокойство о собственном здоровье и здоровье своих близких, обострила опасения и страхи, связанные с ухудшением материального благосостояния своих семей. Очень многие столкнулись со стремительным ростом неопределенности, не имея четкого понимания, как преодолевать подобные невзгоды. На этой почве у людей возникало угнетенное состояние — ощущение потери контроля над течением собственной жизни. За последний год доля опрошенных граждан, обеспокоенных невозможностью обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев, вслед за увеличением с 64,5% в 2019 г. до 65,9% в 2020 г., немного снизилась до 63,1%, оставаясь на высоком уровне. Одновременно доля тех, кого совсем не беспокоила или практически не беспокоила эта проблема, после сокращения с 21,6% в 2019 г. до 19,8% в 2020 г., в 2021 г. увеличилась до недавних 21,6%.

Исследование выявило определенное улучшение ситуации на российском рынке труда, одним из свидетельств которого стало снижение уровня тревожности работников предприятий и организаций по поводу угрозы безработицы. Если с 2019 по 2020 г. доля респондентов из числа занятых, которые были в большей

или меньшей степени обеспокоены угрозой потери работы, выросла с 61 до 63,9%, то в 2021 г. она уменьшилась до 58%. Что касается тех, кого эта проблема не беспокоила, то их доля с 2019 по 2020 г. сократилась с 24,4 до 21,5%, тогда как за последний год увеличилась до 26,7%. Менее заметным стал также пессимизм по поводу возможности нового трудоустройства в случае потери рабочего места. Если с 2018 по 2020 г. доля респондентов, полностью или скорее уверенных в том, что им удастся найти работу, не хуже прежней, если это потребуется, последовательно уменьшилась с 37,1 до 32%, то в 2021 г. она вновь выросла до 37,4%. И одновременно сократилась после предыдущего двухлетнего роста с 42,4 до 46% доля лиц, не очень или совсем не уверенных в этом, – до 38,7%, сохраняясь на довольно высоком уровне. Количество предложений о работе постоянно росло, но практически во всех сферах ощущался дефицит персонала в связи с повышением требований к квалификации специалистов.

Вызванные пандемией перемены привели к перенаправлению потоков капитала, появлению новых точек роста с учетом меняющегося спроса, одним из свидетельств которых стали новые сдвиги на рынке труда. Но в то же время пандемия оставалась значимым фактором, влияющим также на здоровье людей. Не случайно в 2021 г. наиболее распространенной причиной прекращения работы стало ухудшение здоровья работников. По сравнению с прошлым годом доля респондентов, уволившихся с основной работы по этой причине, выросла с 12,2 до 16,7%. Значительным ростом отличается также изменение весомости такой причины увольнений, как желание продолжить или начать обучение (с 5,7 до 11% соответственно), что можно объяснить стремлением респондентов осуществить планы, которые они не смогли реализовать из-за карантина в предыдущем году. К наиболее распространенным причинам, как и прежде, относятся увольнения из-за неудовлетворенности размером зарплаты (с 12,3 до 12,5%). Более высоких значений достигли показатели увольнения работников по собственному желанию из-за неудовлетворенности условиями труда (с 7,7 до 8,7%), сложных взаимоотношений в коллективе, с руководством (с 3,1 до 6%), а также по такой причине, как окончание контракта (с 2,8 до 5,7%). И в то же время работники стали реже увольняться по таким поводам, как сокращение должности или закрытие предприятия (с 17 до 9%), достижение пенсионного возраста (с 10,5 до 7,4%), семейные обстоятельства (с 4,5 до 3,3%), появление возможности не работать (с 5,4 до 4,3%), переезд на другое место жительства (с 1,1 до 0,3%). Безвозвратные увольнения компенсировались наймом новых работников и дополнительной занятостью.

Одной из особенностей пандемийного 2021 г. стало снижение активности граждан по поиску работы. Единственным способом поиска рабочего места, который приобрел более широкую популярность, стали обращения к рекламным объявлениям в интернете. Среди респондентов, обращавшихся куда-нибудь или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 30 дней, доля лиц, воспользовавшихся этим способом, за последний год выросла с 64,9 до 67,2%. Но наиболее распространенным способом поиска работы, несмотря на сокращение доли воспользовавшихся им с 83,8 до 75,1%, оставались обращения за помощью к друзьям и знакомым. Практически одинаковыми по своей значимости были такие способы поиска работы, как обращения непосредственно на предприятия и помощь родственников. В 2021 г. к ним прибегали 45,4 и 46,4% соискателей соответственно

(в 2020 г. – 51,3 и 54,5%). Доля лиц, обращавшихся к традиционным объявлениям, уменьшилась с 44,2 до 40,7%. С 35,1 до 30,9% сократилась за прошедший год доля респондентов, которые пытались найти работу, используя социальные сети. Обращает на себя внимание также значительное падение удельного веса лиц, прибегавших с целью поиска работы к услугам государственной службы занятости (с 38,3 до 21,1%) и негосударственных служб занятости (с 12,3 до 8,8%).

Исследование выявило дальнейшее повышение уровня удовлетворенности занятых своей работой в целом и большинством ее сторон. В частности, за прошедший год доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных своей работой в целом, после роста годом ранее с 70 до 71,9%, вновь выросла до максимальных 72,4%. В 2021 г. увеличилась также доля занятых, в той или иной степени удовлетворенных возможностями профессионального роста, – с 55,3 до 57,1%. Но одновременно приостановился рост уровня удовлетворенности работников условиями труда, о чем свидетельствует сокращение доли позитивных ответов с 71,7% в 2020 г. до 71,3% в 2021 г. Кроме того, в 2021 г. были в той или иной степени удовлетворены продолжительностью своего рабочего дня 72,2% респондентов, соответствием имеющейся работы уровню своей профессиональной квалификации – 73,1%, графиком своей работы – 72,7%, соотношением между временем, которое они тратят на работу, и временем, которое занимают другие стороны жизни, – 64,1% респондентов. Единственной стороной труда, вызывающей недовольство у значительной части работников, остается заработная плата. Доля респондентов, в большей или меньшей степени удовлетворенных оплатой своего труда, за последний год снизилась с 39,6 до 38,3% при одновременном росте недовольных – с 29,9 до 30,1%. С одной стороны, очень многих россиян не устраивает размер заработной платы. Но, с другой стороны, они очень боятся ожидаемого ухудшения уровня жизни. По этой причине они так или иначе снижают свои зарплатные ожидания и демонстрируют определенный уровень удовлетворенности своей работой в целом.

Список литературы

Доклад об экономике России. № 46. Декабрь 2021 г. / Под ред. К. Пала; Группа Всемирного банка. [Б.м.], 2021. 106 с. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099100111302157406/pdf/P177562047516f01709b360c30dafa5850d.pdf> (дата обращения: 25.11.2022).

Ивантер А. Мы находимся внутри глобального инфляционного тренда // Эксперт. 2021. № 47. С. 62–66.

Инфляционные ожидания и потребительские настроения: Информационно-аналитический комментарий. № 1 (49). Январь 2021 г. / Банк России. М., 2021. 6 с. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/31948/Infl_exp_21-01.pdf (дата обращения: 25.11.2022).

Рынок труда в России: безработица и мероприятия по содействию занятости. Декабрь 2021 г. / В. Павлюшина, Е. Хейфец, Е. Хейфец; Фонд «Центр стратегических разработок». М., 2021. 16 с. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/910/gu0jvroy1430pyl036j27lveh1dk5qpi.pdf> (дата обращения: 25.11.2022).

Социально-экономическое положение регионов РФ – итоги 2021 года: Аналитический бюллетень. Вып. 45 / РиаРейтинг. М., 2022. 7 с. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/regions_demo45.pdf (дата обращения: 25.11.2022).

doi: 10.19181/rlms-hse.2023.1

RUSSIAN HOUSEHOLDS: DYNAMICS OF THE ECONOMIC SITUATION (1994–2021)

Voronin G. L., Evgrafova K. O., Kiseleva I. P., Kozyreva P. M., Kosolapov M. S., Nizamova A. E., Sivkova I. V., Smirnov A. I., Sokolova S. B., Tonis E. I.

Abstract. This paper presents a comparative analysis of the data from 30 rounds of “Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics” (RLMS-HSE). The RLMS-HSE data show that in 2021 there was an increase in real household income. After decreasing by almost a third in 2020, an average household income rose by 7.7% in 2021. However, while household income from government transfers grew by 14%, work-related income rose slightly, by 3.9%. Income inequality declined as the average monthly income of the wealthiest households was 2.3 times that of the least wealthy in 2021, while in 2019 and 2020 the income of the wealthiest was 2.6 higher. After a sharp 30-percent decrease in 2020, household monthly expenditures (on food and other nonfood items) increased by 3.9% in 2021. The spending gap between wealthy and low-income households narrowed from 5.1 to 5 times. The unemployment rate among the economically active population fell from 3.4% in 2020 to 3.1% in 2021. In contrast, the labor force participation rate rose from 80.9% to 81.5%, returning to pre-pandemic 2019 benchmark. The share of workers facing wage arrears fell and reached an all-time low (0.6%). At the same time the share of retirees facing pension arrears continued to grow as 8.2% retired men and 6.7% retired women reported the arrears in 2021. In 2021 respondents were generally satisfied with their lives (50.6% satisfied), but not with their financial situation (55.2% dissatisfied). The subjective assessment of the material and financial prospects of households continued to slide. On the contrary, respondents felt slightly more optimistic about their prospects on the labor market. Compared to 2020, there was a decline in the share of employees who were laid-off or retired, while poor health and enrolment became more prominent among the reasons why people wanted to quit a job in 2021.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, household, income, expenditure, consumption, employment, unemployment, inequality, attitudes, pandemic, COVID-19

References

Doklad ob ekonomike Rossii. № 46. Dekabr’ 2021 g. [Tekst] / Pod red. K. Pala; Gruppya Vsemirnogo banka. – [B.m.], 2021. – 106 s. – URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099100111302157406/pdf/P177562047516f01709b360c30dafa5850d.pdf> (data obrashcheniya 25.11.2022).

Ivanter A. My nakhodimsya vnutri global’nogo inflyatsionnogo trenda // Ekspert. – 2021. – № 47. – S. 62–66.

Inflyatsionnyye ozhidaniya i potrebitel’skiye nastroyeniya: Informatsionno-analiticheskiy kommentariy. № 1(49). Yanvar’ 2021 g. [Tekst] / Bank Rossii. – M., 2021. – 6 s. – URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/31948/Infl_exp_21-01.pdf (data obrashcheniya 25.11.2022).

Rynok truda v Rossii: bezrobotitsa i meropriyatiya po sodeystviyu zanyatosti. Dekabr’ 2021 g. [Tekst] / V. Pavlyushina, E. Kheyfets, E. Kheyfets; Fond «Tsentri strategicheskikh razrabotok». – M., 2021. – 16 s. – URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/910/gu0jvroy1430pyl036j27lveh1dk5qpi.pdf> (data obrashcheniya 25.11.2022).

Sotsial’no-ekonomicheskoye polozheniye regionov RF – itogi 2021 goda. Analiticheskiy byulleten’. Vypusk № 45 [Tekst] / RiaReyting. – M., 2022. – 7 s. – URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/regions_demo45.pdf (data obrashcheniya 25.11.2022).

Рощина Я. М.

ОБРАЗ ЖИЗНИ РОССИЯН РАЗНОГО ВОЗРАСТА ВО ВРЕМЯ ВТОРОГО ГОДА ПАНДЕМИИ

doi: 10.19181/rlms-hse.2023.2

Аннотация. В работе на основе данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE) рассматриваются изменения, произошедшие в жизни россиян за два года пандемии COVID-19. Несмотря на всю серьезность угрозы распространения коронавирусной инфекции, мерами, направленными на ее сдерживание, было охвачено меньше половины населения страны. К осени 2021 г. лишь 40% респондентов хотя бы один раз сдавали тест на антитела или ПЦР-тест. Степень охвата тестированием была ниже среди молодых и пожилых людей. Около 3% респондентов имели подтвержденный диагноз COVID-19 осенью 2020 г. К концу 2021 г. доля таких респондентов выросла до 14,4%. Доля респондентов, отказавшихся от вакцинации, снизилась с 41,5% в 2020 г. до 30% в 2021 г. При этом больше всего «отказников» оставалось среди молодых (37,2%) и пожилых (34%) людей. Значительное число респондентов в 2021 г. продолжали выражать недоверие вакцине, сомневались в ее надежности и безопасности. Всего к концу 2021 г. вакцинировались 45,8% респондентов, причем более трети из них сделали это вынужденно. Два года пандемии в большей степени повлияли на самооценку здоровья и в меньшей – на удовлетворенность материальным положением и отношениями внутри семьи. Доля респондентов, утверждавших, что их здоровье ухудшилось, выросла с 11,8 до 16,2%, в то время как уровень удовлетворенности своим материальным и семейным положением практически не изменился. В целом пандемия не оказала сильного влияния на образ жизни россиян. Она практически не сказалась на питании и досуге респондентов и не привела к ускоренному распространению вредных привычек. Одним из наиболее очевидных последствий пандемии стало ускоренное внедрение в повседневную жизнь цифровых технологий, связанное прежде всего с увеличением аудитории интернета и социальных сетей за счет пожилых людей. Однако несмотря на быстрый прирост пожилых пользователей, «цифровой разрыв» между старшими и младшими возрастами сохранялся.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, RLMS-HSE, пандемия, коронавирус, здоровье, вакцинация, образ жизни, вредные привычки, цифровые технологии, интернет, социальные сети

В данной работе мы проследим изменения в образе жизни россиян, произошедшие в условиях пандемии. Мы сравним взвешенные данные РМЭЗ НИУ ВШЭ для населения в возрасте 14 лет и старше, используя волны опроса 2019, 2020 и 2021 гг. Нас интересует, в первую очередь, сохранились ли те изменения, которые наблюдались в 2020 г., на второй год пандемии или жизнь людей вошла в привычную колею.

В 2021 г. все в большей степени жизнь людей становится зависимой от гаджетов и выхода в интернет, прежде всего это касается пользования смартфоном. Всего за два года, с 2019 по 2022 г., доля пользователей интернета выросла с 66 до 80%, причем этот рост шел в основном за счет старших возрастных групп, так как среди людей моложе сорока лет интернетом пользуются практически все. Но и в этой возрастной группе смартфоном пользовались в 2019 году 87%, а в 2021 г. – более 95%. Почти не меняется доля тех, кто пользуется ноутбуком (45,7% в 2019 г., 49,6% в 2020 и 2021 гг.) и стационарным компьютером (40–41% в 2019–2021 гг.). Планшет постепенно становится все менее популярным гаджетом (16,5% в 2021 г.), и особенно мало пользователей планшетом среди самых старших респондентов. Особенно сильно упала доля тех, кто по телефону только разговаривает или пишет смс: с 37,4% в 2019 г. до 22% в 2021 г. Как видно из таблицы 1, различия по возрасту сохраняются: самыми активными пользователями остается молодежь.

Таблица 1

Использование респондентами старше 14 лет цифровых устройств за последние 12 месяцев в любых целях, включая печатание текстов, компьютерные игры и др., по возрастным группам, 2019–2021 гг., вертикальный %

Использование цифровых устройств	Возраст, лет				
	14–25	26–40	41–60	>= 61	Всего
2021					
Планшет	26,2	21,2	13,5	5,3	16,5
Компьютер переносной	71,0	63,3	44,1	19,0	49,6
Стационарный персональный компьютер	55,5	49,8	42,2	15,1	41,5
Смартфон, коммуникатор, айфон	97,8	96,5	82,4	39,1	80,5
Мобильный сотовый телефон, по которому можно только звонить и отправлять смс	6,1	8,5	20,5	58,2	22,0
2020					
Планшет	29,2	23,8	16,2	5,9	18,7
Компьютер переносной	71,2	63,9	44,7	18,0	49,6
Стационарный персональный компьютер	51,2	51,5	41,1	14,8	40,5
Смартфон, коммуникатор, айфон	93,4	92,8	75,5	30,2	74,4
Мобильный сотовый телефон, по которому можно только звонить и отправлять смс	12,6	13,1	29,1	64,9	28,9
2019					
Планшет	27,6	24,8	15,8	6,6	18,7
Компьютер переносной	64,9	59,8	40,8	16,5	45,7
Стационарный персональный компьютер	50,5	48,2	41,6	15,2	39,8
Смартфон, коммуникатор, айфон	87,4	86,7	64,5	20,7	66,0
Мобильный сотовый телефон, по которому можно только звонить и отправлять смс	18,8	20,3	40,3	72,6	37,4

По-прежнему растет количество времени в день, посвященное гаджетам (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Сколько примерно времени в течение дня Вы обычно смотрите на экраны всех электронных устройств, которыми пользуетесь?», по возрастным группам, 2019–2021 гг., вертикальный % среди пользователей электронных устройств

Время перед экраном	Возраст, лет				Всего
	<= 25	26–40	41–60	>= 61	
2021					
Меньше часа	2,3	8,0	16,4	29,8	11,9
1–3 часа	31,9	40,6	46,6	49,7	41,5
4–6 часов	42,8	33,2	26,8	16,9	31,6
Практически весь день, не выпуская из рук	23,0	18,2	10,2	3,6	15,0
2020					
Меньше часа	2,0	7,7	20,9	56,0	20,2
1–3 часа	29,3	40,2	45,7	31,2	38,1
4–6 часов	38,9	33,3	23,4	10,4	26,7
Практически весь день, не выпуская из рук	29,8	18,8	10,0	2,4	15,0
2019					
Меньше часа	4,4	14,5	24,3	36,5	17,4
1–3 часа	45,7	48,1	47,4	46,7	47,1
4–6 часов	33,2	24,7	19,6	13,8	24,1
Практически весь день, не выпуская из рук	16,8	12,7	8,7	3,0	11,5

Хотя доля людей, ответивших, что они смотрят на экраны всех электронных устройств, которыми пользуются, «практически весь день, не выпуская из рук», не изменилась (15%), а среди тех, кому меньше 25 лет, даже снизилась с 2020 г. (с 29,8 до 23%), среди всех опрошенных снизилась доля тех, кто смотрит на экран меньше часа (с 20,2 до 11,9%, что меньше, чем 17,4% в 2019 г.). Соответственно, стало больше тех, кто посвящает электронным устройствам от одного до 6 часов. Справедливости ради надо отметить, что речь идет не только о мобильном телефоне, но и о рабочем ноутбуке или стационарном компьютере.

Современные устройства позволяют проследить, сколько времени в день человек проводит у экранов телефона и компьютера, но и наоборот, сколько шагов в день он проходит (табл. 3). Однако о первой возможности не знают 9,1% (среди самых старших – 19,1%), а о второй – 6,9% (в старшей группе – 13,4%), правда, здесь речь идет только о смартфонах, а, как мы видели выше, значительная часть пожилых все еще пользуется кнопочным телефоном. Но и среди самых молодых доля тех, кто следит за экранным временем, невелика – 13,2% (а по всей выборке 8,5%). За количеством пройденных в день шагов следят больше людей: 21,% среди тех, кому не больше 25 лет, и 6,5% тех, кому 61 год и старше (в среднем 13,5%).

Таблица 3

Использование функций электронных устройств, по возрастным группам, 2021 г.,
вертикальный % среди пользователей электронных устройств

Использование функций	Возраст, лет				Всего
	<= 25	26–40	41–60	>= 61	
Следят за экранним временем					
Нет	82,0	84,6	82,3	77,6	82,4
Да	13,2	9,0	6,4	3,3	8,5
Не знают о такой возможности	4,7	6,4	11,4	19,1	9,1
Следят за количеством шагов					
Нет	74,6	80,9	81,9	80,1	79,6
Да	21,2	14,3	9,5	6,5	13,5
Не знают о такой возможности	4,2	4,8	8,6	13,4	6,9

Ожидаемо, что следят за экранним временем прежде всего те, кто проводит за компьютером или телефоном практически весь день: 11,4 против 4,3% среди тех, кто делает это меньше часа (табл. 4). Интересно, что эта же группа больше следит и за количеством сделанных шагов – 27% против 3,6% среди тех, кто проводит за экраном не более часа. Получается, что это связано не столько с образом жизни, сколько с тем, что люди умеют это делать. Этот вывод подтверждает тот факт, что большинство лиц, не знающих о таких возможностях, находятся среди тех, кто меньше всего ими пользуется.

Таблица 4

Использование функций электронных устройств зависимости от времени, проведенного перед экраном, 2021 г., вертикальный % среди пользователей электронных устройств

Использование функций	Время перед экраном				Всего
	Меньше часа	1–3 часа	4–6 часов	Практически весь день	
Следят за экранним временем					
Нет	76,4	82,7	83,5	84,0	82,4
Да	4,3	6,1	12,0	11,4	8,5
Не знают о такой возможности	19,3	11,3	4,5	4,6	9,1
Следят за количеством шагов					
Нет	78,8	82,1	80,4	70,5	79,4
Да	3,6	9,2	16,8	27,0	13,6
Не знают о такой возможности	17,6	8,7	2,8	2,5	7,0

Как видно из таблицы 5, по сравнению с 2019 г. несколько снизилась доля тех, кто не играет в компьютерные игры (среди пользователей электронных устройств) – с 58,5 до 55,5%, прежде всего среди людей до 40 лет (изменение на 9–10 п.п. от доли 2019 г.), но также и среди тех, кому 41–60 лет (изменение на 4,6 п.п.).

Таблица 5

Распределение пользователей компьютерных игр по степени вовлеченности, по возрастным группам, 2019 и 2021 гг., вертикальный % среди пользователей электронных устройств

Степень вовлеченности в компьютерные игры	Возраст, лет				Всего
	<= 25	26–40	41–60	>= 61	
2021					
Не играют	34,5	51,9	66,8	76,2	55,5
1–2 раза в месяц и реже	7,2	7,7	4,6	3,2	6,0
1–2 раза в неделю	19,1	17,1	12,4	7,6	14,9
Каждый день, но не более часа	24,2	16,4	12,2	9,3	16,1
Каждый день по несколько часов	15,0	6,9	3,9	3,8	7,5
2019					
Не играют	38,0	56,8	69,9	76,8	58,5
1–2 раза в месяц и реже	6,8	7,3	3,8	2,1	5,5
1–2 раза в неделю	19,2	15,6	11,3	7,7	14,3
Каждый день, но не более часа	21,4	13,6	10,9	9,8	14,3
Каждый день по несколько часов	14,6	6,8	4,1	3,5	7,5

В течение длительного времени в ходе обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ респондентов спрашивали, пользовались ли они интернетом за 12 месяцев, но, как свидетельствуют данные таблицы 6, для молодежи до 25 лет этот показатель достиг насыщения (99,2%), а группа 26–40-летних не сильно отстает (97,2%). С 2019 г. доля пользователей интернетом в группе 41–60-летних выросла с 75,7 до 84,8%, среди пожилых – с 30,3 до 41,2%.

Таблица 6

Доля интернет-пользователей по возрастным группам, 2019–2021 гг., горизонтальный %

Возраст, лет	Год проведения исследования		
	2019	2020	2021
<= 25	97,6	99,0	99,2
26–40	93,7	96,2	97,2
41–60	75,7	81,0	84,8
>= 61	30,3	35,5	41,2
Всего	75,7	79,4	82,2

Различия по доле тех, кто использовал в интернете те или иные практики в 2019 и 2020 гг., также оказались не очень велики в силу сравнения не частоты их применения, а факта использования в течение 12 месяцев (табл. 7). Тем не менее очевидно, что снизилась доля тех, кто бронировал отели, гостиницы, туристические путевки (с 17,7 до 14,5%), что объясняется локдауном и другими ограничениями в течение нескольких месяцев 2020 г.

Таблица 7

Цели пользования интернетом, 2019–2021 гг., вертикальный % среди пользователей интернета

Цели пользования интернетом	Год проведения исследования		
	2019	2020	2021
Учеба	26,7	27,3	26,4
Работа	43,7	45,5	43,9
Развлечения	77,7	77,7	80,0
Общение с другими людьми	89,2	90,5	93,2
Получение информации о новостях	84,4	84,9	-
Получение справочных материалов	81,9	82,1	-
Получение государственных услуг: запись к врачу, оплата налогов, оформление паспорта и т. д.	45,1	44,5	55,9
Оплата коммунальных услуг, мобильного телефона, управление счетом в банке и т. п.	51,8	58,9	66,1
Бронирование билетов, гостиниц, заказ турпутевок и т. д.	17,7	14,5	19,1
Использование облачных сервисов хранения и передачи данных	25,8	28,0	30,5
Просмотр телевизионных программ	32,6	35,4	39,2
Просмотр и скачивание картинок, музыки, фильмов, текстов	61,3	56,1	59,6
Скачивание книг и чтение онлайн	30,0	29,7	31,5
Игры онлайн, просмотр или скачивание игр	30,8	36,8	39,4
Дистанционное обучение по какому-либо предмету, прохождения курса онлайн	13,0	23,9	21,1
Покупка товаров	42,2	46,4	40,3
Получение других услуг	28,3	25,7	-
Заказ такси, каршеринг	-	-	32,2
Заказ деловых и профессиональных услуг, например программирование, перевод и т. п.	-	-	6,8
Заказ бытовых и личных услуг, например уборка, ремонт, стрижка, массаж и т. п.	-	-	7,1
Посещение сайтов социальных сетей	80,1	85,5	89,8
Другое	10,4	13,8	11,6

Несколько меньше стало тех, кто скачивал картинки, музыку, фильмы, тексты (56,1 в 2020 г. вместо 61,3% в 2019 г.). Однако по многим другим направлениям использования интернета доля пользователей увеличилась: 58,9% стали оплачивать коммунальные услуги и т. д. (51,8% в 2019 г.), 28% использовали облачные сервисы хранения данных (25,8% в 2019 г.), больше людей стали смотреть ТВ-программы (35,4 против 32,6%), играть в игры или скачивать их (36,8 против 30,8%), покупать товары (46,4 против 42,2%), посещать сайты социальных сетей (85,5 против 80,1%). Особенно большой рост наблюдался по дистанционному обучению – с 13 до 23,9%.

Несколько неожиданным оказалось, что практически не изменилась доля тех, кто пользовался интернетом для работы (рост с 43,7 до 45,5%) и учебы (практически незначимые изменения с 26,7 до 27,3%), а также пользовавшихся интернетом для развлечений и общения, хотя эти практики и до пандемии были очень распространены.

За все три года наблюдений очевидна большая разница по доле пользовавшихся разными возможностями интернета по возрастным группам (табл. 8).

Таблица 8

**Цели пользования интернетом, по возрастным группам, 2019–2021 гг.,
вертикальный % среди пользователей интернета**

Цели пользования интернетом	Возраст, лет				
	14–25	26–40	41–60	>= 61	Всего
2021					
Учеба	75,2	13,9	8,2	3,0	26,4
Работа	26,9	60,4	49,7	17,7	43,9
Развлечения	92,1	85,4	72,6	59,3	80,0
Общение с другими людьми	97,6	95,2	90,7	84,5	93,2
Получение государственных услуг: запись к врачу, оплата налогов, оформление паспорта и т. д.	44,0	67,1	57,7	46,7	55,9
Оплата коммунальных услуг, мобильного телефона, управление счетом в банке и т. п.	55,0	77,6	68,2	52,8	66,1
Бронирование билетов, гостиниц, заказ турпутевок и т. д.	17,6	26,8	16,7	8,0	19,1
Использование облачных сервисов хранения и передачи данных	43,0	36,8	22,2	9,8	30,5
Просмотр телевизионных программ	44,4	44,8	34,0	27,4	39,2
Просмотр и скачивание картинок, музыки, фильмов, текстов	81,9	65,6	46,7	30,3	59,6
Скачивание книг и чтение онлайн	53,2	30,7	20,8	15,9	31,5
Игры онлайн, просмотр или скачивание игр	62,2	43,3	26,5	15,3	39,4
Дистанционное обучение по какому-либо предмету, прохождение курса онлайн	50,5	14,8	9,8	4,4	21,1
Покупка товаров или доставка еды	47,6	53,6	30,9	15,4	40,3
Заказ такси, каршеринг	37,9	40,6	26,1	14,8	32,2
Заказ деловых и профессиональных услуг, например программирование, перевод и т. п.	8,2	9,1	5,3	1,7	6,8
Заказ бытовых и личных услуг, например уборка, ремонт, стрижка, массаж и т. п.	7,6	10,0	5,7	2,1	7,1
Посещение сайтов социальных сетей	96,4	95,1	85,2	73,1	89,8
Другое	14,1	12,8	9,7	8,1	11,6

Продолжение таблицы 8

Цели пользования интернетом	Возраст, лет				
	14–25	26–40	41–60	>= 61	Всего
2020					
Учеба	75,2	15,2	8,8	3,8	27,3
Работа	27,3	59,9	53,1	18,5	45,5
Развлечения	88,7	83,4	70,2	55,6	77,7
Общение с другими людьми	95,3	92,8	87,0	82,6	90,5
Получение государственных услуг: запись к врачу, оплата налогов, оформление паспорта и т. д.	82,9	87,0	84,3	85,7	84,9
Оплата коммунальных услуг, мобильного телефона, управление счетом в банке и т. п.	87,2	83,6	79,3	73,1	82,1
Бронирование билетов, гостиниц, заказ турпутевок и т. д.	34,1	55,0	45,4	34,3	44,5
Использование облачных сервисов хранения и передачи данных	45,5	71,3	61,9	43,2	58,9
Просмотр телевизионных программ	12,0	20,3	13,4	6,6	14,5
Просмотр и скачивание картинок, музыки, фильмов, текстов	39,8	33,7	19,2	9,3	28,0
Скачивание книг и чтение онлайн	40,2	39,7	30,4	26,8	35,4
Игры онлайн, просмотр или скачивание игр	76,1	62,4	43,5	26,0	56,1
Дистанционное обучение по какому-либо предмету, прохождение курса онлайн	49,6	29,7	19,0	14,2	29,7
Покупка товаров или доставка еды	59,7	41,0	22,4	12,9	36,8
Заказ такси, каршеринг	58,8	16,0	10,1	5,1	23,9
Заказ деловых и профессиональных услуг, например программирование, перевод и т. п.	48,8	59,2	40,0	21,2	46,4
Заказ бытовых и личных услуг, например уборка, ремонт, стрижка, массаж и т. п.	28,5	33,4	20,9	10,6	25,7
Посещение сайтов социальных сетей	94,9	90,5	79,3	65,6	85,5
Другое	15,9	17,5	10,7	7,5	13,8
2019					
Учеба	72,1	14,3	9,2	4,3	26,7
Работа	26,4	57,0	50,0	19,2	43,7
Развлечения	88,9	83,4	68,7	57,7	77,7
Общение с другими людьми	94,3	92,7	84,9	77,3	89,2
Получение государственных услуг: запись к врачу, оплата налогов, оформление паспорта и т. д.	81,9	87,3	83,8	84,2	84,4
Оплата коммунальных услуг, мобильного телефона, управление счетом в банке и т. п.	86,8	83,1	78,5	75,9	81,9
Бронирование билетов, гостиниц, заказ турпутевок и т. д.	34,1	56,9	44,8	34,8	45,1
Использование облачных сервисов хранения и передачи данных	41,4	64,4	52,3	33,5	51,8

Окончание таблицы 8

Цели пользования интернетом	Возраст, лет				Всего
	14–25	26–40	41–60	>= 61	
Просмотр телевизионных программ	14,8	23,7	16,4	9,4	17,7
Просмотр и скачивание картинок, музыки, фильмов, текстов	34,2	31,9	17,8	8,6	25,8
Скачивание книг и чтение онлайн	36,6	36,5	28,1	23,8	32,6
Игры онлайн, просмотр или скачивание игр	81,4	69,3	46,4	28,9	61,3
Дистанционное обучение по какому-либо предмету, прохождение курса онлайн	46,2	31,0	20,6	13,5	30,0
Покупка товаров или доставка еды	51,6	33,7	17,2	10,4	30,8
Заказ такси, каршеринг	21,2	13,8	7,8	5,5	13,0
Заказ деловых и профессиональных услуг, например программирование, перевод и т. п.	43,3	55,3	34,7	19,0	42,2
Заказ бытовых и личных услуг, например уборка, ремонт, стрижка, массаж и т. п.	29,6	36,1	23,9	12,8	28,3
Посещение сайтов социальных сетей	92,4	86,9	70,5	54,5	80,1
Другое	13,5	11,9	7,3	8,0	10,4

По большинству практик в 2021 г. по сравнению с 2020 г. наблюдался рост доли пользователей во всех возрастных группах (кроме курсов онлайн и покупки еды), но при этом разрыв между самыми молодыми (14–25 лет) и самыми пожилыми (61 год и старше) остается драматическим. Понятно, что это в первую очередь касается учебы и работы, так как многие пожилые люди не учатся и не работают. Но и по другим видам активности разрыв очень большой. Так, в 2022 г. среди людей до 24 лет использовали интернет для развлечений 92,1%, а среди тех, кому больше шестидесяти, – 59,3%. По другим видам использования интернета также наблюдаются разрывы между самыми молодыми и самыми пожилыми респондентами: посещение сайтов социальных сетей – 96,4 против 73,1% соответственно; игры онлайн – 62,2 против 15,3%; просмотр и скачивание контента – 81,9 против 30,3%; скачивание книг и чтение онлайн – 53,2 против 15,9%; использование облачных сервисов – 43 против 9,8%; курсы онлайн – 50,5 против 4,4%.

Наименьший возрастной разрыв у респондентов наблюдается в сферах получения государственных услуг (выше всего доля пользующихся среди тех, кому 26–40 лет (67,1%), а молодежь и пожилые примерно на одном уровне (около 45%)), просмотра ТВ-программ, оплаты коммунальных услуг.

В 2021 г. в вопрос о целях использования интернета были вставлены два новых варианта ответа – о заказе такси и каршеринге и о заказе деловых и бытовых услуг. Заказом такси и/или каршерингом через интернет пользовался каждый третий россиянин (самая высокая доля (40,6%) – среди людей 26–40 лет). Заказ деловых и бытовых услуг гораздо менее востребован (6,8 и 7,1% соответственно), самая активная группа среди пользователей данными услугами – также люди в возрасте 26–40 лет.

Интернет предоставляет возможность не только использования его для работы и учебы, но и для дополнительного источника заработка. По крайней мере, такое впечатление может сложиться, если читать истории о чуть ли не миллионных доходах блогеров. Однако вопрос, заданный в 2021 г.: «Вы получали за последние 12 месяцев доход при помощи интернета..?», с возможностью отметить разные опции (табл. 9), показал, что лишь 7,2% россиян, пользовавшихся интернетом, зарабатывали таким образом (больше всего (11,1%) – среди людей 26–40 лет, меньше всего (1,6%) – среди пожилых). Самый распространенный способ – это продажа своих вещей, то есть это не регулярный заработок (он был у 3,7% людей); на втором месте – это выполнение каких-либо услуг (1,7%, а среди людей 26–40 лет – 2,5%), что может быть ближе к фрилансу. В качестве блогеров зарабатывают больше всего самые молодые, но это всего 1,1% респондентов в этом возрасте.

Таблица 9

Получение дохода при помощи интернета, по возрастным группам, 2021 г.,
вертикальный % среди пользователей интернета

Доход	Возраст, лет				Всего
	14–25	26–40	41–60	>= 61	
От продажи собственных вещей, игрушек, одежды, мебели и др. частным лицам	4,4	5,8	2,3	0,2	3,7
От продажи Вашего имущества: автомобиль, недвижимость	0,3	1,6	0,9	0,2	0,9
От продажи товаров, изготовленных своими руками: кондитерских изделий, украшений и т. п.	0,9	0,7	0,5	0,3	0,7
От заказа Вам услуг по перевозке пассажиров, доставке еды или товаров	0,6	1,0	0,9	0,2	0,8
От заказа Вам бытовых и личных услуг: уборка, ремонт, стрижка, массаж	0,5	1,0	0,5	0,2	0,6
От заказа Вам деловых и профессиональных услуг: программирование, переводы, репетиторство и т. д.	1,8	2,5	1,3	0,4	1,7
От сдачи в аренду принадлежащего Вам жилья, гаража	0,1	0,6	0,5	0,4	0,4
От ведения блога или аккаунта в социальных сетях	1,1	0,6	0,4	0,0	0,6
От покупки и продажи валюты и ценных бумаг на бирже	0,3	0,2	0,1	0,0	0,2
От хотя бы одного вида деятельности из перечисленных	7,4	11,1	5,4	1,6	7,2

За время пандемии COVID-19 выросла доля посетителей социальных сетей среди пользователей интернета: за 2019–2021 гг. среди тех, кому 14–24 года, она увеличилась с 92,4 до 96,4%; среди тех, кому 26–40 лет, – с 86,9 до 95,1%; среди тех, кому 41–60 лет, – с 70,5 до 85,2%; среди тех, кому за 60 лет, – с 54,5 до 73,1%.

В 2021 г. респондентам задали ряд вопросов о том, становились ли они жертвами насилия, а также цифровых преступлений (табл. 10).

Таблица 10

Доля людей, становившихся жертвами различных преступлений, по возрастным группам, 2021 г., вертикальный %

Вопросы	Возраст, лет				Всего
	14–25	26–40	41–60	>= 61	
В течение последних 5 лет случилось так, что Вы или члены Вашей семьи становились жертвами грабежа, нападения или насилия?	1,9	3,4	2,5	1,9	2,5
А за последние 12 месяцев с Вами лично такое случилось?	0,4	0,8	1,1	0,6	0,8
Вам лично за последние 12 месяцев приходилось сталкиваться с:					
кражей средств с банковского счета, электронного кошелька	0,7	1,2	1,0	0,7	0,9
взломом электронной почты	1,8	1,7	0,7	0,3	1,1
взломом личной страницы, аккаунта в социальной сети	6,1	4,1	1,7	0,5	3,0
взломом личного кабинета в интернет-магазине, на портале игр и пр.	0,5	0,5	0,3	0,1	0,3
утечкой личных данных: паспортные данные, номер банковской карты и пр.	0,9	1,5	1,7	1,2	1,4
заражением компьютера вирусами	5,2	4,7	2,5	1,1	3,3
с заражением смартфона, планшета или других электронных устройств вирусами	2,2	2,6	1,4	0,3	1,7
Были жертвой хотя бы одного вида цифровых преступлений?	10,1	10,2	6,5	3,2	7,5

Среди людей в возрасте 26–40 лет 3,4% ответили, что они или члены их семьи за пять лет были жертвами грабежа, нападения или насилия (а за 12 месяцев – 0,8%). В группе людей 41–60 лет эти цифры составляют 2,5 и 1,1% соответственно, а среди самых молодых и пожилых уровень виктимности практически одинаков: за пять лет – 1,9%, за 12 месяцев – 0,4 и 0,6%.

Но особенно интересен уровень виктимности в сфере цифровых преступлений. В среднем за 12 месяцев 7,5% россиян столкнулись хотя бы с одним из них; больше всего – с заражением компьютера вирусами (3,3%) и взломом аккаунта в социальной сети (3%), несколько реже – с утечкой данных (1,4%) или взломом электронной почты (1,1%). Не удивительно, что чаще всего жертвами таких преступлений становятся более молодые, обычно в возрасте до 40 лет.

По сравнению с 2019 г. изменилась доля пользователей разных соцсетей (табл. 11).

Таблица 11

**Посещение социальных сетей онлайн, по возрастным группам, 2019–2021 гг.,
вертикальный % среди посетителей социальных сетей**

Социальные сети	Возраст, лет				Всего
	14–25	26–40	41–60	>= 61	
2021					
Одноклассники	37,7	49,1	61,2	62,7	51,1
ВКонтакте	86,1	74,3	51,4	37,2	66,9
Фейсбук	27,5	22,7	14,9	10,7	20,4
Твиттер	16,9	10,4	4,5	3,6	9,6
Инстаграм	70,9	61,3	38,8	23,5	53,4
Ютьюб	68,5	57,5	43,0	30,2	53,4
Телеграм	41,1	27,4	15,2	7,0	25,4
чаты, форумы в Ватсапе	77,8	79,9	74,1	65,7	76,2
Тик-Ток	57,8	41,1	27,5	17,6	39,2
2020					
Одноклассники	41,6	54,4	65,2	69,8	55,3
ВКонтакте	86,7	75,7	51,3	33,7	68,2
Фейсбук	25,4	19,6	14,9	10,8	19,2
Твиттер	14,0	8,0	4,0	2,0	8,0
Инстаграм	66,0	57,0	32,0	15,0	49,0
Ютьюб	59,0	49,0	35,0	25,0	46,0
Телеграм	28,0	17,0	8,0	4,0	17,0
чаты, форумы в Ватсапе	71,0	72,0	63,0	54,0	67,0
2019					
Одноклассники	42,7	63,7	76,9	83,6	62,3
ВКонтакте	89,9	78,5	55,1	38,7	72,9
Фейсбук	20,1	16,7	13,6	13,4	16,6
Твиттер	9,7	5,1	2,5	3,6	5,6
Инстаграм	58,1	46,1	25,7	14,3	41,7
Ютьюб	50,4	41,0	28,6	20,1	38,9
Телеграм	15,7	9,9	4,6	3,6	9,7

С 2019 по 2021 г. снизился спрос на «Одноклассники» (с 62,3 до 51,1%) и «ВКонтакте» (с 72,9 до 66,9%). Напротив, выросла доля пользователей «Фейсбука» (с 16,6 до 20,4%), «Инстаграма» (с 41,7 до 53,4%), «Ютьюба» (с 38,9 до 53,4%), «Телеграма» (с 9,7 до 25,4%). Первенство держит «Ватсап» (76,2% в 2021 г.), но все же его функция – скорее мессенджер, чем социальная сеть с работой групп, блогеров и т. д. «Тик-ток» в 2021 г. посещали 39,2% опрошенных.

Продолжает наблюдаться сильное различие аудитории социальных сетей. Молодые предпочитают «ВКонтакте», «Инстаграм», «Ютьюб», «Тик-Ток», Люди старше 40 лет – «Одноклассники». Разница в зависимости от возраста в долях пользователей «Фейсбука» есть (молодые больше пользуются, чем люди в возрасте), но не такая сильная, как у использующих чаты в «Ватсапе».

Каждый четвертый россиянин, пользовавшийся социальной сетью, в 2021 г. посещал ее практически каждый день (табл. 12).

Таблица 12

Распределение ответа на вопрос:
«Как часто Вы посещаете социальную сеть, которой пользуетесь чаще всего?»,
 по возрастным группам, 2019–2021 гг., вертикальный % среди посетителей социальных сетей

Частота посещений	Возраст, лет				Всего
	14–25	26–40	41–60	>= 61	
2021					
Раз в год или реже	0,1	0,1	0,4	0,3	0,2
Несколько раз в год	0,2	0,5	0,4	1,0	0,4
Раз в месяц	0,3	1,1	1,5	2,6	1,1
2–3 раза в месяц	1,0	2,3	3,7	3,9	2,5
1–2 раза в неделю	7,7	12,6	20,8	26,6	15,1
Практически каждый день	90,7	83,4	73,2	65,7	80,5
2020					
Раз в год или реже	0,0	0,3	0,1	0,2	0,2
Несколько раз в год	0,3	0,2	0,6	1,0	0,4
Раз в месяц	0,1	0,5	1,3	1,0	0,7
2–3 раза в месяц	0,3	1,8	3,9	5,8	2,3
1–2 раза в неделю	6,3	13,3	23,4	27,5	15,6
Практически каждый день	93,1	83,9	70,6	64,5	80,9
2019					
Раз в год или реже	0,0	0,0	0,2	0,6	0,1
Несколько раз в год	0,2	0,6	1,5	1,8	0,8
Раз в месяц	0,3	0,9	2,3	1,5	1,2
2–3 раза в месяц	1,0	4,2	6,2	8,4	4,1
1–2 раза в неделю	9,8	20,0	28,7	31,0	20,2
Практически каждый день	88,7	74,2	61,1	56,7	73,6

Среди молодежи до 24 лет пользовавшихся соцсетями каждый день в 2021 г. было 90,7%, причем эта доля даже снизилась по сравнению с 2020 г. с 93,1%; среди людей в возрасте 26–40 лет – 83,4%, в возрасте 41–60 лет – 73,2%, в возрасте 61 год и старше – 65,7%. Эти доли практически не изменились за три года. В 2021 г. респондентов спросили, следят ли они за количеством времени, которое проводят в социальных сетях. Положительно на этот вопрос ответили 10,9% лиц 14–24 лет, 9,9% тех, кому 26–40 лет, 9,1% тех, кому 41–60 лет, и 7,6% людей более старшего возраста.

Пандемия в 2020 г. привела к тому, что люди стали несколько реже очно встречаться с друзьями, но не очень сильно повлияла на частоту встреч с родственниками. Несмотря на продолжение волн COVID-19 осенью 2021 г., частота очных встреч с друзьями была выше, чем в 2020 г., в первую очередь среди людей до 40 лет. Но и в целом частота встреч с друзьями сильно падает у тех, кому больше 25 лет: если почти каждый день с ними видятся 58,9% молодежи до 25 лет, то в возрасте 26–40 лет – 30,2%, в возрасте 41–60 лет – 23,6%, а в 61 год и старше – 12,6%.

Частота встреч с родственниками практически не изменилась ни по сравнению с 2019 г., ни по сравнению с 2020 г. (небольшая разница есть, но в пределах ошибки измерения). С родственниками молодежь также видится чаще, чем люди более старшего возраста (табл. 13).

Таблица 13

Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы общаетесь лично, при встрече с ...?», по возрастным группам, 2019–2021 гг., вертикальный %

Частота встреч	Возраст, лет				Всего
	14–25	26–40	41–60	>= 61	
2021					
С друзьями, знакомыми					
Каждый день	58,9	30,2	23,6	12,6	30,5
Несколько раз в неделю	29,5	36,9	35	30,3	33,4
Раз в одну-две недели	8,5	19,8	20,5	21,2	17,9
Реже	2,6	12,4	19,8	29,5	16,3
Никогда или нет друзей	0,5	0,7	1,1	6,4	1,9
С родителями, детьми, другими родственниками					
Каждый день	73,6	68,4	53,9	35,6	58,0
Несколько раз в неделю	12,5	15,8	22,3	28,7	19,9
Раз в одну-две недели	6,4	8,3	11,2	15,6	10,3
Реже	6,4	6,4	10,2	16,3	9,7
Никогда или нет родственников	1,1	1,2	2,3	3,8	2,1
2020					
С друзьями, знакомыми					
Каждый день	55,1	27,8	23,2	11,8	28,6
Несколько раз в неделю	28,2	36,8	34,0	28,2	32,4
Раз в одну-две недели	11,5	20,8	20,4	21,9	19,0
Реже	4,5	13,9	21,1	31,9	18,1
Никогда или нет друзей	0,7	0,7	1,3	6,1	2,0
С родителями, детьми, другими родственниками					
Каждый день	74,5	68,0	55,0	38,5	59,0
Несколько раз в неделю	12,3	15,8	19,9	26,2	18,6
Раз в одну-две недели	7,7	7,5	10,9	15,7	10,3
Реже	4,8	8,0	11,8	15,9	10,2
Никогда или нет родственников	0,7	0,6	2,4	3,7	1,9

Продолжение таблицы 13

Частота встреч	Возраст, лет				
	14–25	26–40	41–60	>= 61	Всего
2019					
С друзьями, знакомыми					
Каждый день	62,4	35,3	26,9	15,1	33,8
Несколько раз в неделю	25,1	34,9	34,7	31,4	32,2
Раз в одну-две недели	6,9	18,6	18,7	20,6	16,7
Реже	4,5	10,7	18,4	27,9	15,5
Никогда или нет друзей	1,1	0,5	1,3	5,0	1,8
С родителями, детьми, другими родственниками					
Каждый день	75,6	67,2	53,6	39,3	58,7
Несколько раз в неделю	11,7	17,5	20,6	26,2	19,1
Раз в одну-две недели	6,8	7,1	10,4	14,2	9,6
Реже	4,9	6,9	12,7	16,2	10,3
Никогда или нет родственников	1,1	1,3	2,7	4,1	2,3

Если сравнивать 2019 и 2020 гг., то немного выросла доля тех, кто чуть ли не каждый день общался по телефону или при помощи интернета как с друзьями, так и с родственниками (табл. 14).

Таблица 14

Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы общаетесь по телефону или с помощью интернета: по Skype, WhatsApp, в социальных сетях...», по возрастным группам, 2019–2021 гг., вертикальный %

Частота общения	Возраст, лет				
	14–25	26–40	41–60	>= 61	Всего
2021					
С друзьями, знакомыми					
Каждый день	69,2	46,0	33,9	20,8	41,8
Несколько раз в неделю	24,4	39,1	39,3	33,6	35,0
Раз в одну-две недели	4,1	9,6	14,7	20,6	12,4
Реже	1,4	4,7	8,8	15,5	7,5
Никогда или нет друзей	0,9	0,5	3,3	9,6	3,4
С родителями, детьми, другими родственниками					
Каждый день	74,0	68,6	60,7	47,0	62,7
Несколько раз в неделю	16,1	22,5	24,9	30,3	23,6
Раз в одну-две недели	4,1	4,2	5,7	8,1	5,5
Реже	3,0	2,9	4,3	5,9	4,0
Никогда или нет родственников	2,8	1,8	4,3	8,7	4,2

Продолжение таблицы 14

Частота общения	Возраст, лет				
	14-25	26-40	41-60	>= 61	Всего
2020					
С друзьями, знакомыми					
Каждый день	67,9	42,4	30,7	18,3	38,8
Несколько раз в неделю	23,5	39,3	38,8	32,7	34,6
Раз в одну-две недели	4,6	11,7	16,2	18,5	13,2
Реже	2,6	4,6	10,6	19,2	9,2
Никогда или нет друзей	1,5	2,0	3,6	11,2	4,3
С родителями, детьми, другими родственниками					
Каждый день	71,5	66,6	59,4	47,9	61,4
Несколько раз в неделю	17,8	22,0	23,3	28,4	22,9
Раз в одну-две недели	4,2	5,1	7,2	8,2	6,2
Реже	3,7	3,5	5,6	6,7	4,9
Никогда или нет родственников	2,8	2,8	4,5	8,8	4,6
2019					
С друзьями, знакомыми					
Каждый день	65,0	45,0	30,7	18,1	38,8
Несколько раз в неделю	24,8	35,1	37,5	33,2	33,5
Раз в одну-две недели	4,7	11,5	14,5	16,5	12,1
Реже	3,8	5,9	11,8	18,4	10,0
Никогда или нет друзей	1,8	2,5	5,5	13,9	5,6
С родителями, детьми, другими родственниками					
Каждый день	70,9	63,2	55,0	44,6	58,3
Несколько раз в неделю	17,3	21,4	24,3	27,8	22,8
Раз в одну-две недели	3,9	5,0	7,7	8,9	6,5
Реже	3,6	5,5	6,5	6,9	5,7
Никогда или нет родственников	4,3	4,8	6,4	11,8	6,7

Очевидно, что начало пандемии коронавируса, ограничения на выход из дома, локдаун немного снизили частоту личного общения и привели к росту дистанционных разговоров. Но к осени 2021 г. ситуация не вернулась к допандемийной, даже наоборот, еще больше стала доля тех, кто общался таким образом с друзьями и родственниками каждый день. Как и для очного общения, лидерами здесь являются молодые люди до 24 лет, а реже других это делают пожилые в возрасте 61 года и старше.

Мы имеем возможность сравнить частоту досуговых занятий россиян в 2016 и 2021 гг. Респондентам задавался вопрос: «Как часто за последний год в свободное время, за исключением отпуска, Вы..?», – с вариантами ответа, представленными в таблице 15. Варианты частоты занятий были таковы: «практически каждый день», «не реже раза в неделю», «не реже раза в месяц», «хотя бы раз в год», «практически

никогда». Эта шкала была переведена в примерное число раз в месяц, когда респондент проводил досуг определенным образом, и затем мы рассчитали среднее количество раз в месяц для каждой возрастной группы, для не занимавшихся данная переменная равна нулю.

Таблица 15

Частота досуговых занятий, по возрастным группам, 2016 и 2021 гг., среднее количество раз в месяц

Как часто за последний год в свободное время, за исключением отпуска, Вы..?	Возраст, лет				Всего
	14–25	26–40	41–60	>= 61	
2021					
Посещали театры, кино, концерты, музеи, спортивные мероприятия в качестве зрителя	0,4	0,2	0,1	0,0	0,2
Смотрели фильмы, спектакли, музейные выставки и т. д. онлайн	3,3	3,1	1,7	1,2	2,3
Занимались спортом, физкультурой	5,5	2,6	1,7	1,7	2,7
Проводили время на природе, гуляли, катались на велосипеде	8,5	6,3	5,3	6,9	6,6
Смотрели телевизор	18,0	20,7	23,5	26,6	22,2
Читали книги, включая электронные, или слушали аудиокниги	10,4	6,2	5,4	6,3	6,8
Слушали музыку, смотрели видео	20,7	15,5	10,2	6,0	12,9
Играли на компьютере, проводили время в интернете	21,5	16,8	11,8	4,7	13,7
Работали на приусадебном, садовом, огородном участке	2,0	3,4	6,5	7,6	5,0
Посещали кафе, рестораны, бары, ночные клубы	1,1	0,8	0,4	0,1	0,6
Встречались с друзьями, родственниками очно, не онлайн	12,1	6,4	5,3	4,1	6,8
Прогуливались по магазинам, торговым центрам	5,1	5,6	5,1	4,5	5,1
Занимались творческими занятиями: играли на музыкальных инструментах, рисовали и т. п.	2,5	1,4	1,1	0,7	1,4
Играли, гуляли с детьми	4,3	12,2	5,6	2,8	6,4
Ничего не делали, отдыхали	8,6	6,6	6,8	12,1	8,2
2016					
Посещали театры, кино, концерты, музеи, спортивные мероприятия в качестве зрителя	0,8	0,4	0,3	0,2	0,4
Занимались спортом, физкультурой – платно или без оплаты	5,6	2,3	1,6	1,8	2,6
Проводили время на природе, гуляли, катались на велосипеде	7,6	5,7	4,5	6,8	5,9
Смотрели телевизор	22,3	23,9	26,0	27,1	25,0
Читали книги	9,5	5,2	5,8	6,7	6,5
Слушали музыку, аудиокниги, смотрели видео	21,2	14,7	8,9	5,7	12,2
Играли на компьютере, проводили время в интернете	23,8	17,3	10,2	3,4	13,4
Работали на приусадебном, садовом, огородном участке	3,3	5,1	8,8	9,2	6,8

Продолжение таблицы 15

Как часто за последний год в свободное время, за исключением отпуска, Вы..?	Возраст, лет				
	14–25	26–40	41–60	>= 61	Всего
Посещали кафе, рестораны, бары	1,2	0,7	0,2	0,1	0,5
Встречались с друзьями, родственниками	10,6	5,4	5,0	5,2	6,2
Посещали ночные клубы	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1
Прогуливались по магазинам, торговым центрам	3,2	3,8	3,8	3,9	3,7
Занимались творческими занятиями: играли на музыкальных инструментах, рисовали и т. п.	2,3	1,3	1,0	0,8	1,3
Играли, гуляли с детьми	5,2	12,8	5,5	3,2	7,0
Ничего не делали, отдыхали	6,0	4,8	5,3	10,8	6,4

Если сравнивать среднюю частоту каждого из видов занятий, то в 2021 г. по сравнению с 2016 г. россияне в возрасте от 14 лет и старше стали немного реже ходить в кино, театры, музеи и т. д. Правда, частота этих занятий и так была очень мала (в среднем раз в 2,5 месяца в 2016 г. и раз в пять месяцев в 2021 г.). Даже самая активная группа, 14–25-летних, в допандемийное время посещала «зрелища» реже, чем раз в месяц. За пять лет несколько снизилась частота работы на садовом или огородном участке: с 6,8 до 5 раз в месяц, и это касается даже самых пожилых (с 9,2 до 7,6 раз в месяц). Россияне стали реже смотреть телевизор — 22 дня в месяц вместо 25 дней в месяц. Правда, это снижение почти не затронуло пожилых (они смотрят его около 27 дней в месяц). Небольшой рост частоты наблюдался для прогулок по торговым центрам (с 3,7 до 5,1 раз в месяц), а также пассивного отдыха (с 6,4 до 8,2 раз, правда, многие затруднились ответить, как часто они ничего не делали).

По остальным занятиям в среднем частота осталась неизменной, хотя если смотреть по возрастным группам, то молодежь стала чуть чаще гулять и встречаться с друзьями и родственниками и немного реже играть на компьютере или проводить время в интернете (21,5 дня в месяц вместо 23,8).

Конечно, ожидаемо, что с возрастом падает частота практически всех занятий, кроме просмотра телевизора и работы на приусадебном участке. Но гуляют или играют с детьми чаще всего люди в возрасте 26–40 лет (12,2 дня в месяц). В зависимости от частоты можно выделить практически ежедневные занятия — просмотр телевизора — или очень частые: прослушивание музыки, компьютерные игры или навигация в интернете — к таким видам досуга прибегают чуть реже, чем раз в два дня. Чаше, чем раз в неделю в среднем, россияне гуляют, читают, работают на участке, встречаются с друзьями или родственниками, играют с детьми, посещают торговые центры или просто ничего не делают. Чуть чаще, чем раз в две недели, занимаются спортом, смотрят фильмы онлайн и чуть реже — занимаются творческими занятиями. Походы в кафе случаются примерно раз в два месяца (а среди молодежи — чуть чаще раза в месяц), а в театры или музеи — раз в пять месяцев.

Мы можем также сравнить по некоторым позициям питание россиян в 2019 и 2021 г. (табл. 16). В эти годы в анкету был включен вопрос: «Как часто Вы лично употребляете..?», — с вариантами ответа, перечисленными в таблице 16, и следующими возможностями выбора частоты: «почти каждый день», «1–2 раза в неделю»,

«1–2 раза в месяц», «никогда». Эта шкала была переведена в примерное число раз в месяц, когда респондент потреблял такие продукты, и затем мы рассчитали среднее количество раз в месяц для каждой возрастной группы, считая переменную равной нулю при выборе ответа «никогда».

Таблица 16

Частота потребления некоторых продуктов, по возрастным группам, 2019 и 2021 гг.,
среднее количество раз в месяц

Продукты	Возраст, лет				Всего
	14–25	26–40	41–60	>= 61	
2021					
Овощи	24,4	25,3	25,3	25,9	25,2
Фрукты	22,1	21,7	19,9	20,0	20,8
Мясо, мясные продукты	21,3	22,3	21,2	18,3	20,9
Рыба, птица и изделия из них	13,1	13,7	12,6	11,7	12,8
Конфеты, торты и т. п.	18,4	14,3	12,6	10,9	13,9
Сладкие напитки: лимонад, кола и т. п.	9,2	6,0	3,7	1,8	5,0
Еда, приготовленная в заведениях быстрого питания типа Макдоналдс	2,1	1,4	0,6	0,1	1,0
2019					
Овощи	24,3	25,2	24,7	25,0	24,8
Фрукты	20,6	20,4	18,2	19,0	19,4
Мясо, мясные продукты	21,4	22,4	20,9	18,7	20,9
Рыба, птица и изделия из них	14,3	13,9	13,1	12,3	13,4
Конфеты, торты и т. п., сладкие напитки: лимонад, кола и т. п.	19,6	16,6	14,6	12,7	15,8
Еда, приготовленная в заведениях быстрого питания типа Макдоналдс	2,3	1,6	0,7	0,2	1,2

Как видно из таблицы 16, за два года средняя частота потребления овощей, фруктов, мяса, рыбы и фастфуда практически не изменилась. По сладостям сопоставление сделать труднее, так как конфеты и сладкая газировка в 2021 г. были выделены в разные позиции. Между разными возрастными группами различия есть, но не слишком большие. Можно сказать, что люди старшего возраста чуть чаще молодежи едят овощи, а остальные продукты и напитки чаще потребляют люди 14–25 лет. Из выделенных групп продуктов чаще всего россияне едят овощи (25 раз в месяц, но наверняка сюда включен также картофель), фрукты и мясо (примерно 21 раз в месяц, но пожилые несколько реже). Рыба бывает на столе 13 раз в месяц, сладости – 14 раз (а среди молодежи – 18 раз). Сладкие напитки, газировку в основном потребляют люди 14–25 лет – 9 раз в месяц, – и они же чаще всех едят фастфуд – 2 раза в месяц.

Наконец, сравним, как изменялись здравоохранительные привычки россиян. Посмотрим на долю тех, кто не пил, не курил и занимался спортом (табл. 17).

Таблица 17

Доля некурящих, не пьющих алкоголь и занимающихся спортом респондентов, по возрастным группам, 2019–2021 гг., вертикальный %

Характеристики респондентов	Возраст, лет				
	14–25	26–40	41–60	>= 61	Всего
2021					
Некурящие	85,5	66,8	67,6	85,9	74,8
Непьющие	67,8	32,4	33,8	53,7	44,6
Занимаются спортом	45,8	21,6	12,9	8,7	21,2
2020					
Некурящие	87,4	68,1	67,2	86,3	75,4
Непьющие	66,3	31,0	33,2	53,8	43,6
Занимаются спортом	42,9	21,3	12,3	8,0	20,0
2019					
Некурящие	86,3	65,4	67,6	86,0	74,5
Непьющие	64,4	29,5	31,4	50,6	41,5
Занимаются спортом	45,8	21,6	12,9	8,7	21,2

Доля некурящих в 2021 г. практически не изменилась (около 75%), причем среди молодежи и пожилых – около 86%, а среди людей среднего возраста – примерно 67%. Спортом занимаются 21,2% россиян (в 2020 г. – 20%), больше всего среди людей 14–25 лет – 45,8%, среди тех, кому 26–40 лет, эта доля снижается до 21,6%, для группы 41–60 лет это уже 12,9% и всего 8,7% среди пожилых. Продолжает расти, хотя и совсем немного, доля непьющих: с 41,5% в 2019 г. до 44,6% в 2021 г. При этом рост происходит во всех возрастных группах. Но, конечно, больше всего абстинентов среди молодежи – 67,8%, на втором месте пожилые – 53,8%, в среднем возрасте не пьют алкоголь около 32–34%.

В 2021 г. курящих россиян мы также спросили о том, что именно они курят, так как за последние годы широко распространились альтернативные виды курения – системы нагревания табака и кальяны (табл. 18).

Таблица 18

Доля курящих разные виды табачных изделий, по возрастным группам, 2021 г., вертикальный % среди куривших за последние 7 дней

Вид табачных изделий	Возраст, лет				
	14–25	26–40	41–60	>= 61	Всего
Папиросы	0,5	0,7	1,7	2,0	1,3
Сигареты с фильтром	72,7	88,4	94,0	92,7	89,4
Сигареты без фильтра	1,9	1,6	2,7	4,4	2,4
Сигары или сигариллы	1,0	0,1	0,4	0,0	0,3
Самокрутки	1,5	0,2	0,9	2,5	0,9
Трубка	0,5	0,3	0,1	0,4	0,3
Электронные сигареты, системы нагревания табака, вейп и т. п.	38,4	12,1	3,5	1,6	10,4
Кальян	27,0	11,1	2,3	0,7	8,0

Можно сказать, что доминируют, как и ранее, все же сигареты с фильтром – их курят 89,4% всех куривших, но среди молодежи существенно меньше – 72,7%, а среди пожилых – 92,7%. На втором месте электронные сигареты, вейп и т. д., их курят 10,4% респондентов, а среди людей в возрасте 14–25 лет – 38,4%. Более старшая группа, 26–40 лет, выбирает этот тип табачных изделий в гораздо меньшей степени – 12,1% респондентов, а среди 41–60-летних таких всего 3,5%. Третье место занимает кальян (8%), также наиболее популярный у молодых, его выбирают 27% молодежи, и менее популярный у тех, кому 26–40 лет, – его предпочитают 11,1% представителей данной группы. Среди тех, кому 41–60 лет, кальян курят 2,3%, а среди пожилых – 0,7%. Прямо противоположная картина наблюдается в группе курящих сигареты без фильтра (таких всего 2,4%) – этот вид табачных изделий предпочитают прежде всего пожилые люди (4,4%), и в группе курящих папиросы (1,3% по выборке), среди которых тоже больше пожилых (2%). Менее 1% респондентов выбирают самокрутки (среди пожилых – 2,5%), и единицы – трубку (0,3%).

Хотя можно сказать, что по факту молодежь ведет гораздо более здоровый образ жизни, чем люди среднего возраста и пожилые, они меньше интересуются информацией о здоровом образе жизни – 53% совсем не интересуются, тогда как среди людей более старшего возраста таких около половины (табл. 19).

Таблица 19

Распределение ответов на вопрос: «Вы интересуетесь информацией о здоровом образе жизни?», по возрастным группам, 2021 г., вертикальный %

Ответы	Возраст, лет				Всего
	14–25	26–40	41–60	>= 61	
Да, специально ищу такую информацию	7,5	7,1	5,5	5,8	6,4
Специально не ищу, но если попадается, читаю, смотрю	39,5	43,9	44,0	44,1	43,0
Нет, совсем не интересуюсь подобной информацией	53,0	49,0	50,5	50,1	50,6

Обратимся теперь более конкретно к вопросам, связанным с пандемией. Напомним, что первые заболевшие COVID-19 в России появились в конце февраля 2020 г.; апрель, май и частично июнь были временем довольно высокой заболеваемости, особенно в Москве, и в большинстве районов был объявлен локдаун. К началу осени 2020 г. ситуация немного улучшилась, но затем пришла новая волна заболеваемости, в некоторых регионах снова были закрыты театры и музеи. С января 2021 г. началась активная кампания по вакцинации, к концу весны она начала буксовать и в некоторых сферах занятости ввели принудительную вакцинацию. Кроме того, на пиках заболеваемости подтверждение наличия прививки стали требовать при посещении театров, музеев и т. д., ввели так называемый QR-код, который нужно было предъявлять при входе. Поэтому для некоторых категорий людей вакцинация оказалась вынужденной для того, чтобы иметь возможность работать или посещать общественные учреждения. Лето 2021 г. оказалось периодом спада, во многом благодаря широкой кампании вакцинации как в России, так и в других странах. Послабления позволили людям снова путешествовать, в том числе за рубеж. Однако осень 2021 г. была связана с новой волной заболеваемости, и хотя полный запрет на въезд вводили немногие страны, однако нередко нужно было предъявить сертификат о вакцинации, причем разные страны признава-

ли разные вакцины. Затем в январе-феврале 2022 г. новый виток пандемии был связан с появлением штамма «омикрон», который был более заразным, но менее вирулентным. Так как опрос РМЭЗ НИУ ВШЭ традиционно проходит в сентябре-декабре, этот период пандемии уже оказался за рамками данного исследования. Но уже к осени 2021 г. коронавирус перестал казаться таким страшным, как при его появлении, люди постепенно привыкли и старались жить обычной жизнью. Тем не менее оценка риска заразиться в ближайший год практически не изменилась, причем она не зависела от возраста (табл. 20).

Таблица 20

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, насколько вероятно, что Вы заразитесь коронавирусом в следующие 12 месяцев?», по возрастным группам, 2020 и 2021 гг., среднее значение (от 1 – «точно не заражусь» до 10 – «наверняка заражусь»)

Год проведения исследования	Возраст, лет				Всего
	14–25	26–40	41–60	>= 61	
2021	4,7	5,0	5,0	4,9	4,9
2020	4,8	4,9	5,0	4,9	4,9

Создавалось впечатление, что в силу обязательного тестирования при заболевании, а также стремления некоторых людей следить за антителами после прививки или болезни, что уже все население России сталкивалось с ПЦР-тестами или сдавало кровь, однако даже осенью 2021 г. лишь 40% всех опрошенных проходили хотя бы один вид тестирования. Как видно из таблицы 21, больше всего ни разу не тестировавшихся респондентов среди молодежи и пожилых людей.

Таблица 21

Распределение ответов на вопрос: «Начиная с февраля 2020 г. Вы проходили тестирование на наличие коронавирусной инфекции или антител к коронавирусу: сдавали мазок из носоглотки, кровь из вены?», по возрастным группам, 2020 и 2021 гг., вертикальный %

Ответы	Возраст, лет				Всего
	14–25	26–40	41–60	>= 61	
2021					
Да, несколько раз	19,0	25,8	25,5	17,1	22,5
Да, однократно	16,8	18,5	18,2	14,1	17,2
Нет, ни разу	64,0	55,6	56,0	68,7	60,1
Затрудняюсь ответить	0,2	0,2	0,3	0,0	0,2
2020					
Да, несколько раз	5,9	11,7	11,1	4,5	8,9
Да, однократно	13,6	14,2	12,9	6,8	12,2
Нет, ни разу	80,0	73,4	75,5	88,2	78,4
Затрудняюсь ответить	0,5	0,7	0,5	0,4	0,5

В 2020 г. ни разу не сдавали ПЦР-тест 80% молодых людей от 14 до 25 лет и 88,2% людей старше 61 года. В 2021 г. эти показатели упали до 64 и 68,7% соответственно, однако остались самыми высокими среди всех возрастных групп.

Осенью 2020 г., по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, среди населения 14 лет и старше было около 3% переболевших. Как свидетельствуют данные таблицы 22, осенью 2021 г. уже 14,4% респондентов ответили, что имели положительный ПЦР-тест, причем 2,2% указали, что болели бессимптомно. Доля «явно болевших» ниже всего среди молодежи (8%) и выше всего – среди людей 41–60 лет (14,9%).

Таблица 22

Распределение ответов на вопрос: «У Вас был хотя бы один раз положительный результат ПЦР-тестирования на коронавирус?», по возрастным группам, 2021 г., вертикальный %

Варианты ответов	Возраст, лет				
	14–25	26–40	41–60	>= 61	Всего
Да, явно болели, и был положительный результат тестирования ПЦР	8,0	12,3	14,9	12,2	12,2
Да, болели бессимптомно, и был положительный результат тестирования ПЦР	2,2	2,7	2,4	1,1	2,2
Все тесты ПЦР были отрицательные	24,0	27,7	25,0	16,8	23,8
Не делали тест ПЦР	65,8	56,9	57,6	69,7	61,6
Затрудняетесь ответить	0,0	0,4	0,1	0,1	0,2

Среди тех, кто ответил, что имел положительный ПЦР, более половины болели больше, чем за 6 месяцев до опроса (табл. 23); почти 38% – 1–6 месяцев назад; 8,4% – в течение последних 30 дней (эта доля растет с возрастом и среди пожилых людей достигает 10,5%).

Таблица 23

Распределение ответов на вопрос: «Когда в последний раз Вы болели Ковид-19?», по возрастным группам, 2021 г., вертикальный % среди тех, кто ответил, что у него/нее был положительный ПЦР-тест

Время болезни	Возраст, лет				
	14–25	26–40	41–60	>= 61	Всего
В течение последних 30 дней	5,4	7,5	9,1	10,5	8,4
1–6 месяцев назад	37,8	41,9	36,1	36,1	37,9
Более 6 месяцев назад	55,4	50,4	54,3	52,7	53,2
Затрудняюсь ответить	1,4	0,3	0,5	0,7	0,6

У довольно большой доли людей, которые не вакцинировались, но делали тест на антитела, они были обнаружены, что означает, что они переболели, – таких почти 20% (больше всего в группе 41–60-летних – 22,3%, см. табл. 24).

Таблица 24

Распределение ответов на вопрос: «У Вас были обнаружены антитела к коронавирусу?»,
по возрастным группам, 2021 г.,
вертикальный % среди тех, кто ответил, что делал тест на антитела или ПЦР-тест

Ответы	Возраст, лет				Всего
	14–25	26–40	41–60	>= 61	
Да, были обнаружены антитела после вакцинации	8,0	7,8	9,8	8,2	8,6
Да, были обнаружены антитела, но Вы не вакцинировались к тому моменту	16,1	20,1	22,3	18,1	19,8
Антитела не были обнаружены	1,0	2,2	2,3	2,0	2,0
Не делали анализ на антитела	73,1	66,2	62,5	68,1	66,4
Затрудняюсь ответить	1,7	3,7	3,1	3,6	3,1

В 2020 г. на момент опроса отечественная вакцина от коронавируса только проходила испытания и про нее было мало что известно. Тогда 41,5% респондентов ответили, что при появлении вакцины не будут вакцинироваться (среди пожилых – 45%). В 2021 г. привились от коронавируса 45,8% опрошенных, причем более трети из них – вынужденно, то есть из-за требований на работе, из желания посещать места, куда пускали только со справкой, и т. д. Наибольшая доля вакцинированных вынужденно – среди людей 26–40 лет (табл. 25). Еще почти 11% респондентов собирались вакцинироваться, если будут уверены в качестве вакцины, а 6,6% – любой доступной вакциной. Эти доли практически не зависят от возраста. Не собирались вакцинироваться 30% респондентов, причем больше всего среди самых молодых (37,2%) и пожилых (34%): первые, вероятно, в силу того, что ковид у них протекает легче, а вторые – опасаясь побочных эффектов прививки.

Таблица 25

Отношение к вакцинации, в зависимости от возраста, 2020 и 2021 гг., вертикальный %

Варианты отношения к вакцинации	Возраст, лет				Всего
	14–25	26–40	41–60	>= 61	
2021 г. Как Вы относитесь к вакцинации от коронавируса?					
Уже вакцинировались хотя бы первым компонентом добровольно	16,8	26,2	32,9	38,6	29,0
Уже вакцинировались хотя бы первым компонентом вынуждено	14,3	24,8	20,1	3,9	16,8
Собираетесь, если будете уверены в ее безопасности и надежности	12,1	11,3	10,1	10,3	10,9
Собираетесь вакцинироваться любой доступной вакциной	6,4	6,5	6,8	6,7	6,6
Не собираетесь вакцинироваться	37,2	26,3	25,8	34,0	30,0
Затрудняюсь ответить	13,2	4,8	4,3	6,5	6,7

Продолжение таблицы 25

Варианты отношения к вакцинации	Возраст, лет				
	14–25	26–40	41–60	>= 61	Всего
2020 г. Собираетесь ли Вы пройти вакцинацию от коронавируса, когда она появится?					
Да, в любом случае	7,5	7,6	8,5	7,6	7,9
Да, только если будете уверены в ее безопасности и надежности	32,7	38,5	37	31,6	35,4
Нет	39,8	40,4	41,1	45	41,5
Уже переболели коронавирусом и считаете, что вакцинация Вам не нужна	1	1,2	1,1	1,1	1,1
Уже вакцинировались	0,3	0,3	0,2	0,1	0,2
Затрудняетесь ответить	18,6	11,9	12	14,6	13,9

Одной из причин довольно низкого уровня вакцинации в России является мнение о неэффективности или даже вредности прививок. Впрочем, и в других странах такие дискуссии активно ведутся (прежде всего, в социальных сетях). С целью выяснить мнение россиян, им было предложено выразить свое согласие или несогласие с некоторыми самыми распространенными представлениями о вакцинации (табл. 26).

Таблица 26

Среднее значение ответов на вопрос: «Вы согласны или не согласны с утверждением» (0 – не согласны, 0,5 – затрудняетесь ответить, 1 – согласны), по возрастным группам, 2021 г.

Варианты утверждений	Возраст, лет				
	14–25	26–40	41–60	>= 61	Всего
Вакцинироваться бесполезно: вакцина не спасает от заражения или тяжелого течения болезни, от новых штаммов и т. д.	0,42	0,45	0,41	0,35	0,41
Вакцинироваться опасно, это может быть вредным для здоровья	0,48	0,47	0,45	0,42	0,45
Вакцины созданы подозрительно быстро, исследования в полной мере не проведены, надо подождать	0,56	0,58	0,55	0,51	0,55
Вакцинация – это заговор компаний, которые производят вакцины, и правительств	0,34	0,36	0,36	0,32	0,35
Для человека гораздо лучше перенести болезнь и получить естественный иммунитет, а не прививаться	0,44	0,43	0,41	0,36	0,41
Многие врачи не рекомендуют вакцинироваться	0,29	0,32	0,31	0,28	0,30
Там, где Вы живете, трудно вакцинироваться	0,10	0,07	0,07	0,08	0,08

Надо сказать, что довольно большая доля респондентов (от 9 до 29% – в зависимости от суждения) затруднились высказать свое мнение. В то же время значительная доля людей согласилась с высказываниями: «Вакцины созданы подозрительно быстро, исследования в полной мере не проведены, надо подождать» (45,2%), «Вакцинироваться опасно, это может быть вредным для здоровья» (35,3%), «Вакцинироваться бесполезно: вакцина не спасает от заражения или тяжелого течения болезни, от новых штаммов и т. д.» (32,8%), «Для человека гораздо лучше

перенести болезнь и получить естественный иммунитет, а не прививаться» (29,7%), «Вакцинация – это заговор компаний, которые производят вакцины, и правительств» (20%), «Многие врачи не рекомендуют вакцинироваться» (20%). Лишь 3,2% респондентов выбрали ответ: «Там, где Вы живете, трудно вакцинироваться».

Средние значения степени согласия по возрастным группам показывают, что в целом настороженность по отношению к вакцинации выше среди людей до 40 лет.

Модель факторного анализа позволила выделить два фактора, объясняющих почти 67% дисперсии, первый из которых можно интерпретировать как «настороженность к вакцине», а второй – «недоступность вакцины» (табл. 27).

Таблица 27

Модель факторного анализа, метод вращения варимакс, 2021 г., факторные нагрузки

Варианты утверждений	Ф1	Ф2
Вакцинироваться бесполезно: вакцина не спасает от заражения или тяжелого течения болезни, от новых штаммов и т. д.	0,816	0,097
Вакцинироваться опасно, это может быть вредным для здоровья	0,842	0,082
Вакцины созданы подозрительно быстро, исследования в полной мере не проведены, надо подождать	0,829	0,005
Вакцинация – это заговор компаний, которые производят вакцины, и правительств	0,742	0,252
Для человека гораздо лучше перенести болезнь и получить естественный иммунитет, а не прививаться	0,738	0,197
Многие врачи не рекомендуют вакцинироваться	0,522	0,484
Там, где Вы живете, трудно вакцинироваться	0,024	0,943

В таблице 28 хорошо видна разница по среднему значению первого фактора – настороженности к вакцине – по группам отношения к вакцине: оно самое высокое среди тех, кто не собирается вакцинироваться, и самое низкое – среди тех, кто вакцинировался добровольно, и несколько выше (но все равно отрицательное) среди собирающихся вакцинироваться любой доступной вакциной.

Таблица 28

Средние значения факторов мнения о вакцинации, по группам отношения к вакцинации, 2021 г.

Отношение к вакцинации	Ф1	Ф2
Уже вакцинировались хотя бы первым компонентом добровольно	-0,710	-0,172
Уже вакцинировались хотя бы первым компонентом вынуждено	0,287	-0,129
Собираются, если будут уверены в безопасности	0,211	-0,153
Собираются вакцинироваться любой доступной вакциной	-0,453	-0,029
Не собираются вакцинироваться	0,539	0,204
Затруднились ответить	0,090	0,417

Посмотрим, как россияне оценивали для себя последствия пандемии в 2021 г. Данные таблицы 29 свидетельствуют о том, что более 80% респондентов считали, что их здоровье в целом не изменилось (в 2020 г. таких было больше – 87,4%). Существенно больше стало тех, кто сказал, что здоровье ухудшилось, – 16,2% в 2021 г. против 11,8% в 2020 г. Особенно высока доля тех, чье здоровье стало хуже, среди людей старшего возраста, прежде всего пожилых (23%).

Таблица 29

Оценка респондентами влияния пандемии на свое здоровье, по возрастным группам, 2020 и 2021 гг., вертикальный %

Здоровье в период пандемии	Возраст, лет				
	14–25	26–40	41–60	>= 61	Всего
2021					
Стало определенно хуже	1,3	2,3	3,4	6,6	3,3
Стало немного хуже	8,6	11,7	14,3	16,4	12,9
Не изменилось	88,5	84,5	81,1	76,0	82,5
Стало немного лучше	1,6	1,3	1,2	0,9	1,3
Стало определенно лучше	0,1	0,2	0,1	0,0	0,1
2020					
Стало определенно хуже	0,5	1,1	1,9	4,5	1,9
Стало немного хуже	5,7	6,5	10,4	17,6	9,9
Не изменилось	92,3	91,9	87,1	77,3	87,4
Стало немного лучше	1,5	0,5	0,6	0,5	0,7
Стало определенно лучше	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1

Что касается семейных отношений, то как в 2020 г., так и в 2021 г. более 90% опрошенных ответили, что они не изменились, и лишь 6,7% в 2021 г. и 5,8% в 2020 г. сказали, что они ухудшились (табл. 30). Сильнее всего ощущают ухудшение семейных отношений люди в возрасте 61 года и старше (7,3%).

Таблица 30

Влияние пандемии коронавируса на семейные отношения, по возрастным группам, 2020 и 2021 гг., вертикальный %

Семейные отношения в период пандемии	Возраст, лет				
	14–25	26–40	41–60	>= 61	Всего
2021					
Стали определенно хуже	0,9	0,4	0,6	1,2	0,7
Стали немного хуже	5,2	5,8	6,7	6,1	6,0
Не изменились	91,2	91,9	90,1	91,0	91,0
Стали немного лучше	2,0	1,8	2,0	1,3	1,8
Стали определенно лучше	0,6	0,2	0,5	0,4	0,5
2020					
Стали определенно хуже	0,4	0,2	0,6	0,7	0,5
Стали немного хуже	4,2	6,3	5,4	5,0	5,3
Не изменились	92	90,2	91,6	92,9	91,6
Стали немного лучше	3,1	2,8	2,0	1,2	2,3
Стали определенно лучше	0,3	0,5	0,3	0,2	0,3

Что касается материального положения, то три четверти опрошенных как в 2020 г., так и в 2021 г. считали, что оно не изменилось из-за пандемии (табл. 31). Но 24,7% респондентов в 2020 г. и 23,2% в 2021 г. почувствовали ухудшение, в первую очередь это люди среднего возраста.

Таблица 31

Влияние пандемии коронавируса на материальное положение, по возрастным группам, 2020 и 2021 гг., вертикальный %

Материальное положение в период пандемии	Возраст, лет				
	14–25	26–40	41–60	>= 61	Всего
2021					
Стало определенно хуже	5,2	7,1	8,5	6,7	7,1
Стало немного хуже	14,2	17,4	17,5	14,0	16,1
Не изменилось	77,4	72,6	71,9	78,0	74,4
Стало немного лучше	2,9	2,6	1,8	1,1	2,1
Стало определенно лучше	0,3	0,3	0,3	0,2	0,3
2020					
Стало определенно хуже	5,4	6,6	9	4,5	6,8
Стало немного хуже	17,1	20,6	17,9	15,1	17,9
Не изменилось	74,9	71,2	71,7	79,8	73,9
Стало немного лучше	2,3	1,3	0,9	0,5	1,2
Стало определенно лучше	0,3	0,3	0,4	0,1	0,3

Насколько россияне в 2021 г. адаптировались к жизни с коронавирусом? Более половины в 2020 г. и почти половина в 2021 г. ответили, что в их жизни практически ничего не поменялось, причем в 2020 г. так чаще всего отвечали люди среднего возраста, а в 2021 г. – молодежь (табл. 32).

Таблица 32

Распределение ответов на вопрос: «Вы приспособились к изменениям в жизни, которые вызвала эпидемия коронавируса или нет?», по возрастным группам, 2020 и 2021 гг., вертикальный %

Варианты ответов	Возраст, лет				
	14–25	26–40	41–60	>= 61	Всего
2021					
Никак не могу справиться с новой ситуацией и возникшими трудностями	2,5	2,3	2,5	3,4	2,6
Очень трудно привыкнуть к изменениям	10,7	13,1	12,2	14,6	12,6
Многое пришлось изменить в жизни, но в целом я уже приспособился/приспособилась	30,7	35,1	35,2	35,5	34,3
Я живу как и раньше, для меня ничего особенно не изменилось	54,8	48,2	49,4	45,9	49,5
У меня получилось использовать новую ситуацию, чтобы улучшить свою жизнь, добиться большего	1,4	1,3	0,7	0,5	1,0

Продолжение таблицы 32

Варианты ответов	Возраст, лет				
	14–25	26–40	41–60	>= 61	Всего
2020					
Никак не могу справиться с новой ситуацией и возникшими трудностями	2,5	2,7	2,8	5,5	3,3
Очень трудно привыкнуть к изменениям	17,0	16,5	15,8	22,9	17,6
Многое пришлось изменить в жизни, но в целом я уже приспособился/приспособилась	25,5	23,6	23,8	24,6	24,2
Я живу, как и раньше, для меня ничего особенно не изменилось	52,7	56	56,7	46,4	53,6
У меня получилось использовать новую ситуацию, чтобы улучшить свою жизнь, добиться большего	2,3	1,2	1,0	0,6	1,3

Лишь около 1% опрошенных считают, что у них получилось использовать новую ситуацию, чтобы улучшить свою жизнь, добиться большего. В 2020 г. 24,2% респондентов, а в 2021 г. 34,3% выбрали вариант «Многое пришлось изменить в жизни, но в целом я уже приспособился/приспособилась» – то есть адаптация выросла, причем примерно одинаково во всех возрастных группах (доля ответивших таким образом ниже среди самых молодых, но среди них больше тех, для кого ничего не изменилось). По сравнению с 2020 г. в 2021 г. гораздо меньше было тех, кто ответил, что им очень трудно привыкнуть к изменениям (12,6% против 17,6%), причем чаще так отвечали пожилые. Немного меньше стала и доля тех, кто никак не мог справиться с ситуацией, – 2,6% против 3,3%, но если в 2020 г. так отвечали прежде всего пожилые, в 2021 г. разрыв между пожилыми и остальными возрастными группами стал не таким сильным.

Подводя итоги, следует отметить, что в 2021 г. по сравнению с 2020 г. практически не изменилась оценка рисков заразиться коронавирусом. Примечательно, что она мало зависела от возраста. Как свидетельствуют данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, к осени 2021 г. тестированием (тесты на антитела и ПЦР-тесты) было охвачено около 40% населения, при этом степень охвата была ниже в группах самых молодых и самых пожилых. Уровень подтвержденной заболеваемости вырос с 3% осенью 2020 г. до 14,4% осенью 2021 г., причем 2,2% респондентов указали, что болели бессимптомно. Уровень вакцинации населения в 2021 г. был в целом ниже, чем уровень готовности вакцинироваться в 2020 г. Так, в 2020 г. 41,5% респондентов ответили, что при появлении вакцины не будут делать прививку от коронавируса (среди пожилых людей эта доля достигала 45%). Однако к концу 2021 г. вакцинировались лишь 45,8% респондентов, причем более трети из них сделали это вынужденно. Около 30% респондентов в 2021 г. все еще не собирались вакцинироваться. Характерно, что больше всего таких было среди самых молодых (37,2%) и самых пожилых (34%). Значительное число респондентов выражали недоверие к вакцинации, сомневались в ее надежности и безопасности: 45,2% выражали беспокойство по поводу скорости разработки вакцины; 35,3% считали вакцинацию опасной для здоровья, а 32,8% – бесполезной; 29,7% полагали, что лучше переболеть; около 20% видели в вакцинации заговор и столько же ссылались на предостережения

врачей против вакцин. Только 3,2% респондентов указали на то, что вакцины недоступны в населенных пунктах их проживания. Настороженность по отношению к вакцинам была выше среди людей младше сорока лет.

Два года пандемии в большей степени повлияли на самооценку здоровья и в меньшей — на удовлетворенность материальным положением и отношениями внутри семей. К концу 2021 г. доля тех, кто считал, что их здоровье не изменилось, снизилась с 87,4 до 80,0%. Напротив, существенно больше стало тех, кто утверждал, что их здоровье ухудшилось (доля таких респондентов выросла с 11,8 до 16,2%). Если в 2020 г. ухудшение материального положения почувствовали 24,7% респондентов, то в 2021 г. таких оказалось 23,2% (прежде всего о негативной динамике сообщали люди среднего возраста). Как в 2020 г., так и в 2021 г. около 91% респондентов считали, что отношения в их семье не изменились. По сравнению с первым годом пандемии меньше стало тех, кому было трудно привыкнуть к изменению образа жизни (12,6 против 17,6%), и тех, кто не мог справиться с ситуацией (2,6 против 3,3%). Трудности с адаптацией испытывали прежде всего пожилые люди, однако в 2021 г. различия между ними и остальными возрастными группами начали стираться.

Нельзя сказать, что пандемия резко изменила образ жизни россиян. Она практически не сказалась на питании и досуге респондентов. Слабое влияние пандемии на проведение досуга связано с тем, что недоступные во время полных и частичных локдаунов развлечения были умеренно популярны среди россиян и до прихода коронавируса. Пандемия также не привела к стремительному распространению вредных привычек. Доля некурящих осталась стабильной (около 75%), а доля непьющих выросла с 41,5% в 2019 г. до 44,6% в 2021 г. Пандемия очевидно ускорила внедрение в повседневную жизнь россиян цифровых технологий. С 2019 по 2022 г. доля пользователей сети интернет выросла с 66 до 80%, причем этот рост шел в основном за счет старших возрастных групп, так как подавляющее большинство респондентов моложе сорока лет уже являлись активными пользователями до начала пандемии. За 2020–2021 гг. увеличилось время, ежедневно проводимое респондентами перед экранами своих электронных устройств, выросла аудитория социальных сетей (лидером по приросту аудитории стал «Телеграм»), приобрели большую популярность компьютерные игры. Несмотря на то, что прирост пользователей часто происходил благодаря вовлечению пожилых людей, «цифровой разрыв» между старшей возрастной группой и более молодыми так и остался непреодоленным. В условиях пандемии пожилые люди чаще испытывали дефицит общения, причем это касалось не только личного общения, но и общения посредством телефона или цифровых средств связи. Наконец, стоит отметить, что на фоне роста вовлеченности населения в цифровую среду выросла и вероятность столкнуться с киберпреступностью. Как показывают данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, в среднем за 12 месяцев 2021 г. 7,5% россиян столкнулись хотя бы с одним видом киберпреступлений.

doi: 10.19181/rlms-hse.2023.2

AGE-RELATED DIFFERENCES IN LIFESTYLE IN THE SECOND YEAR OF THE COVID-19 PANDEMIC

Roshchina Ya.M.

Abstract. This paper uses “Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics” (RLMS-HSE) to investigate changes in the lifestyles of the Russian population during the COVID-19 pandemic. Despite the serious threat that the spread of COVID-19 posed to public health, less than a half of the country’s population was affected by the measures that aimed at containing the virus. By the fall of 2021, only 40% of respondents had taken an antibody or PCR test. Testing coverage was even lower among the youth and the elderly. About 3% of respondents had a confirmed diagnosis of COVID-19 in the fall of 2020. By the end of 2021, this figure rose to 14.4%. The share of respondents who refused COVID-19 vaccination decreased from 41.5% in 2020 to 30% in 2021. However, 37.2% of the young adults and 34% of the elderly remained unwilling to get vaccinated in 2021, while a significant number of respondents of all ages continued to express distrust in the vaccine, doubting its reliability and safety. A total of 45.8% of respondents had been vaccinated by the end of 2021, but more than one-third did this involuntarily. The two years of the pandemic had more of an impact on self-rated health, and less on satisfaction with financial situation and family relationship. The share of respondents who reported that their health had deteriorated increased from 11.8 to 16.2%, while the level of satisfaction with the financial and family situation remained fairly stable. All on all, the COVID-19 pandemic seemed to have little impact on lifestyle. It had virtually no effect on the diet and leisure and did not exacerbate drinking or smoking problems in the population. Although the pandemic accelerated the introduction of digital technologies into the everyday life of the elderly, who became generally more active on the Internet and social networks, the “digital divide” between the older and younger generations persisted.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, COVID-19, pandemic, health, vaccination, lifestyle, addictions, Internet, social networks, digital divide.

Рощина Я. М., Харитонова А. А.

КАК РОССИЯНЕ ЗАЩИЩАЛИСЬ ОТ ЗАРАЖЕНИЯ COVID-19 В 2021 ГОДУ

doi: 10.19181/rlms-hse.2023.3

Аннотация. В работе охарактеризованы практики здоровьесберегающего поведения россиян во второй год пандемии COVID-19. Эмпирической базой работы стали данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (РМЭЗ НИУ ВШЭ) за 2020 и 2021 гг. Как свидетельствуют данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, к концу второго года пандемии россияне продолжали высоко оценивать эффективность базовых мер по защите от коронавируса (соблюдение дистанции, ношение масок, мытье рук). Несмотря на это, уровень доверия к отдельным мерам защиты снизился по сравнению с 2020 г. Как и в первый год пандемии, респонденты старшего возраста и респонденты с низкой самооценкой здоровья были более склонны позитивно оценивать защитные меры по сравнению с остальным населением. Если в 2020 г. россияне придерживались четырех явно идентифицируемых стратегий здоровьесберегающего поведения, то в 2021 г. таких стратегий осталось только две. В 2021 г. на основании данных РМЭЗ НИУ ВШЭ не удалось идентифицировать выявленную годом ранее стратегию минимальной защиты и стратегию профилактики; преобладающими в этом году оказались стратегии умеренной и максимальной защиты от коронавируса. Среди сторонников умеренной стратегии, которая предполагала ношение масок и мытье рук, была выше доля мужчин, работающих респондентов, молодежи до 30 лет и людей среднего возраста, людей с хорошим здоровьем. Для таких респондентов был характерен более низкий уровень обобщенного доверия. Они чаще пользовались социальными сетями и достаточно скептически оценивали эффективность защитных мер в целом. Среди сторонников стратегии максимальной защиты, соблюдавших практически все рекомендуемые защитные меры, была выше доля пожилых людей, людей со средней или низкой самооценкой здоровья, жителей сельской местности. В этой группе доля добровольно и принудительно вакцинированных была значимо выше по сравнению с первой группой. На основании данных 2020 и 2021 гг. не удалось выявить определенной закономерности перехода респондентов от одних стратегий здоровьесберегающего поведения к другим.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, RLMS-HSE, пандемия, COVID-19, здоровье, здоровьесберегающее поведение, здравоохранение

Пандемия COVID-19 поставила людей в условия, когда от их поведения могла зависеть вероятность заболеть или вероятность выздороветь, если человек заболел. В силу своих знаний и представлений одни старались максимально себя защитить, уйти на самоизоляцию, носить маску, другие не верили в коронавирус или серьезность заболевания, которое он вызывает, третьи вакцинировались. В первый год пандемии, особенно весной, многие боялись неизвестной болезни, в социальных сетях и СМИ много писали о высокой смертности. Однако к осени 2021 г., через полтора года после начала пандемии, накал страстей утих, власти перестали закрывать общественные места, люди гораздо меньше стали бояться, а следовательно – надевать маски, соблюдать дистанцию. И хотя в октябре – ноябре 2021 г. пошла новая волна заболеваемости, многие перестали соблюдать любые ограничения.

В данной работе рассматривается, как вели себя люди по отношению к своему здоровью во второй год пандемии. В работе использован специальный блок вопросов тридцатой волны обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2021 г. об отношении к коронавирусу и о здравоохранительных практиках. Используются взвешенные индивидуальные данные респондентов старше 18 лет. Всего в выборке 9644 человек. Демографический состав выборки практически не изменился по сравнению с 2020 г. Женщины составляют 55% выборки, молодежь 18–25 лет – 15%, люди 26–40 лет – 27%, 41–60 лет – 36,4%, старше 60 лет – 21,6%. Доля людей с высшим образованием – 28,4%. Состоят в браке, включая неформальный, 57,8%; горожане – 67,8%.

Через год после опроса 2020 г.¹, пройдя через несколько волн пандемии, люди практически так же оценивали свое здоровье – лишь немного выросла доля тех, кто считает свое здоровье «средним» (с 45,8 до 47,2%). Как видно из таблицы 1, это произошло за счет группы людей с хорошим здоровьем (снижение с 42,8 до 40,0%).

Таблица 1

Распределение респондентов по уровню здоровья (по самооценке), 2020 и 2021 гг., горизонтальный %

Год проведения исследования	Самооценка уровня здоровья				
	Очень плохое	Плохое	Среднее	Хорошее	Очень хорошее
2020	0,6	8,4	45,8	42,8	2,4
2021	0,8	8,7	47,2	40,0	3,2

За год доля людей, имевших хотя бы одно хроническое заболевание, выросла с 55,6 до 58,2% (табл. 2). Тем не менее доля лиц, имевших те или иные хронические заболевания, практически не изменилась по каждому отдельному виду органов/систем, за исключением роста доли гипертоников (с 17,4 до 18,9%). Возможно, это связано с тем, что ковид и его последствия нередко вызывают повышение артериального давления.

¹ Подробный анализ данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2020 г. см.: Рощина Я. М., Харитонова А. А. Модели протективного поведения россиян в условиях пандемии в 2020 году // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE): сб. науч. ст. Вып. 12 / Отв. ред. П. М. Козырева. М., 2022. С. 110–128.

Таблица 2

Доля респондентов старше 18 лет, сообщивших о наличии хронических заболеваний, 2020 и 2021 гг., вертикальный %

Хроническое заболевание	Год проведения исследования	
	2020	2021
Сердца	11,0	10,8
Легких, бронхов	6,2	6,9
Печени	5,6	5,6
Почек	5,9	6,5
Желудочно-кишечного тракта	15,5	16,4
Позвоночника	15,6	15,9
Эндокринной системы, включая диабет	7,3	7,5
Гипертоническая болезнь	23,8	25,3
Суставов	17,4	18,9
ЛОР-органов	7,2	7,7
Неврологические заболевания	5,8	6,2
Глаз	11,7	11,7
Аллергия	8,0	7,5
Варикозное расширение вен	8,1	8,6
Кожного покрова	2,1	2,2
Онкологические заболевания	1,7	1,8
Гинекологические заболевания	8,0	8,7
Мочеполовой системы	2,9	3,2
Другие	1,3	0,8
Инфаркт миокарда	1,9	1,7
Повышенное артериальное давление	34,0	35,6
Инсульт	1,8	1,9
Анемия	2,1	2,1
Туберкулез	0,4	0,5
Гепатит	2,7	2,8
Серьезные нервные расстройства, депрессии (за 12 мес.)	7,7	7,7
Хотя бы одно хроническое заболевание	55,6	58,2

Как и в 2020 г., в 2021 г. респондентам были заданы два вопроса о том, как они защищаются от заражения коронавирусом, с одинаковым списком вариантов ответа: «Существуют разные рекомендации как вести себя, чтобы снизить риск заражения коронавирусом. Вы лично в последние 30 дней использовали следующие меры безопасности:...» и «Как Вы считаете, для того, чтобы снизить риск заражения коронавирусом, это эффективная рекомендация?». В 2021 г. три практики: прием витаминов, ношение перчаток и санобработка продуктов были исключены из анкеты. Как видно из таблицы 3, между ответами респондентов в 2020 и 2021 г. различия есть, но не очень большие.

Таблица 3

Использование протективных практик за последние 30 дней
и оценка их эффективности респондентами старше 18 лет, 2020 и 2021 гг., вертикальный %

Протективные практики	Год проведения исследования			
	2020		2021	
	Доля реализующих практику	Доля считающих практику эффективной	Доля реализующих практику	Доля считающих практику эффективной
Соблюдение самоизоляции	31,4	77,3	27,9	73,7
Прием витаминов и минералов, например витаминов С и D3, цинка и др.	27,9	60,1	-	-
Избегание физического контакта с другими людьми: рукопожатий, объятий и т. д.	71,9	87,6	61,9	82,1
Ношение маски в общественных местах, в транспорте, магазинах и т. п.	92,2	88,7	93,5	85,1
Ношение перчаток в общественных местах	42,6	68,4	-	-
Регулярное мытье рук с мылом и/или дезинфицирующими средствами	95,7	96,5	94,9	94,9
Избегание мест с большим скоплением людей	72,4	90,2	63,5	86,3
Соблюдение дистанции в общественных местах в полтора-два метра	66,7	84,5	57,1	79,3
Доставка продуктов, готовой еды, лекарств, других товаров	9,9	50,1	18,2	51,8
Проведение санитарной обработки продуктов после покупки в магазине, на рынке	50,7	70,9	-	-

Почти по всем видам защиты мнение об их эффективности несколько снизилось. Соблюдение самоизоляции считали действенной практикой в 2020 г. 77,3%, а в 2021 г. — 73,7%; избегание физического контакта — 87,6 и 82,1% соответственно; ношение маски в общественных местах — 88,7 и 85,1%; мытье рук с мылом — 96,5% и 94,9%; избегание скоплений людей — 90,2 и 86,3%; соблюдение дистанции — 84,5 и 79,3%. Доставку продуктов стали считать эффективной мерой защиты больше респондентов: 50,1% в 2020 г. и 51,8% в 2021 г.

В 2021 г. снизилась доля тех, кто прибегает к таким практикам, как соблюдение самоизоляции, — с 31,4 до 27,9%; избегание физического контакта — с 71,9 до 61,9% (это самое сильное снижение); мытье рук — с 95,7 до 94,9%; избегание скоплений людей — с 72,4 до 63,5%; соблюдение дистанции — с 66,7 до 57,1%. По двум типам защиты, напротив, наблюдался рост числа респондентов, соблюдающих указанные меры. Доля респондентов, носивших маски в общественных местах, выросла с 92,2 до 93,5% (ношение масок все еще было обязательным осенью 2021 г. во многих населенных пунктах). В то же время доля лиц, пользующихся доставкой

товаров и готовой еды, увеличилась в 2 раза – с 9,9 до 18,2%. Однако можно предположить, что люди оценили удобство пользования доставкой и воспринимали ее не только как меру защиты от коронавируса.

С возрастом все большая доля людей называет те или иные защитные меры эффективными (табл. 4).

Таблица 4

Оценка эффективности протективных практик респондентами старше 18 лет, по возрастным группам, 2021 г., вертикальный %

Протективные практики	Возрастные группы, лет				
	18–30	31–45	45–60	61–75	>=76
Соблюдение самоизоляции	68,7	70,6	72,5	83,0	89,9
Избегание физического контакта с другими людьми: рукопожатий, объятий и т. д.	75,2	80,1	82,5	90,3	95,0
Ношение маски в общественных местах, в транспорте, магазинах и т. п.	80,4	83,1	85,6	91,8	93,9
Регулярное мытье рук с мылом и/или дезинфицирующими средствами	93,7	94,4	94,2	97,3	98,2
Избегание мест с большим скоплением людей	80,4	85,5	86,0	93,4	95,4
Соблюдение дистанции в общественных местах в полтора-два метра	71,9	78,5	79,8	86,9	90,0
Доставка продуктов, готовой еды, лекарств, других товаров	52,9	51,6	48,9	54,2	56,2

Так, самоизоляцию считают действенной мерой защиты от коронавируса 68,7% респондентов в возрасте 18–30 лет и 89,9% респондентов старше 76 лет. В отношении избегания физического контакта разница составляет 20 п.п. (75,2 и 95% соответственно). Ношение маски отметили 80,4% молодежи и более 90% пожилых людей. Мытье рук с мылом признают важным все возрастные группы (разброс от 93,7 до 98,2%), как и доставку товаров (разброс от 48,9 до 56,2%).

Образование очень мало влияет на мнение об эффективности защитных мер. Люди с университетским дипломом отмечают все практики чуть чаще, но разница не превышает несколько п.п. (табл. 5). При этом регулярное мытье рук и избегание мест большого скопления людей рассматриваются респондентами как наиболее эффективные практики – независимо от уровня образования, в то время как наименее эффективной считается практика доставки продуктов (как эффективную ее оценивают от 47,4% респондентов в группе со средним общим образованием и ниже до 55,5% респондентов с высшим образованием).

Оценка эффективности защитных мер зависит от уровня здоровья, а этот уровень, в свою очередь, зависит от возраста (табл. 6).

Таблица 5

Оценка эффективности протективных практик респондентами старше 18 лет, в зависимости от уровня образования, 2021 г., вертикальный %

Протективные практики	Уровень образования			
	Среднее общее и ниже	Среднее полное	Среднее профессиональное	Высшее
Соблюдение самоизоляции	73,9	75,0	73,1	73,0
Избегание физического контакта с другими людьми: рукопожатий, объятий и т. д.	81,8	82,1	82,0	82,2
Ношение маски в общественных местах, в транспорте, магазинах и т. п.	82,5	86,5	84,3	85,7
Регулярное мытье рук с мылом и/или дезинфицирующими средствами	92,7	95,3	94,2	96,0
Избегание мест с большим скоплением людей	84,6	86,5	85,0	88,0
Соблюдение дистанции в общественных местах в полтора-два метра	78,2	79,4	78,6	80,3
Доставка продуктов, готовой еды, лекарств, других товаров	47,4	50,6	51,3	55,5

Таблица 6

Оценка эффективности протективных практик респондентами старше 18 лет, в зависимости от самооценки здоровья, 2021 г., вертикальный %

Протективные практики	Самооценка здоровья		
	Плохое и очень плохое	Среднее	Хорошее и очень хорошее
Соблюдение самоизоляции	87,4	73,9	70,3
Избегание физического контакта с другими людьми: рукопожатий, объятий и т. д.	90,9	83,0	79,0
Ношение маски в общественных местах, в транспорте, магазинах и т. п.	90,3	84,3	84,8
Регулярное мытье рук с мылом и/или дезинфицирующими средствами	96,4	94,8	94,6
Избегание мест с большим скоплением людей	93,1	87,3	83,5
Соблюдение дистанции в общественных местах в полтора-два метра	87,2	79,3	77,3
Доставка продуктов, готовой еды, лекарств, других товаров	55,3	49,8	53,3

Различия между мнениями людей с плохим и хорошим здоровьем достигают 17,1 п.п. в случае оценки соблюдения самоизоляции (87,4 против 70,3%), примерно по 10 п.п. в случае оценки эффективности избегания скоплений людей (93,1 против 83,5%) и соблюдения дистанции (87,2 против 77,3%). Различия в оценках минимальны для таких практик, как мытье рук и доставка товаров (около 2 п.п.). По сравнению с 2020 г. различия мнений людей с разным уровнем здоровья, образования и возрастом стали меньше.

Как и в 2020 г., в 2021 г. практически все защитные меры были более популярны у людей в возрасте по сравнению с молодежью (табл. 7).

Таблица 7

Использование протективных практик за последние 30 дней респондентами старше 18 лет, по возрастным группам, 2021 г., вертикальный %

Протективные практики	Возрастные группы, лет				
	18–30	31–45	45–60	61–75	>=76
Соблюдение самоизоляции	22,3	19,2	22,2	46,6	69,0
Избегание физического контакта с другими людьми: рукопожатий, объятий и т. д.	51,5	55,9	61,9	79,1	86,7
Ношение маски в общественных местах, в транспорте, магазинах и т. п.	92,6	93,8	93,6	95,2	89,7
Регулярное мытье рук с мылом и/или дезинфицирующими средствами	94,8	93,9	94,2	97,0	97,0
Избегание мест с большим скоплением людей	51,4	57,4	64,2	82,7	86,9
Соблюдение дистанции в общественных местах в полтора-два метра	47,3	54,4	56,6	71,4	73,7
Доставка продуктов, готовой еды, лекарств, других товаров	30,3	23,3	11,1	7,6	8,0

Только по сравнению с самыми старшими маску чаще носили все остальные возрастные группы, очевидно в силу того, что они чаще бывали в общественных местах. И конечно, доставку товаров практиковали чаще молодые: 30,3% среди людей 18–30 лет, 23,3% среди тех, кому 31–45 лет, и всего около 8% среди тех, кто старше 61 года. Но, скорее всего, молодежь не воспринимает доставку как меру защиты, а просто пользуется ею для удобства.

Люди с высшим образованием существенно больше остальных пользуются доставкой продуктов, но меньше соблюдают самоизоляцию (табл. 8). Среди них также немного выше доля тех, кто носил маску, мыл руки, соблюдал дистанцию – по сравнению с теми, у кого среднее общее образование и ниже.

Таблица 8

Использование протективных практик за последние 30 дней респондентами старше 18 лет в зависимости от уровня образования, 2021 г., вертикальный %

Протективные практики	Уровень образования			
	Среднее общее и ниже	Среднее полное	Среднее профессиональное	Высшее
Соблюдение самоизоляции	35,3	30,3	26,4	23,6
Избегание физического контакта с другими людьми: рукопожатий, объятий и т. д.	62,2	61,6	60,8	63,3
Ношение маски в общественных местах, в транспорте, магазинах и т. п.	88,6	92,6	94,2	95,8
Регулярное мытье рук с мылом и/или дезинфицирующими средствами	89,6	94,5	95,7	96,7
Избегание мест с большим скоплением людей	62,8	64,6	62,3	63,9
Соблюдение дистанции в общественных местах в полтора-два метра	55,8	57,2	56,3	58,6
Доставка продуктов, готовой еды, лекарств, других товаров	9,9	13,4	19,1	26,0

Среди людей с плохим здоровьем выше доля тех, кто соблюдал самоизоляцию и дистанцию, избегал физического контакта и мест с большим скоплением людей (табл. 9). В то же время среди людей с хорошим здоровьем была выше доля носивших маску, мывших руки, заказывавших доставку. Понятно, что люди с хорошим здоровьем чаще молодые, поэтому в данном случае сочетаются два фактора.

Таблица 9

Использование протективных практик за последние 30 дней респондентами старше 18 лет, в зависимости от самооценки здоровья, 2021 г., вертикальный %

Протективные практики	Самооценка здоровья		
	Плохое	Среднее	Хорошее
Соблюдение самоизоляции	57,0	27,4	21,8
Избегание физического контакта с другими людьми: рукопожатий, объятий и т. д.	81,4	64,2	54,9
Ношение маски в общественных местах, в транспорте, магазинах и т. п.	90,7	94,3	93,3
Регулярное мытье рук с мылом и/или дезинфицирующими средствами	95,2	94,4	95,3
Избегание мест с большим скоплением людей	82,2	66,3	56,2
Соблюдение дистанции в общественных местах в полтора-два метра	69,4	58,4	52,6
Доставка продуктов, готовой еды, лекарств, других товаров	8,8	15,0	23,8

Для выделения типов представлений людей об эффективности различных защитных мер была оценена модель факторного анализа без вращения, с извлечением факторов методом главных компонент, которая позволила выделить один фактор, объясняющий 44,5% дисперсии (табл. 10). Все переменные вошли с положительными нагрузками, минимальная нагрузка у переменной «доставка». Фактор может быть интерпретирован как «степень согласия с эффективностью защитных мер от коронавируса».

Таблица 10

Модель факторного анализа оценок эффективности протективных мер, факторные нагрузки, с вращением валидамкс, 2021 г., без взвешивания

Протективные практики	Ф1
Соблюдение самоизоляции	0,707
Избегание физического контакта с другими людьми: рукопожатий, объятий и т. д.	0,821
Ношение маски в общественных местах, в транспорте, магазинах и т. п.	0,718
Регулярное мытье рук с мылом и/или дезинфицирующими средствами	0,578
Избегание мест с большим скоплением людей	0,801
Соблюдение дистанции в общественных местах в полтора-два метра	0,811
Доставка продуктов, готовой еды, лекарств, других товаров	0,545

Аналогичная модель факторного анализа была построена для переменных, отражающих использование тех или иных практик за последние тридцать дней. Она позволила выделить два фактора, объясняющих 53,6% дисперсии (табл. 11).

Первый фактор связан с дистанцированием от людей. Второй фактор связан в большей степени с наиболее распространенными мерами (ношение маски и мытье рук) и в меньшей степени – с доставкой товаров.

Таблица 11

Модель факторного анализа использования протективных практик, факторные нагрузки, с вращением вариамкс, 2021 г., без взвешивания

Протективные практики	Ф1	Ф2
Соблюдение самоизоляции	0,693	-0,137
Избегание физического контакта с другими людьми: рукопожатий, объятий и т. д.	0,796	0,129
Ношение маски в общественных местах, в транспорте, магазинах и т. п.	0,108	0,792
Регулярное мытье рук с мылом и/или дезинфицирующими средствами	0,143	0,758
Избегание мест с большим скоплением людей	0,810	0,180
Соблюдение дистанции в общественных местах в полтора-два метра	0,750	0,250
Доставка продуктов, готовой еды, лекарств, других товаров	0,006	0,239

Чтобы выявить людей с разным типом защитного поведения, мы реализовали модель двухэтапного кластерного анализа (на выборке без взвешивания) с использованием исходного набора семи переменных, отражающих использование практик с мерой максимального правдоподобия. Автоматический метод выбора числа кластеров показал два кластера. Кластерные центры представлены в таблице 12.

Таблица 12

Кластерные центры модели двухэтапного кластерного анализа, 2021 г., без взвешивания

Протективные практики	К1	К2
Соблюдение самоизоляции	0,13	0,45
Избегание физического контакта с другими людьми: рукопожатий, объятий и т. д.	0,34	0,89
Ношение маски в общественных местах, в транспорте, магазинах и т. п.	0,87	1,00
Регулярное мытье рук с мылом и/или дезинфицирующими средствами	0,89	1,00
Избегание мест с большим скоплением людей	0,30	0,96
Соблюдение дистанции в общественных местах в полтора-два метра	0,10	1,00
Доставка продуктов, готовой еды, лекарств, других товаров	0,14	0,19
Доля в выборке, %	45,6	54,4

В первом кластере большинство (почти 90%) респондентов носят маску и моют руки, но остальные виды защиты используют редко (группа «умеренной защиты»); во втором кластере лишь две практики относительно редки – соблюдение самоизоляции (45%) и доставка товаров (19%). Таким образом, это группа «максимальной защиты».

После взвешивания данных (для репрезентативности) доля людей в каждом кластере, практикующих те или иные виды защитных мер, изменилась незначительно (табл. 13).

Таблица 13

Доля респондентов старше 18 лет, использовавших протективные меры и считающих их эффективными, 2021 г., вертикальный %, взвешенные данные

Протективные практики	K1	K2	Всего
Использование			
Соблюдение самоизоляции	11,6	42,8	27,9
Избегание физического контакта с другими людьми: рукопожатий, объятий и т. д.	32,3	89,0	61,9
Ношение маски в общественных местах, в транспорте, магазинах и т. п.	86,3	100,0	93,5
Регулярное мытье рук с мылом и/или дезинфицирующими средствами	89,2	100,0	94,9
Избегание мест с большим скоплением людей	28,0	95,9	63,5
Соблюдение дистанции в общественных местах в полтора-два метра	10,1	100,0	57,1
Доставка продуктов, готовой еды, лекарств, других товаров	15,8	20,4	18,2
Оценка эффективности			
Соблюдение самоизоляции	60,8	85,7	73,8
Избегание физического контакта с другими людьми: рукопожатий, объятий и т. д.	67,6	95,4	82,1
Ношение маски в общественных местах, в транспорте, магазинах и т. п.	73,9	95,4	85,2
Регулярное мытье рук с мылом и/или дезинфицирующими средствами	90,3	99,1	94,9
Избегание мест с большим скоплением людей	73,7	97,7	86,3
Соблюдение дистанции в общественных местах в полтора-два метра	60,0	96,9	79,3
Доставка продуктов, готовой еды, лекарств, других товаров	42,0	60,8	51,8
Доля в выборке, горизонтальный %	47,7	52,5	

Среди представителей первого кластера только 11,6% соблюдали самоизоляцию, 32,3% избегали физического контакта, 28% избегали скопления людей, всего 10,1% соблюдали дистанцию и 15,8% заказывали доставку. Во втором кластере лишь самоизоляция (42,8%) и доставка (20,4%) не были характерны практически для всех. Очевидны также различия в представлениях об эффективности мер: в первом кластере доля уверенных в действенности защитных мер существенно ниже, чем во втором.

Посмотрим теперь на основные социально-экономические и демографические характеристики выделенных кластеров (табл. 14 и 15). В целом можно сказать, что различия не слишком велики. Группы «умеренной» и «высокой» защиты значимо не различаются по семейному статусу, образованию, национальности, душевому доходу, оценке вероятности заразиться коронавирусом в ближайшие 12 месяцев, по таким чертам личности, как доброжелательность и экстраверсия.

Таблица 14

**Основные социально-экономические и демографические характеристики кластеров, 2021 г.,
вертикальный %, взвешенные данные**

Характеристики	К1	К2	Всего
Мужской пол	51,4	39,2	45,0
Состоят в браке	57,2	58,4	57,8
Возрастная группа, лет			
18–30	28,4	19,1	23,5
31–45	29,5	25,3	27,3
45–60	28,0	27,2	27,6
61–75	10,7	21,0	16,1
76 и старше	3,4	7,4	5,5
Образование			
Неполное среднее образование и ниже	12,8	11,6	12,2
Законченное среднее образование	30,4	30,8	30,6
Законченное среднее специальное образование	29,5	28,4	28,9
Законченное высшее образование и выше	27,3	29,3	28,3
Самооценка здоровья			
Очень плохое	0,6	0,9	0,8
Плохое	6,2	11,1	8,7
Среднее	45,6	48,8	47,3
Хорошее	45,0	35,4	40,0
Очень хорошее	2,7	3,8	3,2
Есть хронические заболевания	54,7	61,3	58,2
Национальность			
Русские, смешанные русские	86,0	84,0	85,0
Украинцы, белорусы, молдаване	1,0	1,0	1,0
Народы Северного Кавказа	4,0	7,0	5,5
Малые народы Поволжья и Севера	2,0	2,7	2,4
Татары, башкиры	2,0	2,2	2,1
Прочие европейские народы	2,1	1,4	1,7
Прочие не европейские народы	3,0	1,8	2,4
Работает	70,6	57,2	63,6
Профессиональный статус (среди занятых)			
Законодатели, крупные чиновники, руководители	5,0	6,6	5,7
Специалисты высшего уровня квалификации	15,6	19,0	17,1
Специалисты среднего уровня квалификации	42,2	44,7	43,4
Квалифицированные рабочие	28,5	22,6	25,8
Неквалифицированные рабочие	7,9	6,6	7,3

Продолжение таблицы 14

Характеристики	K1	K2	Всего
Место жительства			
Москва, Санкт-Петербург	15,7	9,1	12,2
Областной центр	32	31,1	31,5
Город	24,1	23,9	24
ПГТ, село	28,2	36,0	32,3
Северный ФО	4,7	3,5	4,1
Центральный ФО	16,9	20,0	18,5
Приволжский ФО	18,5	19,3	18,9
Юг и Северный Кавказ	19,5	20,3	19,9
Уральский ФО	8,3	8,4	8,3
Сибирский ФО	12,4	13,5	13
Дальневосточный ФО	4,1	5,9	5
Уровень доверия			
В отношениях с другими людьми всегда надо быть осторожным	42,1	39,7	40,8
И то, и другое, в зависимости от человека, условий	42,6	44,3	43,5
Большинству людей можно доверять	15,3	16,0	15,7
Отношение к религии			
Верующий человек	24,5	28,0	26,3
Скорее верующий, чем неверующий человек	47,4	51,1	49,3
Скорее неверующий, чем верующий человек	17,6	12,9	15,1
Неверующий человек или атеист	10,5	8,1	9,2

В группе «умеренной защиты» значимо выше доля мужчин (51,4 против 39,2%); работающих (70,6 против 57,2%); неквалифицированных рабочих (28,5 против 22,6%); жителей Москвы и Санкт-Петербурга (15,7 против 9,1%); скорее неверующих (17,6 против 12,9%) и атеистов (10,5 против 8,1%); скорее не доверяющих другим людям (42,1 против 39,7%); людей с хорошим здоровьем (45 против 35,4%); молодежи 18–30 лет (28,4 против 19,1%) и людей среднего возраста (29,5 против 25,3%). Эти люди чаще пользуются социальными сетями (20 раз в месяц против 16,4 раза в месяц), отличаются бóльшей сознательностью и склонностью к риску, а также бóльшим недоверием к эффективности защитных мер от коронавируса.

В группе «высокой защиты» значимо выше доля людей в возрасте 61–75 лет (21,0 против 10,7%) и старше 75 лет (7,4 против 3,4%); со средним (48,8 против 45,5%) и плохим (11,1 против 6,2%) здоровьем; специалистов высшего (19,0 против 15,6%) и среднего (44,7 против 42,2%) уровня квалификации; проживающих в сельской местности (36 против 28,2%); верующих (28 против 24,5%) и скорее верующих (51,1 против 47,4%). У них выше средний возраст, больше количество хронических заболеваний, выше уровень нейротизма и доброжелательности. Они в среднем применяют 5,5 защитных практик из 7 перечисленных в вопроснике (табл. 15).

Таблица 15

Средние значения по кластерам некоторых социально-экономических и социально-психологических параметров, 2021 г., вертикальный %, взвешенные данные

Параметры	K1	K2	Всего
Возраст, лет	42,5	49,0	45,9
Душевой доход, руб.	25 954	24 757	25 327
Частота пользования социальными сетями, раз в месяц	20,0	16,4	18,2
Количество хронических заболеваний	1,4	1,9	1,7
Фактор мнения об эффективности защитных мер	-0,504	0,393	-0,036
Оценка вероятности заразиться ковидом в следующие 12 мес. (от 1 до 10)	5,1	5,1	5,1
Количество защитных практик	2,7	5,5	4,2
Черты личности			
Открытость опыту	0,029	-0,027	-0,001
Сознательность	-0,005	0,005	0,000
Экстраверсия	0,016	-0,014	0,000
Доброжелательность	-0,039	0,036	0,000
Нейротизм	-0,038	0,035	0,000
Склонность к риску	0,093	-0,084	0,000

Как видно из таблицы 16, среди выявленных двух кластеров обнаружилось значимое различие по доле вакцинировавшихся и добровольно (в первой группе – 26,2%, во второй – 35,4%), и вынужденно (21,7 против 14,6% соответственно). Однако по отношению к намерениям вакцинироваться значимых различий не наблюдается: около 11% собирались вакцинироваться, если будут уверены в безопасности и надежности вакцины, еще 6,8% – любой доступной вакциной, около 28% не собирались вакцинироваться, а 5,4% не смогли определиться с ответом.

Таблица 16

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к вакцинации от коронавируса?», респонденты старше 18 лет, 2021 г., вертикальный %, взвешенные данные

Варианты ответа	K1	K2	Всего
Уже вакцинировались хотя бы первым компонентом добровольно	26,2	35,4	31,0
Уже вакцинировались хотя бы первым компонентом вынужденно	21,7	14,6	18,0
Собираетесь, если будете уверены в безопасности и надежности вакцины	11,3	10,5	10,9
Собираетесь вакцинироваться любой доступной вакциной	6,8	6,8	6,8
Не собираетесь вакцинироваться	28,9	27,0	27,9
Затрудняетесь ответить	5,0	5,7	5,4

Далее мы обратимся к вопросу, как изменились модели защитного поведения людей между опросами 2020 и 2021 гг. В 2020 г. на основе модели кластерного анализа методом К-средних нами было выделено четыре модели поведения (табл. 17). В 2020 г. в вопросе о защитных практиках было десять вариантов ответа, на их основе метод кластерного анализа К-средних позволил выделить четыре типа поведения: обязательные меры, замкнутость, самоизоляция, полная защита.

Таблица 17

Модель кластерного анализа К-средних, кластерные центры, респонденты старше 18 лет (N = 9663), 2020 г., взвешенные данные

Соблюдаемые протективные меры	Обязательная защита	Замкнутость	Само-изоляция	Полная защита
Соблюдение самоизоляции	0,105	0,100	0,680	0,635
Прием витаминов и минералов, например витаминов С и D3, цинка и др.	0,131	0,137	0,000	1,000
Избегание физического контакта с другими людьми: рукопожатий, объятий и т. д.	0,231	0,852	0,912	0,945
Ношение маски в общественных местах, в транспорте, магазинах и т. п.	0,792	0,954	0,978	0,981
Ношение перчаток в общественных местах	0,215	0,222	0,782	0,796
Регулярное мытье рук с мылом и/или дезинфицирующими средствами	0,863	0,991	0,987	0,989
Избегание мест с большим скоплением людей	0,157	0,952	0,952	0,829
Соблюдение дистанции в общественных местах в полтора-два метра	0,126	0,879	0,897	0,773
Доставка продуктов, готовой еды, лекарств, других товаров	0,076	0,089	0,091	0,169
Проведение санитарной обработки продуктов после покупки	0,310	0,669	0,310	0,668
Доля в выборке, %	37,4	25,2	19,2	18,2

Можно было ожидать, что, несмотря на снижение накала страстей вокруг коронавируса в 2021 г., люди, более склонные защищать свое здоровье, сохраняют ориентацию на максимальное использование защитных практик, однако, как следует из данных, приведенных в таблице 18, этого не произошло.

Таблица 18

Матрица перехода между моделями защитного поведения, респонденты старше 18 лет (N = 8477), 2020 и 2021 гг., в %, взвешенные данные

Модели защиты, 2020 г.	Модели защиты, 2021 г.		Всего
	Умеренная защита	Максимальная защита	
Обязательные меры	43,6	56,4	100
Замкнутость	71,2	28,8	100
Самоизоляция	32,1	67,9	100
Полная защита	34,8	65,2	100
Всего	46,7	53,3	100

Подводя итоги, следует отметить, что на исходе второго года пандемии COVID-19 и здоровьесберегающее поведение, и установки людей относительно своего здоровья ожидаемо претерпели ряд изменений по сравнению с концом 2020 г. В некотором смысле можно говорить об «эффекте привыкания» к условиям пандемии. Несмотря на то, что оценка эффективности различных протективных

мер в целом снизилась к концу 2021 г., от 74 до 95% респондентов считали, что социальное дистанцирование, ношение масок и мытье рук являются надежными средствами защиты от коронавируса. Оценка эффективности защитных мер, как и в первый год пандемии, зависела от возраста и уровня здоровья: чем старше были респонденты и чем хуже они оценивали состояние своего здоровья, тем с большей вероятностью они считали эффективными различные меры защиты. Выявленные в 2020 г. четыре группы, различающиеся с точки зрения доминирующей стратегии здоровьесберегающего поведения, в 2021 г. схлопнулись в две. В первой группе, которая может быть охарактеризована как сторонники умеренной защиты от инфекции (прежде всего, при помощи масок и мытья рук), была выше доля мужчин, работающих респондентов, молодежи до 30 лет и людей среднего возраста, людей с хорошим здоровьем. Эти люди чаще позиционировали себя как неверующих или атеистов, выражали низкий уровень доверия окружающим, чаще пользовались социальными сетями и ниже оценивали эффективность защитных мер от коронавируса. Их отличала большая сознательность и склонность к риску. Вторая группа, старавшаяся соблюдать практически все меры предосторожности (за исключением доставки товаров на дом), в большей мере состояла из пожилых людей старше шестидесяти лет, людей со средней или низкой самооценкой здоровья, жителей сельской местности, верующих. В этой группе был выше уровень нейротизма и доброжелательности. В среднем сторонники максимальной защиты следовали 5,5 из 7 перечисленных в анкете здоровьесберегающих практик. Какой-либо закономерности перетекания респондентов из четырех кластеров 2020 г. в два кластера 2021 г. на данном этапе выявить не удалось. Выявленные в 2021 г. группы сторонников умеренной и максимальной защиты продемонстрировали существенное отличие в отношении вакцинации: во второй группе доля добровольно и принудительно вакцинированных была значимо выше.

Список литературы

Рощина Я. М., Харитонов А. А. Модели протективного поведения россиян в условиях пандемии в 2020 году // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE): сб. науч. ст. Вып. 12 / Отв. ред. П. М. Козырева. М., 2022. С. 110–128.

doi: 10.19181/rlms-hse.2023.3

HOW RUSSIANS PROTECTED THEMSELVES FROM COVID-19 IN 2021

Roshchina Ya. M., Kharitonova A. A.

Abstract. The paper examines health protective behavior (HPB) in Russia in the second year of the COVID-19 pandemic. The paper relies on the data of the two rounds of “Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics” (RLMS-HSE) for the years of 2020 and 2021. As the RLMS-HSE data show, by the end of 2021, the majority of Russians continued to view positively basic protective measures, such as mask-wearing, hand-washing and social distancing, although the overall share of

those who considered these measures to be effective went down slightly compared to 2020. Both in 2020 and 2021, the elderly and the respondents with poor health were more likely to view protective measures positively than the rest of the population. We were able to identify four distinct health protective strategies people resorted to in 2020, but only two remained in place during the second year of the pandemic. In 2021, the strategies of moderate and maximum protection dominated, while there were no distinct groups of respondents who would have opted for the strategy of minimum protection or prevention strategy. Those who chose the moderate strategy of HPB, which involved wearing masks and washing hands, were more likely to be male, employed, young or middle-aged, with good health. This group had lower levels of generalized trust, frequented social networks and felt skeptical about the effectiveness of the protective measures in general. Those who opted for the strategy of maximum protection and followed practically all medical recommendations were more likely to be older, have moderate or poor health, and live in rural areas. The share of the vaccinated was considerably higher in the second group than in the first. Unfortunately, the data show no clear pattern of transition from four health protective strategies of 2020 to the strategies of moderate and maximum protection that dominated 2021.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, COVID-19, pandemic, public health, protective behaviors.

References

Roshchina Ya. M., Kharitonova A. A. Modeli protektivnogo povedeniya rossiyan v usloviyakh pandemii v 2020 godu // Vestnik Rossiyskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VSh-E (RLMS-HSE). Vyp. 12 [Elektronnyy resurs] : sb. nauch. st. / otv. red. P. M. Kozyreva. – M., 2022. – S. 110–128.

Сведения об авторах

Воронин Геннадий Леонидович

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: voroning@isras.ru

Евграфова Ксения Олеговна

Научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: skenya@list.ru

Киселева Ирина Павловна

Старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: ikiseleva@demoscope.com.ru

Козырева Полина Михайловна

Доктор социологических наук, первый зам. директора
Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Заведующая Центром лонгитюдных обследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ

E-mail: pkozyreva@hse.ru

Косолапов Михаил Самуилович

Кандидат философских наук,
руководитель Центра методологии социологических исследований
Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: mkosolapov@isras.ru

Низамова Алфия Энварьевна

Кандидат социологических наук,
главный эксперт Центра лонгитюдных обследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ.

Старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: anizamova@hse.ru

Рощина Яна Михайловна

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической социологии НИУ ВШЭ,
ведущий научный сотрудник Центра лонгитюдных обследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ

E-mail: yroshchina@mail.ru

Сивкова Ирина Викторовна

Младший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: ishustova@demoscope.com.ru

Смирнов Александр Ильич

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: smir_al@bk.ru

Соколова Светлана Борисовна

Научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: sveta@demoscope.com.ru

Тонис Елена Игоревна

Научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: ea163100@mail.ru

Харитоновна Анастасия Александровна

Аспирант Лаборатории экономико-социологических исследований
НИУ ВШЭ

E-mail: aakharitonova@hse.ru

Научное электронное издание

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО МОНИТОРИНГА
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ И ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ
НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)**

Корректор: В. В. Камышан
Компьютерная верстка: Е. И. Григорьева, И. М. Ситдигов

Уч.-изд. л. 8,9. Объем 1,44 Мб.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: (495) 621 7983; 628 7931
E-mail: hse@hse.ru